

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 3 (36) сентябрь 2017

12+ Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально. ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна, д-р юрид. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович, д-р экон. наук, профессор (Финансово-экономический институт Таджикистана)

ЗАЙНАШЕВА Зарема Гафаровна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амиранович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУРМАНОВ Альберт Сафатович, д-р юрид. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ЛЯНЧЕ (ЛЕБЕДЕВА) Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна, д-р техн. наук, профессор, председатель Координационного совета МОО «Ассоциация преподавателей высшей школы», советник члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, комитет по социальной политике

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД РФ)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

СМЕТАНИНА Ольга Николаевна, д-р техн. наук (Уфимский государственный авиационный технический университет)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ШАЯХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ШМИДТ Вильям Владимирович, д-р филос. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

VESTNIK BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

№ 3 (36) September 2017

12+

«REGION STUDIES AND ETHNOPOLITICS»

Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education,
"Academy of Labour
and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.
ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

The scientific journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science.

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

BOLTENKOVA Lubov Fiodorovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

VALEEV Haidar Arslanovich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Juridical Sciences, (Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich, , Doctor of Economics Sciences, Professor (Financial and Economic Institute of Tajikistan)

ZAYNASHEVA Zarima Gafarovna, Doctor of Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (Bashkir Institute of Social Technologies)

KURMANOV Albert Safuatovich, Doctor of Juridical Sciences (Bashkir Institute of Social Technologies)

LYANCHYE (Lebedeva) Margarita Leonidovna, Assistant Professor, Candidate of Political Sciences, Academic Board Chairperson for FPMI, the Head of the Politology and Law Department (Research and Development Institute for Project Management and Investments, Hannover, Germany)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna, Doctor of Technical Sciences, Professor, Chairman of the Coordination Council of the Association of High School Teachers, advisor of member of the Federation Council of the Russian Federal Assembly, Committee on Social Policy

MALIKOV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Sciences (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

NAZAROVA Ulyana Anatolievna, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor (Bashkir State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Doctor of Juridical Sciences , Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation)

SMETANINA Olga Nikolaevna, Doctor of Technical Sciences (Ufa State Aviation Technical University)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

TURIN Sergey Borisovich, Doctor of Economics, Professor (the Academy of Labour and Social Relations Branch in Yaroslavl)

SHAYAKHMETOV Ulfat Shaykhizamanovich, Doctor of Technical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

SCHMIDT William Vladimirovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Members Of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KUZNETSOV Igor Aleksandrovich, Candidate of Juridical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KHOROSHAVZEVA Olga Petrovna, Candidate of Culturological Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Our address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА И ИДЕОЛОГИЯ	7
Нигматуллина Т.А. Клиентелизм как политический тренд регионального элитообразования.....	7
Бенина Л.И. Особенности проявления структурных компонентов политической культуры в современной России.....	17
Гильманов В.В., Чувиллина Н.Б. Методологические вопросы исследования современных российских партий как механизмов электорального рекрутирования правящих элит и лидеров.....	22
Нугуманов Д.С. Трансформация процесса регионального элитообразования в современной России: логика и перспективы.....	31
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ	37
Соколовский К.Г. Ассамблея народа Казахстана как инструмент сохранения межрелигиозного и межэтнического согласия.....	37
Хазиев А.М. Социокультурные инструменты профилактики экстремизма в молодежной среде.....	41
Гринько И.А., Шевцова А.А. Иконография национального вопроса в журнале «Крокодил» (1960–1970-е гг.).....	52
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ	64
Емельянов С.В. Влияние международной политики на развитие экономики в Российской Федерации.....	64

Нигматуллина Т.А., Миних В.А.

К вопросу о рынке труда инвалидов
(на примере Республики Башкортостан) 71

Гатауллин В.З.

Состояние строительного комплекса Республики Башкортостан
в 1960–1970-е годы
Часть 1. Уровень и динамика фондоемкости в строительстве 78

Гатауллин В.З.

Состояние строительного комплекса Республики Башкортостан
в 1960–1970-е годы
Часть 2. Проблемы сокращения длительности процесса строительства 88

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ 99

Османов Р.А.

Проблемы создания и функционирования конституционных (уставных) судов
субъектов Российской Федерации. 99

АВТОРАМ 106

CONTENTS

REGIONAL ELITE AND IDEOLOGY	7
Nigmatullina T.A. Customerism as a political trend regional elite education	7
Benina L.I. Peculiarities of the manifestation of structural components of the political culture in modern Russia.	17
Gilmanov V.V., Chuvilina N.B. Methodological questions of studying modern russian parties as mechanisms of electoral recruiting of establishment and leaders.	22
Nugumanov D.S. Transformation of the process regional elite education in modern Russia: logic and prospects	31
NATIONAL POLICY AND SECURITY	37
Sokolovskiy K.G. Assembly of the people of Kazakhstan as a tool for conservation of inter-religious and inter-ethnic consent	37
Khaziev A.M. Socio-cultural instruments prevention of extremism in the youth environment	41
Shevtsova A.A. The iconography of national question in the satirical revue "Crocodile" (1960 ^s — 1970 ^s)	52
ECONOMIC INTERESTS OF RUSSIA AND ITS REGIONS	64
Emelyanov S.V. Impact of international policy on the development of economics in the Russian Federation	64

Nigmatullina T.A., Minikh V.A.

To the question of the labor market of disabled people
(on the example of the Republic of Bashkortostan) 71

Gataullin V.Z.

Condition of the construction complex of the Republic of Bashkortostan
in 1960–1970^s years
Part 1. Level and dynamics of capital intensity in construction 78

Gataullin V.Z.

Condition of the construction complex of the Republic of Bashkortostan
in 1960–1970^s years
Part 2. Problems of shortening the duration of the construction process 88

REGIONAL LEGISLATION:

THEORY ISSUES 99

Osmanov R.A.

Problems of creation and functioning
of constitutional (authorized) vessels subjects of the Russian Federation 99

AUTHORS 106

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА И ИДЕОЛОГИЯ

УДК 32(470)

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,

доктор политических наук, доцент,
заведующий кафедрой политологии, истории, теории государства и права,
директор Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа
e-mail: ufabist@ufabist.ru

КЛИЕНТЕЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕНД РЕГИОНАЛЬНОГО ЭЛИТООБРАЗОВАНИЯ

Актуальность поднятой проблемы связана с усилением роли политических элит в постсоветской России, сосредоточением — как на местном, региональном, так и на федеральном уровне — в их руках ключевых властных и управленческих ресурсов. Автор рассматривает историю возникновения и развития теории элит, подробно останавливается на механизмах и принципах элитообразования в постсоветской политической системе, категориях рекрутирования руководителей субъектов Российской Федерации. В центре внимания и такие понятия, как политическая клиентела, околоэлитное окружение, контрэлита и др. Предлагаются технологии формирования будущей элиты в детской и молодежной среде.

Ключевые слова: клиентелизм, механизмы и принципы, политическая клиентела, региональная политическая элита, рекрутирование, социоцентрические мотивы, элитообразование.

Теория элит имеет давнюю историю. Первые упоминания об этом явлении зародилась еще в период античности. Сам термин «элита» восходит к латинскому *eligere* — выбирать; в современной литературе получил широкое хождение от французского *elite* — лучший, отборный, избранный [3]. Это означает, что проблема неравенства людей уже тогда стояла на повестке дня: ведь если есть лучшие, избранные, значит, их с кем-то сравнивали, и эти кто-то уступали им в чем-то: социальным положением, материальным достатком, интересами, личными качествами и т. п. Следовательно, можно говорить о наличии дифференциации уже в античном обществе. Не случайно проблема элит оказалась в центре внимания таких философов, как Платон, которого считают основоположником теории элитообразования, Аристотель, Ликург, Солон, Александр Македонский и др. В основе их идей лежали религи-

озные, моральные и нравственные убеждения. Так, к примеру, для Платона основополагающими были социальный и антропологический принципы. Для древнего китайского мыслителя и философа Конфуция приоритетом была мораль: он делил общество на «благородных мужей» (правлящую элиту), то есть тех, кто следовал долгу и закону, и «низких людей» (простолюдинов) — людей, которые думают о том, как бы им комфортнее устроиться и, не прилагая особых усилий, получить выгоду.

При этом (что очень важно!), античные философы, по крайней мере сторонники антропологической элитологии, считали, что социальный статус человека должен определяться, прежде всего, его нравственным и духовным совершенством, его индивидуальными качествами. Именно последние, по их мнению, были первичными, тогда как внешняя — социальная атрибутика являлась вторичной. Но этот прин-

ципиальный вывод был вскоре забыт, его заменили идеологические стереотипы, идея избранности и т. д.

Определенный вклад в развитие элитообразования был внесен в эпохи средневековья, Возрождения, Нового времени. И тогда вопросы неоднородности и иерархии общества поднимались и широко обсуждались. Достаточно назвать такие известные имена, как Августин Аврелий, Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Д. Локк, И. Бентам, Ж.-Ж. Руссо, Н.А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гасет и др.

В Советском Союзе существовала номенклатурная система, представлявшая собой особую разновидность системы гильдии. В соответствии с этой системой назначение на ключевые должности было возможным только при условии согласования с руководящими партийными органами. И хотя в состав, к примеру, ЦК КПСС и Верховного Совета, избирались и колхозники, и рабочие, и представители интеллигенции, это была лишь формальность, стремление продемонстрировать всему миру демократические устои Советского Союза. При этом человек, занявший ту или иную номенклатурную должность, как правило, «был обречен» работать в этой системе, последовательно продвигаясь вверх по карьерной лестнице. В этом были и свои плюсы, и свои минусы. С одной стороны, обеспечивалась преемственность в проведении государственной политики, а с другой стороны, приводило к идеологизации и политизации критериев отбора кадров, порождало клановость, доминирование родственных связей. Страх потерять должность и соответствующие ей привилегии приводил к деградации политической элиты.

Как справедливо полагает В.А. Мясоедова, существовал ряд факторов, которые, в конечном итоге, потребовали коренного преобразования существовавшего процесса. Прежде всего, это системная модернизация самой элиты, которая к началу восьмидесятых годов прошлого представляла собой государственную корпорацию, где наличествовали конкретные функционально-профессиональные сегменты: административные, хозяйственные, силовые и т. п.

Кроме того, в этот период заметно возрастает воздействие элиты на хозяйственную

сферу, что привело к «теневой экономике», то есть к деятельности, которая находится вне государственного контроля и учета и включает, в том числе, криминальные виды деятельности. «Теневая экономика» требует особых взаимоотношений, и для реализации своих потребностей между представителями партийной элиты начинает действовать «телефонное право», складываются несанкционированные «прямые» персональные контакты, а на их основе — вполне работоспособная «теневая» система.

В-третьих, административно-командная система хозяйствования, особенно после хозяйственной реформы 1965 года, оказалась не способной обеспечивать устойчивое развитие отраслей народного хозяйства.

И, наконец, утрата идеологии привела к легализации двойных стандартов жизни... Протекционизм и «семейственность» в назначениях на руководящие посты в 1970–1980-е гг. присутствовали во всех сферах общества. Естественным спутником этих процессов стала коррупция» [10].

Итогом действия этих факторов стали социальные, экономические и политические потрясения в конце 1980-х — начале 1990-х годов и смена политического режима в России.

Прежде чем перейти к элитообразованию в постсоветский период, считаем необходимым отметить следующее: по мнению П.Л. Карабущенко (и с ним согласны многие политологи), все, что было до конца XIX — начала XX в., можно считать философией элиты. Элитологией она стала благодаря классикам науки об элите — В. Парето (1848–1923), Г. Моска (1858–1941), Р. Михельс (1878–1936) [8].

С точки зрения М. Штокало [15], концепции элит этих ученых объединяют следующие идеи:

– особые качества элиты. Они связаны с врожденными способностями людей, их воспитанием, которые позже проявляются в их способности к управлению или хотя бы к борьбе за власть;

– групповая сплоченность элиты — объединение как общностью профессионального статуса, социального положения и интересов, так и элитарным самосознанием, восприятием себя особой категорией людей, призванным руководить обществом;

– признание элитарности любого общества, его неизбежного разделения на привилегированное властвующее творческое меньшинство и пассивное, нетворческое большинство. Хотя состав элиты меняется, ее господствующие отношения к электорату, как правило, остается неизменным;

– крайне редки случаи, когда представители элиты уходят со своих постов и теряют свое привилегированное положение добровольно. И как следствие — при формировании и смене элит ведется борьба за власть;

– руководящая и господствующая роль элиты в обществе. Несмотря на то, что элита далеко не всегда качественно выполняет необходимые для социальной системы функции управления, имеет тенденцию к вырождению, она стремится как можно дольше сохранить, а затем передать по наследству свои привилегии.

Именно подходы этих ученых получили развитие в современной политической теории. Однако, анализируя работы российских исследователей, следует отметить, что многие из них недостаточно внимания уделяют вопросам элитообразования, тогда как элитообразование — это не только особый социально-политический процесс, ключевой фактор обновления управляющих структур, но и свойство политической системы, ее стремление к устойчивости и обновлению.

В этом плане интерес представляют работы О. Крыштановской, О. Гаман-Голутвиной, Г. Ашина, И. Дискина, которые достаточно подробно проанализировали особенности элитообразования в постсоветской России [9]. Их исследования явились теоретической основой для изучения процессов элитообразования и на федеральном, и на региональном уровнях.

Проследим, как изменялись механизмы и принципы элитообразования в постсоветской политической системе.

В первые постперестроечные годы заметно повышается и укрепляется политическая самостоятельность властных структур, что было обусловлено, прежде всего, влиянием демократических сил, усилившимися в годы президентства М.С. Горбачева. Приход к власти достаточно большой группы реформаторов, в числе которых были политические фигуры, открыто от-

межевавшиеся от КПСС и проводившие свою политику, последовавшие трансформации хозяйственного механизма, переход от плановой системы экономики к рыночной, одобренная большинством Конституция Российской Федерации (референдум 1993 г.), — все это свидетельствовало о приходе к власти новой политической элиты.

Что было для нее характерно? К сожалению, часть этой новой политической элиты — а именно она диктовала свои условия — достаточно быстро сориентировалась и сумела в условиях передела государственной и общественной собственности завладеть значительными материальными ресурсами. Это привело к появлению так называемых «новых русских» и «к концентрации экономической власти в руках узкого социального слоя крупных собственников. Сложение Б. Ельциным своих полномочий не могло не повлечь на собой изменений как внутри политической элиты, так и вне ее. Как справедливо отмечает О.В. Гаман-Голутвина [5], завершился этап структурирования олигархического слоя политической элиты, отличительной особенностью которого стало сращивание верхушки крупного капитала с административно бюрократическим слоем высшего звена государственных структур власти».

Новый этап элитообразования в нашей стране связан с избранием на пост Президента Российской Федерации В.В. Путина и реализацией его курса на укрепление вертикали власти. Именно с этого периода отмечается объединение политической элиты с целью решения важнейших задач во всех сферах жизнедеятельности России.

Аналогичные процессы наблюдались и в региональных элитах. В период «Парада суверенитетов» наблюдается усиление политических позиций региональных лидеров, что вызвано трансформационным состоянием страны и институционализацией самой системы государственного управления [6].

В 2000-е годы институционализация государственного строительства достигает такой политической фазы, когда стал необходим пересмотр установившихся центрально-периферийных отношений. Происходит отказ от постоянных демократических инноваций в системе

государственного управления, возникает реальная потребность упорядочивания сложившихся политических раскладов сил. Это приводит к снижению степени неопределённости от политических преобразований. Так сложилась политическая практика в Российской Федерации.

Анализ региональной практики позволяет говорить о нескольких категориях рекрутирования руководителей субъектов Федерации. Так, А.С. Егоров предлагает выделять следующие категории [7].

1. «Местные». К ним относятся представители региональной административно-политической или деловой элиты. Их карьерный рост состоялся непосредственно в регионе, включая региональные отделения федеральных структур. Примером может служить продвижение по служебной лестнице Президента Республики Татарстан Р. Минниханова, который в течение ряда лет работал в команде бывшего Президента М. Шаймиева: сначала министром финансов Республики Татарстан, затем возглавил правительство Татарстана. Как правило, «местные» назначались, в первую очередь, в многонациональных и поликонфессиональных регионах: они были менее стабильны, чем «русские» регионы, в социально-политическом или межэтническом плане.

2. «Варяги». Это были чаще всего опытные управленцы, федеральные чиновники или представители административной элиты, не имевшие ранее опыта работы в регионе ни в каком статусе. Они назначались в проблемные «русские» регионы, где имелись разногласия внутри самой элиты, конфликты на почве борьбы за административные или экономические ресурсы.

3. «Уроженцы» («возвращенцы»). Это люди, как правило, родились в данном регионе, здесь же нередко начинали свою карьеру, но затем продолжили свою работу за пределами региона, нередко — в федеральных органах власти. Им были хорошо известны проблемы региона, но связи с региональной административно-политической элитой у них отсутствовали.

Характеристика политической элиты была бы неполной, если обойти молчанием околоэлитное окружение, иначе говоря, команду ру-

ководителей властных структур. Именно они, находясь в тени, выполняют основную работу, нередко выступают в роли советчиков и заметно влияют на принятие того или иного, в том числе политического, решения. Авторитет и общественное признание правящей элиты во многом зависят именно от профессионализма околоэлитного окружения.

Безусловно, у любой политической элиты есть оппозиция, так называемая контрэлита. Без нее, без борьбы политических сил нет и не может быть истинной демократии. Подчеркнем, что по сути контрэлита — это та же элита, только, в отличие от последней, у нее нет реальной государственной власти, да и доступ к управленческим структурам более чем ограничен. Больше того, сегодня роль российской контрэлиты практически не существенна. Можно утверждать, что у элиты и контрэлиты очень мало расхождений и много общих интересов, что позволяет им объединиться.

Характеризуя политические элиты, очень важно знать, как проходит процесс элитообразования, каковы принципы карьерного продвижения в структурах власти, как осуществляется фильтрация кадров и инфильтрация элит между собой. К большому сожалению, процесс открытости элитообразования все больше становится закрытым. И здесь нельзя еще раз не сослаться на Г. Моску и его положения о тенденциях «аристократичности». Если вспомнить номенклатурную элиту советского периода, когда карьерная лестница выстраивалась по принципу «хозяйственный руководитель — административный работник — политический руководитель», то сегодня картина прямо противоположная: «политическая элита — административная элита — бизнес-элита».

Более того, и методы управления в региональных элитах в большинстве своем остались традиционными, пришедшими из советской эпохи. Так же, как во времена Советского Союза, они нередко используются для передела и перераспределения имеющихся в стране ресурсов. И в настоящее время преобладающим является перераспределительный (или реди-стрибутивный) принцип. Вместе с тем, справедливости ради, отметим, что с введением санкций и усилением антикоррупционной политики эта ситуация начинает меняться. Однако сте-

реотипы живы, и с ними нелегко бороться: человеку, особенно облеченному властью, трудно отказаться от привычных привилегий.

Не менее проблематичными на уровне региона остаются вопросы, связанные с клиентелизмом. В чем суть этого явления? Образованное от лат. *cliens* — подопечный, клиентелизм — «это модель политического структурирования общества, основанная на особом типе взаимоотношений лидера (патрона) с его последователями (клиентами) — преданными ему или зависимыми от него сторонниками. Проявляется в форме персональных клиентел (лат. — *clientela*) — личных «команд» отдельных лидеров, а также клиентелизованных институтов, политико-финансовых групп (от крупных предприятий, финансово-экономических структур до органов государственной власти), опирающихся на патронажно-клиентные связи. Основными характеристиками таких групп выступают замкнутость и иерархичность структуры, а также неформальный характер взаимодействия в борьбе за право контролировать ресурсы» [14], влиять на решения властных структур, выдвигать на первый план собственные интересы в политике, которая формируется органами власти.

Значимой структурной характеристикой региональной элиты, приоритетной формой ее внутренней и внешней организации является клан. Как подчеркивает С.В. Бирюков, именно персональные вертикальные связи кланового характера важны для обеспечения масштабной инфраструктуры, способной успешно взаимодействовать и обмениваться ресурсами между структурами власти, а также выступать в роли некоего образца, эталона властно-политического взаимодействия [4].

Вместе с тем следует отметить, что на практике понятие «клан», хотя и отражает форму внутренней организации региональной политической власти и элиты, существующую начиная с 1990-х годов, тем не менее не может в полной мере охарактеризовать всю систему отношений, находящихся в ведении региональной власти и складывающихся во многом под влиянием неформальных институтов.

Интересны в этом отношении труды ряда исследователей, которые анализируют с точки зрения концепции «неопатримониализма»

процессы элитообразования обществ и государств Востока. В своих научных работах они развивают идею Макса Вебера, известного немецкого социолога, философа, историка, политического экономиста, об особом типе «патримониального господства», представляющем такую форму политической власти, которая основана на «личной» власти королевской (или царской, или императорской и т. п.) семьи и которая сопровождается квазидискретной системой распределения политических ресурсов [17].

Еще одно понятие веберовской типологии политического господства, без сомнения, заслуживающее пристального внимания с позиций нашей проблематики, — это «патримониальная бюрократия», определение и характеристика которой даны М. Вебером в работе «Хозяйство и общество»: это некая централизованная структура (или, иначе говоря, специальный аппарат управления, «штаб»), не обладающая реальной властью, а являющаяся послушным орудием патримониального правителя. Этому «штабу» господином устанавливается определенное право, преступать которое запрещено. Такая управленческая структура, хотя и обладает определенными рациональными чертами, но действует в условиях традиционного господства.

Надо сказать, что в ряде публикаций отечественных исследователей подчеркивается значимость идей Вебера, в том числе и в отношении «патримониальной бюрократии», для анализа системы управления современной России. Так, М.Н. Афанасьев отмечает, что «основные черты веберовского понятия «патримониальная бюрократия», которое сегодня обычно используют политологи, изучающие процессы в развивающихся странах, неплохо соотносятся и с нашей политико-административной действительностью» [2], хотя годом позже в статье «Государев двор или гражданская служба (Российское чиновничество на распутье)» [1] вместо этого термина использует другой — «кlienтарная бюрократия», объясняя это тем, что понятие патримониальной бюрократии указывает на связь с традицией, а последняя «разорвана тоталитарной контрмодернизацией». С этим можно поспорить, поскольку, несмотря на то, что в российской системе государствен-

ного управления сохраняются лишь отдельные черты патримониализма (в первую очередь, широкомасштабная коррупция), традиции, преемственность, в том числе в системе управления, всегда были сильны. Это можно подтвердить и тем, что несмотря на свою способность решить некоторые проблемы регионального сообщества, патримониалистский тип региональной политической власти в конечном итоге приводит к достаточно большому числу издержек [13], пренебрегая такими механизмами демократии, как разделение властей, отделение собственности от власти, автономия структур гражданского общества по отношению к властным и политическим структурам [16]. Об этом свидетельствуют и такие факты, как широкие государственные раздачи льгот и привилегий; отсутствие ясных и обязательных процедур назначения на должность, фаворитизм и т. д. [2].

Отметим также, что клиентелизм в региональном политическом процессе имеет двойственную диалектическую сущность. С одной стороны, это объективный политический феномен, порожденный переходным состоянием политической системы, который обеспечил сохранение целостности страны. С другой стороны, этот феномен приобрел субъективные черты, которые активизируют децентралисту политические практики.

В любом случае с приходом к власти В.В. Путина ситуация приобрела структурный характер, наметился курс на политическую стабильность, сам же клиентелизм во многом сохранил лишь фасадно-культурный сегмент, не угрожающий политической стабильности страны. Другое дело, что от этого страдает профессионализм регионального политического менеджмента.

Современный этап регионального элитообразования в России можно охарактеризовать следующими политическими трендами.

Во-первых (и это самое главное!), еще в начале 2000-х федеральным Центром была сформулирована задача по модернизации и обновлению региональных политических элит, и в течение первого десятилетия эта задача была практически решена. Губернаторов, наиболее самостоятельных и независимых, заменили, но обновление проводилось постепенно, что

позволило не разрушить региональные политические элиты и укрепить политическую стабильность нашего государства.

Во-вторых, клиентелизм стал отдельным элементом российской политической культуры на региональном уровне. Этот феномен не угрожает политической стабильности страны, но тормозит кадровую модернизацию регионов.

В-третьих, на региональном уровне происходит децентрализация клиентел. Часть политических элит, сумевших адаптироваться к изменениям политической конъюнктуры, получила право на самостоятельное развитие. Это означает, что они менее зависят от Главы региона и при необходимости могут самостоятельно начать поиски нового лидера. Сегодня в регионах завязываются долгосрочные внутривластные отношения, они стали более гибкими и в отношениях с федеральным Центром, и в вопросах внутреннего структурирования.

В-четвертых, элитообразование в российских регионах остаётся во многом номенклатурным. Более того, принцип гильдий прочно вошел в региональную политическую культуру.

В составе региональных властных структур растет число профессионалов из других сфер деятельности. Для развития региона это важно, но региональные политические элиты всячески стараются препятствовать этому, воспринимая появление профессионалов в своих рядах как угрозу собственной стабильности. Отсюда кадровый «голод» в региональных органах власти, чему в немалой степени способствует старение региональных политических элит, крайне невысокая мобильность профессиональных кадров во властных структурах. Справедливости ради подчеркнем, что практически во всех регионах формируется кадровый резерв из числа молодежи, проявившей свою политическую зрелость в презентации и внедрении различных проектов, однако и этот процесс весьма условен: нередко победители конкурсов — это тоже чьи-то протеже.

Отметим еще один очень важный, на наш взгляд, момент. Кадры необходимо готовить — и начинать этот процесс следует с формирования лидерских качеств, патриотизма, осознания себя членом коллектива, гражда-

нином своей страны уже в детском возрасте — сначала в семье, а затем в образовательных учреждениях. К сожалению, ни родители, ни воспитатели, ни учителя гражданско-правовому просвещению не уделяют должного внимания.

Коллективом Башкирского института социальных технологий был инициирован социологический опрос родителей учащихся школ г. Уфы [12]. В опросе приняли участие 300 человек: 138 представителей мужского пола, 172 — женского. Возраст анкетированных составил: до 35 лет — 97 человек, 36–50 лет — 160, старше 50 лет — 43. Уровень образования был самым разным: от выпускников колледжа до кандидатов наук. Разной была и сфера занятости: от домохозяек до занятых в административно-политической, хозяйственно-экономической, образовательной сферах и сфере бизнеса. Число детей в семье колебалось от одного до трех.

Приведем ответы лишь на два вопроса анкеты, предложенной родителям. На вопрос: «Что является главной задачей семейного воспитания? (расположите в хронологическом порядке)» — первое место было отдано развитию у детей любви и уважения к родителям (26%), второе — привитию трудолюбия (21%), третье — воспитанию в ребенке самостоятельности, способности самому решать жизненные проблемы (20%); четвертое — воспитанию доброты и отзывчивости (12%). Удивительно, но формированию лидерских качеств, патриотизма и гражданственности, а также толерантности отдаются последние места. И это — повод для широкого обсуждения и принятия конкретных решений, поскольку лидерство, патриотизм и толерантность — это те качества, без которых не может существовать гражданское общество и правовое государство, не может формироваться ни действительно зрелый кадровый резерв, ни грамотная кадровая политика.

На вопрос «Обсуждаете ли Вы в кругу семьи события, происходящие в мире, России, регионе» были получены ответы: да — 38%, нет — 46%, иногда, но редко — 16%. О чем говорят эти данные? О незаинтересованности родителей в социализации детей или непонимании ими значимости этого фактора для форми-

рования гражданственности ребенка. А ведь очень важно уже с детских лет научить ребенка солидарности, чувству ответственности за себя и за других, правилам сотрудничества и участия в общественной жизни, помочь ему поверить в свой потенциал и научить, как его можно реализовать.

Башкирским институтом социальных технологий накоплен определенный опыт работы с детьми и молодежью в этом направлении [11]. Четыре года назад вузом под эгидой Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО была создана Детская общественная правовая палата. Ее миссия — просвещение и воспитание детей молодежи в духе идей толерантности, ненасилия, миротворчества, уважения к правам человека, идеалам демократии и гуманизма. Члены Детской палаты — дети от 8 до 18 лет. Для них эта организация стала своеобразной инновационной площадкой, где проходят апробации детских законотворческих инициатив, разрабатываются и реализуются социальные проекты. Полученные знания и навыки в области прав человека и прав ребенка позволяют им приобрести инструмент защиты своих прав, стать — и это очень важно — своеобразными точками кристаллизации в развитии правовой культуры среди своих сверстников, точками роста в развитии демократического правового государства. Сегодня проекты Детской палаты имеют общественный резонанс, дети и молодые люди принимают участие в процессе принятия решений, связанных с их правами и законными интересами, и это служит, на наш взгляд, незаменимой школой для их социализации, развития у них способностей формулировать собственное мнение, свободно выражать свою позицию по всем вопросам, затрагивающим права и обязанности ребенка. Это — одна из технологий формирования кадрового резерва, в том числе политической элиты, молодежи, которая в будущем сможет осознанно и грамотно руководить регионом и страной в целом.

В заключение отметим, что происходящие в России изменения, в том числе кадровые перестановки, проведенные В.В. Путиным в 2016–2017 гг., свидетельствуют о постепенном приобретении более четких контуров элитообразования, в том числе в регионах. Оче-

видно, что процесс элитообразования в России будет систематически модернизоваться во благо обеспечения политической стабильности и целостности страны. Регионы же, в свою очередь, будут маневрировать между невысокой политической мобильностью и стремлением сохранить свою политическую значимость в управленческом истеблишменте.

Что касается представителей политических элит, то и на федеральном, и на региональном уровнях для них должно быть непреложным законом руководствоваться не клиентами, а социоцентрическими мотивами, стремиться к выработке универсальных ценностей, норм, ориентаций общественно-политического со-

гласия. С этой целью необходимо активное внедрение общегражданских патриотических технологий, которые могут оказывать влияние на общественное сознание через воспроизводство символической и объединяющей реальности. Идеологическая составляющая начинает занимать достойное место в образовании и воспитании подрастающего поколения. И это означает, что воздействие на поведение граждан со стороны политических элит становится эффективнее. А результатом этих изменений является формирование здоровых сил в обществе — одного из важнейших факторов сохранения России как целостного государства.

Литература

- [1] *Афанасьев М.Н.* Государев двор или гражданская служба (Российское чиновничество на распутье) // Полис. — 1995. — № 6. — С. 75.
- [2] *Афанасьев М.Н.* Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. — 1994. — № 1. — С. 121–126.
- [3] *Ашин Г.К.* Элита: история термина и его применение [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatje-termin-pareto-jelitarnyj-vlast-obshhestvo/>
- [4] *Бирюков С.В.* Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы: дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2009. — С. 64.
- [5] *Гаман-Голутвина О.В.* Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. — М., 2000. — С. 71.
- [6] *Гельман В.Я. и др.* Региональная власть в современной России: институты и практики // Органы государственной власти субъектов Российской Федерации / В. Гельман, А. Кузьмин, Г. Люх-Терхандт, С. Рыженков. — М.: ИГПИ, 1998. — С. 40.
- [7] *Егоров А.С.* Механизмы и динамика ротации региональных элит России в 1991–2012 гг. // Актуальные вопросы науки и образования: тезисы Всерос. молодежной науч.-практич. конф. (25–27 апреля 2013 г., г. Уфа). — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. — С. 734–735.
- [8] *Карабущенко П.Л.* Антропологическая элитология [Электронный ресурс]. — URL: <https://profilib.com/chtenie/82502/p-karabuschenko-antropologicheskaya-elitologiya.php>
- [9] *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. — 1995. — № 1.
- [10] *Мясоедова В.А.* Элитизм и демократия: эволюция и современность российской элиты на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — № 2–2. — С. 276–281.
- [11] *Нигматуллина Т.А.* Детская общественная правовая палата как инновационный кадровый ресурс современной России // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 11. — С. 163–166.
- [12] *Нигматуллина Т.А.* Гражданское просвещение молодежи как одна из моделей устойчивого развития мира // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2015. — № 4 (29). — С. 20–25.
- [13] *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. — М.: Ad Marginem, 1996. — С. 221.
- [14] *Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В.* Политологический словарь-справочник. — Ростов н/Д.: Наука-Спектр, 2008 [Электронный ресурс]. — URL: http://politics_reference.academic.ru/183/%D0%9A%D0%9B%D0%98%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%9C
- [15] *Штокало М.* Теории элит (Москва, Парето, Михельс) [Электронный ресурс]. — URL: <https://shtokalo.wordpress.com/2009/03/31>
- [16] *Braud Ph.* Penser l'Etat. — Paris: Edition de Seuil, 2004. — P. 67.
- [17] *Eisenchtadt S.* Traditional Patrimonialism and Modern Neo-Patrimonialism. — Beverly Hills; New York: Sage, 1993.

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Head at the Department of Political Science, History, Theory of State and Law,
director of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
Academy of Labor and Social Relations, Ufa
e-mail: ufabist@ufabist.ru

CUSTOMERISM AS A POLITICAL TREND REGIONAL ELITE EDUCATION

The urgency of the problem is connected with the strengthening of the role of political elites in post-Soviet Russia, concentration — at the local, regional, and federal level — in their hands of key power and management resources. The author considers the history of the emergence and development of the theory of elites, dwells in detail on the mechanisms and principles of elitism in the post-Soviet political system, the categories of recruiting leaders of the subjects of the Russian Federation. In the center of attention are such concepts as political clientel, near-elitist environment, counter-elite, etc. Technologies of formation of the future elite in children's and youth environment are offered.

Key words: clientelism, mechanisms and principles, political clientele, regional political elite, recruitment, socio-centric motives, elite formation.

References

- [1] Afanasiev M.N. Gosudarev dvor ili grazhdanskaja sluzhba (Rossijskoe chinovnichestvo na rasput'e) [State Court or Civil Service (Russian Officials at the Crossroads)] // Polis [Polis]. — 1995. — No. 6. — P. 75.
- [2] Afanasiev M.N. Klientela v Rossii vchera i segodnja [Clients in Russia Yesterday and Today] // Polis [Polis]. — 1994. — No. 1. — Pp. 121–126.
- [3] Ashin G.K. Elita: istorija termina i ego primenenie [Elite: the History of the Term and Its Application] [Electronic resource]. — URL: <http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatie-termin-pareto-jelitarnyj-vlast-obshhestvo/>
- [4] Biryukov S.V. Regional'naja politicheskaja vlast': instituty, struktury, mehanizmy: dis. ... d-ra polit. nauk [Regional Political Power: Institutions, Structures, Mechanisms: Dis. ... Dr. Polit. Sciences]. — Moscow, 2009. — P. 64.
- [5] Gaman-Goluvina O.V. Bjurokratija ili oligarhija? [Bureaucracy or the Oligarchy?] // Kuda idet Rossija?.. Vlast', obshhestvo, lichnost' [Where is Russia going? .. Power, society, personality]. — Moscow, 2000. — P. 71.
- [6] Gelman V.Ya. at all. Regional'naja vlast' v sovremennoj Rossii: instituty i praktiki // Organy gosudarstvennoj vlasti subiektov Rossijskoj Federacii / V. Gel'man, A. Kuz'min, G. Ljuh-Terhandt, S. Ryzhenkov [Regional Authorities in Modern Russia: Institutions and Practices // Government Departments of the Subjects of the Russian Federation / V. Gelman, A. Kuzmin, G. Luch-Terhandt, S. Ryzhenkov]. — Moscow: IGPI, 1998. — P. 40.
- [7] Mehanizmy i dinamika rotacii regional'nyh elit Rossii v 1991–2012 gg. // Aktual'nye voprosy nauki i obrazovaniya: tezisy Vseros. molodezhnoj nauch.-praktich. konf. (25–27 aprelja 2013 g., g. Ufa) [Mechanisms and Dynamics of Rotation of Regional Elites of Russia in 1991–2012 // Actual Problems of Science and Education: Theses of the All-Russian Youth Scientific-practical Conf. (April 25–27, 2013, Ufa)] — Ufa: the Bashkir State University, 2013. — Pp. 734–735.
- [8] Karabushchenko P.L. Antropologicheskaja elitologija [Anthropological Elitology] [Electronic resource]. — URL: <https://profilib.com/chtenie/82502/p-karabuschenko-antropologicheskaya-ELITOLOGIYA.php>
- [9] Kryshchanovskaya O. Transformacija staroj nomenklatury v novuju rossijskuju elitu [Transformation of the Old Nomenclature into the New Russian Elite] // Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. — 1995. — No. 1.
- [10] Myasoedova V.A. Elitizm i demokratija: jevoljucija i sovremennost' rossijskoj elity na postsovetском prostranstve [Elitism and Democracy: Evolution and Modernity of the Russian Elite in the Post-Soviet Space] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences]. — 2014. — No. 2–2. — Pp. 276–281.
- [11] Nigmatullina T.A. Detskaja obshhestvennaja pravovaja palata kak innovacionnyj kadrovyj resurs sovremennoj Rossii [Children's Public Legal Chamber as an Innovation Personnel Resource of Modern Russia] // Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]. — 2013. — No. 11. — Pp. 163–166.
- [12] Nigmatullina T.A. Grazhdanskoe prosveshhenie molodezhi kak odna iz modelej ustojchivogo razvitija mira [Civil Enlightenment of Youth as One of the Models of Sustainable Development of the World] // Vestnik BIST

(Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2015. — No. 4 (29). — Pp. 20–25.

[13] *Putnam R.* Chtoby demokratija srobotala [To Make Democracy Work]. — Moscow: Ad Marginem, 1996. — P. 221.

[14] *Pogorely D.E., Fesenko V.Yu., Filippov K.V.* Politologicheskij slovar'-spravochnik [The Political Dictionary-reference]. — Rostov na Donu: Nauka-Spektr, 2008 [Electronic resource]. — URL: http://politics_reference.academic.ru/183/%D0%9A%D0%9B%D0%98%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%9C

[15] *Shtokalo M.* Teorii elit (Moska, Pareto, Mihel's) [Elite Theories (Moska, Pareto, Michels)] [Electronic resource]. — URL: <https://shtokalo.wordpress.com/2009/03/31>

[16] *Braud Ph.* Penser l'Etat. — Paris: Edition de Seuil, 2004. — P. 67.

[17] *Eisenchtadt S.* Traditional Patrimonialism and Modern Neo-Patrimonialism. — Beverly Hills; New York: Sage, 1993.

УДК 32.001(470)

БЕНИНА Лариса Ивановна,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и политологии
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: larisa.benina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В российском обществе, находящемся на сложном пути перехода от авторитаризма к демократии, институтам власти и политическим лидерам необходимо учитывать особенности политической культуры различных слоев населения и специфику проявления ее различных компонентов в политическом процессе.

Ключевые слова: политическая культура, компоненты политической культуры, политическое сознание, политическое поведение.

Успешное продвижение российского общества по пути демократических преобразований обусловлено множеством факторов. Одним из важных политических и идеологических условий является трансформация политической культуры граждан, приобретение ею черт, обеспечивающих адаптацию граждан к социально-экономическим изменениям в стране. Политическая культура российского общества — это сложное духовно-практическое явление, структурными компонентами которого являются:

- *когнитивный компонент*, включающий в себя интерес к политике, уровень политической информированности и образованности, объем и глубину политических знаний;
- *идеологический компонент*, содержащий систему политических идей и взглядов, идеологических предпочтений и ориентаций, степень развития политического мышления, особенности политического менталитета;
- *эмоциональный компонент*, характеризующийся политическими настроениями, чувствами, эмоциями, предрассудками и влиянием политических традиций;
- *нравственно-оценочный компонент*, включающий в себя ценностные ориентации, приверженность определенным политическим нормам;

- *поведенческий компонент*, проявляющийся в установках на определенные модели и стереотипы политического поведения, характер политического участия (конвенциональный либо не конвенциональный) и уровень политической активности.

Фактором формирования *когнитивного компонента политической культуры* для большинства граждан является главным образом деятельность средств массовой информации и в первую очередь — телевидения, как наиболее доступного пути получения политических знаний. СМИ (включая Интернет) формируют информационную базу политической культуры. Но политическая образованность — это не просто сумма усвоенной информации, а наличие определенной системы осмысленных, научно обоснованных знаний о политике. Лишь систематизированные научные знания формируют когнитивную основу политической культуры и обеспечивают гармоничную политическую социализацию граждан. Интерес к политической сфере жизни общества наиболее активно развивается при условии комплексного использования субъектом всех источников социально-политической информации, способных воздействовать на процесс формирования политических взглядов, настроений и мнений, внедрять в массовое сознание политические идеи и ценности, соответствующие базо-

вым представлениям общества о социальной справедливости, пропагандировать демократические нормы и модели политического поведения.

На основе систематического получения оперативной информации формируется интерес к политике, который, в свою очередь, становится фактором повышения как познавательной, так и практически-политической активности граждан. Результаты эмпирических исследований говорят о том, что данный интерес не представляет собой постоянной величины и может изменяться в зависимости от ряда факторов, как макро-политического, регионального, местного, так и личностного характера, в частности, от степени приобщения гражданина к решению общественных задач, от членства в политических организациях и т. п.

Идеологический компонент политической культуры представляет собой более высокую степень вовлечения субъекта в политику, поскольку он предполагает теоретическое осмысление приобретенных знаний и их трансформацию в комплекс собственных политических идей, взглядов и идеологических предпочтений. Политическое мышление развивается на основе не только глубоких политических знаний, полученных из различных источников, но и личного политического опыта, способствующего проверке получаемой информации в процессе участия в политической практике. В современном обществе возрастает значение политического мышления, так как современная социальная реальность с ее противоречивостью, быстрой сменой и непредсказуемостью событий требует от человека умения оперативно ориентироваться в ситуации, оценивать соответствие слов и поступков политических деятелей, умения анализировать политические факты. В частности, можно отметить такую ментальную особенность значительной части российских граждан, как их традиционная приверженность левым взглядам, о чем свидетельствуют результаты всех парламентских выборов с 1993 по 2016 год, в ходе которых КПРФ постоянно получала значительное число голосов избирателей и занимала второе место по числу депутатов Государственной Думы. При этом «еще в советский период в нашей стране начался противоречивый процесс

синтеза коммунистических и консервативных идей, во многом предопределивший специфику становления и развития постсоветского российского левого движения и антиномичный характер его политической культуры» [2]. В то же время идеологический вакуум, возникший в России после отказа от государственной идеологии и разрушения монополии марксизма-ленинизма, создал возможности для проникновения в страну либеральных идей и ценностей [1].

Составляющие эмоционального компонента политической культуры — настроения, эмоции, чувства, предрассудки — отражают эмоциональное отношение граждан к политическим явлениям, способствуя концентрации их внимания на актуальных проблемах. Политические настроения несут важную информацию о состоянии общественного сознания и являются важным индикатором политической культуры. Опросы общественного мнения демонстрируют постепенную адаптацию большинства россиян к социально-политическим и экономическим изменениям, происшедшим в стране в течение последних 26 лет. Так, к 2007 году их политическое самочувствие заметно улучшилось. Настроения стали более оптимистичными, так как значительному числу граждан удалось преодолеть трудности переходного периода и улучшить свое материальное положение. Они стали чаще, чем в 1990-е годы, высказывать надежду на лучшее будущее, как своей семьи, так и страны в целом. Кризисные явления в экономике 2008–2010 гг. и 2014–2016 гг. не могли не сказаться на общественных настроениях. Они резко понизили «градус социального оптимизма». Однако воссоединение Крыма с Россией вновь способствовало подъему патриотических настроений в обществе. Для многих наших соотечественников, испытывавших чувство поражения после распада Советского Союза, возвращение Крыма «в родную гавань» стало символом возрождения России как великой державы. Вместе с тем население проявляет неоднозначные чувства по отношению к различным институтам власти и отдельным ее представителям. Так, президент страны пользуется бóльшим доверием, чем парламент или судебная система. Заметен большой

оптимизм респондентов в отношении личных перспектив (улучшение материального положения, продвижение карьеры, получение образования и т. п.) по сравнению с перспективами развития демократии и политической ситуации в обществе в целом.

Наиболее важным элементом *нравственно-оценочного компонента политической культуры* являются ценностные ориентации личности. Базовые социально-политические ценности — «свобода», «права человека», «неприкосновенность частной собственности», «общественный прогресс», «порядок», «стабильность», «социальная справедливость» имеют первостепенное значение для жизнеспособности любой политической системы и сохранения преемственности в ее развитии. То, какие именно из этого набора ценностей предпочитает тот или иной гражданин, определяет характер его политической активности. Российские граждане больше ориентированы на социально-экономические права, такие как право на труд, социальные гарантии со стороны государства, и в меньшей степени — на политические свободы, обеспечивающие защиту личности от произвола властей, от посягательств на неприкосновенность личности, жилища, тайну телефонных переговоров. Для многих важнейшим является право на отдых, справедливую оплату труда, образование, качественное здравоохранение. Права политического блока для большинства респондентов менее значимы, чем социально-экономические. Данные социологических опросов демонстрируют популярность в России авторитарных ценностей, таких как «сильная власть», доставшихся нашему обществу в наследство от советского периода. О сохранении авторитарных традиций говорят и такие особенности политического сознания россиян, как низкий уровень толерантности, неумение и нежелание прислушиваться к альтернативной точке зрения, бескомпромиссность оценок, «черно-белое» восприятие политической реальности. При этом насаждение либерально-демократических ценностей «сверху» вызывает их отторжение у значительной части граждан.

Поведенческий компонент политической культуры следует рассматривать с точки зрения характера политического участия, которое

может быть как конвенциональным (вписывающимся в общепризнанные нормы политической деятельности данного общества), так и не конвенциональным (нарушающим данные нормы). *Позитивно-активная форма конвенционального политического поведения* включает в себя работу в выборных органах власти, политических партиях, общественно-политических движениях, участие в избирательных кампаниях (агитация, активная поддержка кандидатов, выдвижение собственной кандидатуры в органы власти различного уровня). Анализ вовлеченности россиян в подобную деятельность говорит о предпочтении ими участия в работе молодежных и ветеранских организаций. В целом этот вид деятельности не относится к приоритетам большинства населения. Причинами этого многие называют низкий уровень доверия к таким политическим институтам как партии и уверенность в неэффективности подобной деятельности.

К *позитивно-пассивной* форме можно отнести обращения граждан в органы власти, средства массовой информации, в суд с жалобами и предложениями, голосование на выборах и референдумах, участие в сборе гуманитарной помощи, денежных средств, предназначенных для многодетных, больных, малоимущих граждан и пострадавших от терактов и стихийных бедствий. Данный вид политического участия также еще не получил массового распространения в России. Единственным исключением является голосование в день выборов. Население рассматривает электоральное участие не столько как канал вовлечения в разработку и принятие управленческих решений и возможность оказания влияния на политический курс государства, сколько как способ выразить свою поддержку либо протест тем или иным властным структурам. Многие граждане в связи с этим выражают недовольство тем, что из избирательных бюллетеней теперь исключена графа «против всех». Российский электорат осознает ограниченность своих возможностей повлиять путем голосования на политику как федеральных, так и региональных органов власти и повысить эффективность их деятельности. Перспективным каналом расширения масштабов данной формы политического участия является развитие интереса

граждан к проблемам местного самоуправления. Однако следует отметить тот факт, что большинство российских граждан до сих пор не приобрели личного опыта взаимодействия с органами местного управления и самоуправления. Между тем, именно данный уровень власти призван решать насущные проблемы населения, в силу чего он способен вовлечь в конвенциональную политическую деятельность многих равнодушных людей.

Позитивно-активная форма не конвенционального политического поведения включает в себя участие в акциях протеста — митингах, пикетах, демонстрациях. Протестное движение в России остается слабым и неорганизованным. К так называемой «уличной оппозиции», организующей акции протеста с чисто политическими требованиями, примыкает незначительный процент населения, о чем говорят результаты выборов в Государственную Думу Российской Федерации в сентябре 2016 г., на которых партии либерального толка получили незначительный процент голосов. Главной же причиной массового недовольства является снижение уровня реальных доходов населения, связанное с экономическими трудностями, обусловленными падением мировых цен на энергоносители и экономическими санкциями, наложенными на Россию странами Запада, обуславливающее относительно низкий уровень социального самочувствия значительной части россиян. Но, несмотря на имеющиеся поводы для недовольства, молчаливое и терпеливое большинство граждан России никогда не принимало участия в каких-либо акциях протеста кроме голосования «против всех» (до отмены данной нормы избирательного законодательства).

Позитивно-пассивная форма не конвенционального политического поведения про-

является в уклонении от участия в политике, в абсентеизме, апатии граждан, неуважении к политическим институтам и лидерам. Можно выделить три рода причин абсентеизма российских граждан: 1) объективные, связанные с общей социально-экономической и политической ситуацией в стране; 2) субъективные — личное негативное отношение к определенным органам власти или политическим деятелям; 3) причины, связанные с особенностями конкретной избирательной кампании в определенном регионе, городе (применение «грязных» политических технологий, неисполнение ранее данных обещаний, отсутствие реальной конкуренции между кандидатами или партиями и т.п.). Большинство абсентеистов в России, так же как и в других странах мира, насчитывается в беднейших и мало образованных группах населения. Вместе с тем и среди образованных и «политически подкованных» граждан также встречаются принципиальные абсентеисты, не доверяющие различным институтам власти, считающие, что их голос не будет услышан. Эффективным инструментом противодействия политической апатии может быть институт «праймериз», активно применяемый партией «Единая Россия» в целях отбора наиболее достойных кандидатов в депутаты органов законодательной власти всех уровней.

Политически зрелую личность отличает гармоничность развития и «сбалансированность» всех названных компонентов политической культуры, в результате чего на базе глубоких и систематизированных политических знаний и опыта личного участия в политике на муниципальном, региональном либо федеральном уровне развивается политическое мышление гражданина, глубоко усваиваются демократические нормы и ценности, формируются практические навыки политической деятельности.

Литература

[1] Бенина Л.И. Динамика идейных установок левых сил в современной России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2016. — № 3 (32). — С. 51–58.

[2] Бенина Л.И. Некоторые особенности политической культуры левых сил в современной России // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 9 (88). — С. 278–279.

BENINA Larisa Ivanovna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at the Department of Philosophy and Political Science
Bashkir State University, Ufa
e-mail: larisa.benina@mail.ru

**PECULIARITIES OF THE MANIFESTATION
OF STRUCTURAL COMPONENTS OF THE POLITICAL CULTURE
IN MODERN RUSSIA**

In Russian society, which is on the difficult path of transition from authoritarianism to democracy, the institutions of power and political leaders need to take into account the specific features of the political culture of various strata of the population and the specificity of its various components in the political process.

Key words: *political culture, components of political culture, political consciousness, political behavior.*

References

[1] *Benina L.I. Dinamika idejnyh ustanovok levyh sil v sovremennoj Rossii [Dynamics of Ideological Attitudes of the Left Forces in Modern Russia] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2016. — No. 3 (32). — Pp. 51–58.*

[2] *Benina L.I. Nekotorye osobennosti politicheskoj kul'tury levyh sil v sovremennoj Rossii [Some Features of the Political Culture of the Left Forces in Modern Russia] // Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]. — 2015. — No. 9 (88). — P. 278–279.*

УДК 329.05

ГИЛЬМАНОВ Виль Венерович,

независимый исследователь, главный специалист-эксперт
Министерства земельных и имущественных отношений
Республики Башкортостан, г. Уфа
e-mail: Vil90@list.ru

ЧУВИЛИНА Наталья Борисовна,

доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры политологии, социологии и философии
ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан», г. Уфа
e-mail: bagsu@rb.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ КАК МЕХАНИЗМОВ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО РЕКРУТИРОВАНИЯ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ И ЛИДЕРОВ

В статье дано авторское определение понятия «рекрутирование правящей элиты и лидеров» и выделены политические механизмы данного процесса; предложено авторское определение партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров; дан перечень политических функций партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров; обозначены факторы, обуславливающие роль и влияние партий в политико-системном процессе рекрутирования правящих элит и лидеров; предложен набор параметров анализа партий как механизмов электорального рекрутирования правящих элит и лидеров.

Ключевые слова: партии, рекрутирование, правящие элиты, лидеры, механизм электорального рекрутирования.

В контексте интегративного подхода (политико-системного, структурно-функционального, поведенческого, деятельностного) «политическое рекрутирование» может быть определено как процесс заполнения высших, средних и низших статусно-ролевых позиций в политических организациях, группах, неформальных движениях, а также деятельность субъектов по отбору и продвижению кадров в политической системе в целом (как в системе государственных и местных органов власти и управления, так и в гражданских институционализированных и неформальных политических структурах).

Но довольно часто в научном дискурсе «рекрутирование» используется в узком значении — как термин, синонимичный термину «рекрутирование политических элит и лидеров». В данном случае социальной группой,

формируемой в процессе рекрутирования, выступает политико-элитная страта и лидеры, выполняющие функции политического руководства обществом на всех управленческих уровнях системы власти — общенациональном, региональном, локальном, а также на организационно-институциональном уровне власти (заполнение руководящих позиций, связанных с выполнением лидерских функций в партиях, в группах давления, некоммерческих организациях).

В структуре политической элиты выделяется правящая элита — группа политиков, занимающих высшие властно-управленческие позиции в системе органов государственной власти и местного самоуправления, должностные полномочия которых позволяют им непосредственно осуществлять процесс принятия поли-

тических решений. Эта группа складывается из двух субэлитных групп — публичного сегмента правящих элит и лидеров («электократы» и «легислократы», получающие мандат на управление от избирателей на определенный срок), и бюрократического сегмента правящих элит [3, с. 67–68].

На макроуровне политической системы в рамках системной парадигмы изучения политики «рекрутирование элит» — это регулярно воспроизводящийся, упорядоченный, системный субпроцесс процесса функционирования политической системы.

Каковы механизмы политико-системного процесса рекрутирования правящих элит и лидеров?

В институциональном и инструментальном контекстах механизмами политического процесса являются политические институты и институционализированная деятельность политических акторов в рамках данных институтов. При этом в структуру институционального политического механизма также входят используемые акторами как нормативно закрепленные процедуры, средства и способы деятельности, так и неформальные практики.

В контексте данного подхода механизмами политико-системного процесса формирования и воспроизводства элиты можно считать системы рекрутирования — антрепренерскую и гильдейскую. Каждая система рекрутирования в своей основе имеет институциональный канал рекрутирования — для антрепренерской системы это институт выборов, а для гильдейской системы — система органов исполнительной и представительной власти (институты). Соответственно, рекрутационный процесс в антрепренерской системе получает форму выборного процесса, а в гильдейской системе — форму кадрового процесса.

В свою очередь, каждая система рекрутирования формируется из совокупности институциональных механизмов рекрутирования, функционирующих внутри соответствующего рекрутационного канала. Функционирование институциональных механизмов внутри каждого канала обеспечивает деятельная активность политических акторов в рамках рекрутационных институтов, их действия и взаимодействия.

При этом формальные и неформальные нормы, правила, процедуры, сложившиеся практики осуществления рекрутационной деятельности — составные элементы нормативно-процедурного механизма рекрутационного процесса.

Очевидно, что рекрутирование правящей политической элиты и лидеров представляет собой процесс отбора и инкорпорирования кандидатов на высшие статусные властно-управленческие позиции в системе представительных и исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления, который осуществляется в форме законодательно и корпоративно (организационно) установленных процедур и неформальных практик и протекает в рамках институтов выборов, партий, государственной власти, местного самоуправления.

Соответственно, политическими механизмами рекрутирования правящей политической элиты и лидеров выступают:

- институт выборов и институт политических партий, рекрутационная политика и деятельность партий;

- рекрутационная деятельность законодательно уполномоченных на осуществление этой деятельности депутатов парламентов, руководителей высших органов исполнительной власти государства, субъектов федерации в форме кадровой политики, а также рекрутационная активность элитных лоббистских групп и кланов;

- средства, инструменты, процедуры осуществления различных видов рекрутационной деятельности, используемые акторами рекрутационного процесса;

- действия и взаимодействия акторов в рекрутационном процессе, осуществляемые в форме конкуренции, борьбы, сотрудничества.

Политические партии — важнейший механизм процесса рекрутирования правящих элит и лидеров. Само возникновение института партий было вызвано потребностями элитных и неэлитных акторов электорального процесса. Функция электорального рекрутирования кандидатов является одной из главных функций партий — она определяет специфику партий как политического ин-

ститута в условиях демократических режимов. По Сартори Дж., «партия — это политическая группа, которая представляет на выборы и способна проводить посредством выборов кандидатов на государственные должности» [6, с. 64].

Впоследствии партии заняли определенное место и в рекрутировании бюрократической элиты. Мировые модели участия партий в рекрутировании элитной группы бюрократов многообразны: от роли главного и единственного механизма в коммунистических авторитарных партийных режимах, через влиятельную роль в демократических парламентских республиках с практиками партийного формирования правительства, до ограниченной роли — в классических президентских республиках.

В нашем представлении партии как механизмы рекрутирования правящих элит и лидеров представляют собой организованные институционализированные структуры, выполняющие функцию политического рекрутирования правящих элит и лидеров, целью которых является проведение на властно-управленческие должности органов государства и местной власти собственных кандидатов.

Признаками партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров являются:

- цель деятельности — сформировать политическую элиту при участии граждан, провести отобранных партией претендентов на выборные должности в органах государственной власти и местного самоуправления;
- содержание деятельности — отобрать, выдвинуть и продвинуть отобранных партией кандидатов на должности в органах государственной власти и местного самоуправления;
- институционализированный, организованный характер деятельности;
- инструментальный характер, функциональность;
- конкретные технологии, процедуры, инструменты партийной рекрутационной деятельности.

Можно утверждать, что политические партии как механизмы рекрутирования правящей элиты и политических лидеров, представляют собой организационные структуры, выпол-

няющие функцию политического рекрутирования и осуществляющие деятельность по отбору, выдвижению и продвижению претендентов в состав политической элиты — на депутатские должности в представительных органах государственной власти общенационального и субнационального уровней и местного самоуправления, а также на руководящие должности в исполнительных органах государства (президент страны, председатель общенационального правительства и его министры, губернаторы, председатели правительств регионального уровня) и местного самоуправления (мэры) в рамках легитимных процедур демократических выборов и процедур замещения высших руководящих должностей в системе исполнительной власти общенационального и субнационального уровней и в системе местной власти.

В современной России партии выступают в качестве механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров — самостоятельно отбирающих, выдвигающих и продвигающих кандидатов — преимущественно в рамках выборного канала.

Участие партий в рекрутировании высшего звена бюрократического сегмента правящей элиты — премьер-министра и министров национального и субнациональных правительств — ограничивается участием в процедуре парламентского согласования кандидатур, отобранных и предлагаемых парламенту на утверждение Президентом и председателем правительства.

Это обусловливается институциональной моделью президентско-парламентской республики и отсутствием практик подбора Президентом кандидатуры на должность премьер-министра и премьер-министром — кандидатур на министерские портфели по партийному принципу.

При этом и в электоральной борьбе за должность президента страны российские партии не являются влиятельными акторами. Так, авторы исследования Центра политических технологий «Российская партийная система: нынешнее состояние и перспективы развития» отмечают, что «партии в России не определяют основного содержания борьбы за исполнительную власть. Президентская республика

при неагрегированных интересах и „демократии хаоса” приводит к тому, что накопление ресурсов, состав коалиции победителя, идеология и программа предвыборной борьбы за исполнительную власть определяется вне партий» [5, с. 10].

Учитывая реалии современной России и, отсекая от предмета исследования элиты и лидеров-руководителей муниципального уровня, операциональное определение партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров государственного уровня, адаптированное для исследования современных российских партий, может иметь следующий вид: партии как механизмы электорального рекрутирования публичного сегмента правящих политических элит и лидеров-руководителей государственного уровня представляют собой структуры, осуществляющие деятельность по отбору, выдвижению и продвижению претендентов на депутатские должности в представительных органах государственной власти общенационального и субнационального уровня, а также на должности президента страны и глав региональной исполнительной власти, замещаемые прямыми выборами населением, использующие в своей рекрутационной деятельности конкретные процедуры, технологии, методы, средства.

Следующим важным методологическим вопросом является вопрос о наборе характеристик партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров, позволяющих понять и всесторонне исследовать данный феномен, — функциональных, структурно-факторных, системно-структурных, процедурно-деятельностных.

Можно выделить следующие системные политические функции партий как механизмов рекрутирования элит и лидеров:

– легитимное формирование правящих элит и оппозиции через выборы с участием населения, обновление политической элиты и лидеров с целью улучшения их качества — профессиональных способностей и человеческих качеств, необходимых для управления государством и обществом (эта функция партий как рекрутеров вносит вклад в стабилизацию, адаптацию, легитимацию политической системы);

– придание новых импульсов государственной политике в решении важных проблем развития государства и общества в целях согласования общественных интересов и разрешения политических конфликтов (адаптация политической системы);

– «формирование механизмов управления — создание и воссоздание после каждых выборов нормально функционирующей системы государственного и общественного управления» [2, с. 112]; (стабилизация политической системы);

– легитимация элит, лидеров-руководителей, органов государственной и местной власти и политической системы в целом;

– обеспечение связи между гражданами и элитами, лидерами (работает на адаптацию политической системы, легитимацию правящих элит и институтов власти);

– обеспечение подотчетности правящих элит и лидеров гражданам через выборную подотчетность (ответственность) самих партий перед гражданами за результаты своей рекрутационной деятельности (работает на адаптацию политической системы к меняющимся условиям социальной среды, легитимацию правящих элит и институтов власти и, в конечном итоге, — на стабилизацию политической системы).

В реальности системные функции политических партий как рекрутеров и результаты рекрутерской деятельности партий могут варьироваться от полного набора этих функций и существенного влияния партий на политический процесс, на характер политического режима (в демократических режимах) до сведения функций партий как рекрутеров правящих элит к единственной функции — легитимации правящей элиты, режима и органов власти при фиктивном характере выборов, фиктивной партийной конкуренции, ограничении роли партий рекрутированием депутатского корпуса политически невлиятельных представительных органов власти (в авторитарных и гибридных политических режимах).

Роль и влияние партий в политико-системном процессе рекрутирования правящих элит и лидеров определяется тем, как партии конституционно, институционально и режимно-технологически встроены в политико-систем-

ный механизм формирования персонального состава органов законодательной и исполнительной власти общенационального и регионального уровней в ряду других институтов и политических акторов.

То есть системными факторами, определяющими роль и влияние партий как рекрутеров, являются тип политической системы с формой правления и характер политического режима.

На уровне институтов и групп влияние партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров определяется соотношением их вклада в процесс рекрутирования правящих элит и лидеров с вкладом других акторов рекрутационного процесса как внутри канала выборов, так и внутри канала органов государственной власти.

Так, роль партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в системе электорального канала в плане модели поведения и их взаимоотношений с другими влиятельными акторами данного процесса может быть автономной ролью самостоятельного политического актора либо ролью инструмента, который используют правящие элиты для собственного воспроизводства во власти (в режимах электорального авторитаризма).

В демократических режимах в системе электорального рекрутирования правящих элит роль партий определяется их местом в «треугольнике» отношений «избиратели — партии — кандидаты», а влияние партий определяется объемом возможностей партий воздействовать на электоральный выбор избирателей.

М. Дюверже выделяет следующие факторы, влияющие на степень влияния партий в выдвижении кандидатов: избирательные законы, закрепляющие монополию или обеспечивающие преимущества партий, партийные положения о выдвижении кандидатов партиями, исторические традиции и менталитет нации (например, в Британии традиция представительства кандидата перед избирателями при посредничестве партий), размеры избирательного округа [1, с. 432]. Он также отмечает, что система пропорционального представительства, а также мажоритарная система голосования в один тур в сочетании с дуализмом партий приводят фактически к монополии партий в выдвиже-

нии кандидатов [1, с. 435]. Блокировка партийных списков и преференциальная форма голосования пропорциональной избирательной системы несколько увеличивают роль личного фактора, снижают роль партий в части большей свободы избирателей, но свободы — только в выборе кандидатов, предложенных партиями [1, с. 435]. Лишь мажоритарная система в два тура в сочетании с небольшими избирательными округами дает относительную свободу выдвижению кандидатов. При этом при всех обстоятельствах партийные кандидаты пользуются значительными преимуществами перед всеми другими кандидатами [1, с. 435].

Также к факторам, определяющим роль и влияние партий в системе отношений «избиратели — партии — кандидаты» следует отнести используемые партиями процедуры и методы отбора кандидатов.

Так, практики внутрипартийной кооптации и закрытые внутрипартийные праймериз максимизируют влияние партий и минимизируют роль избирателей в отборе кандидатов для участия в выборах, в то время как при использовании открытых праймериз партия делится частью своих возможностей в отборе с избирателями.

Порядок выдвижения кандидатов от партий, используемый партиями, определяет роль и влияние партий в системе «партии — кандидаты», степень зависимости кандидата от партии.

В частности, практики одностороннего выдвижения кандидатов партией, включающие отношения субординации, характерные для коммунистических партий и партий некоторых стран с двухпартийным режимом или пропорциональной избирательной системой максимизируют роль партий [1, с. 431–432].

В то же время практики кадровых партий и современных «партий-избирателей», в которых партия выдвигает не только своих членов, но и беспартийных кандидатов, а отношения между партией и кандидатами «имеют форму сложного торга» и «партии не всегда берут в нем верх», «когда не столько партия выбирает кандидата, а кандидат партию» [1, с. 431–432], демонстрируют большую свободу и меньшую зависимость кандидатов во взаимоотношениях с партией.

Структурно партия как механизм рекрутирования правящих элит и лидеров представляет собой систему взаимосвязанных элементов, функционально обеспечивающих выполнение различных видов и направлений деятельности, связанной с отбором, выдвижением и продвижением кандидатов. При этом партия как механизм рекрутирования правящих элит и лидеров — сама активный субъект выборного процесса, в котором она взаимодействует с другими его участниками — партийными и непартийными (кандидатами, избирателями, избирательными комиссиями, средствами массовой информации, спонсорами, государственными структурами). Способы, практики, результаты этого взаимодействия — важные характеристики партий как механизмов рекрутирования элит и лидеров.

Учитывая это, в контексте структуры и процесса функционирования партию как механизм электорального рекрутирования правящих элит и лидеров будут характеризовать:

- акторы-участники процесса партийного рекрутирования политической элиты (партийная элита и руководящий аппарат партии, занимающиеся выборным процессом; партийные менеджеры-организаторы, партийные и привлеченные партией политические консультанты и технологи, работники штабов, агитаторы, волонтеры, реализующие процесс отбора и продвижения кандидатов от партии в округах и по партийному списку; партийные и непартийные кандидаты — претенденты на выборные должности в органах власти, предполагающие получить эти должности при помощи партий; целевые группы избирателей, с которыми партия взаимодействует в электоральном процессе, привлекая к участию в праймериз и «продавая» партийных кандидатов в ходе агитационной кампании; другие партии, группы интересов, спонсоры, с которыми партия взаимодействует по вопросам рекрутирования кандидатов в элиту);

- деятельность партий по отбору и продвижению претендентов в элиту (цели, интересы партий и кандидатов, отбираемых партиями; содержание договоренностей кандидатов и групп интересов с партиями (услуги партий кандидатам в ходе избирательной кампании (помощь в выдвижении, предоставление ор-

ганизационного и финансового ресурса, предоставление партийного бренда) и ответственность кандидатов перед партией после избрания); принципы распределения кандидатов в партийном списке и по избирательным округам; технологии и формальные процедуры осуществления рекрутационной деятельности партиями (способы привлечения средств на избирательную кампанию и взаимодействия со спонсорами, процедуры первичного и вторичного отбора, критерии отбора, внутрипартийные процедуры номинации и приобретения статуса партийного кандидата, приемы агитации и коммуникации с избирателями, практики взаимодействия партийных менеджеров и наблюдателей с избирательными комиссиями в ходе кампании и в день голосования);

- внутрипартийные нормы и принципы осуществления рекрутационной деятельности, зафиксированные в Уставе партии, и неформальные партийные механизмы и практики рекрутационной деятельности;

- организационно-технологическая и кадровая база партии как механизма рекрутирования элиты (партийный избирательный штаб и организация его работы, политтехнологический ресурс партии; качество кадрового ресурса партийных менеджеров, располагаемый партией объем и качество партийного организационного ресурса членов партии — участников кампании, волонтеров, способы вовлечения и использования в избирательной кампании членов партии, сторонников-волонтеров, сочувствующих);

- результаты политико-рекрутационной деятельности партий для функционирования органов власти, реализации политического курса правящей элиты, адекватного интересам общества и задачам общественного развития, легитимации и стабилизации органов власти и политической системы в целом.

В процессе электорального политического рекрутирования элит выделяются две стадии: стадия предварительного отбора (формирования круга претендентов в правящую элиту) и стадия продвижения (инкорпорирования) в состав правящей элиты.

На стадии продвижения партия как «электоральная машина» осуществляет процедуру официального выдвижения кандидата или

списка кандидатов от партии (на партийном съезде или партконференции в округе), регистрирует своих кандидатов в уполномоченных на то органах и оказывает помощь кандидату в избирательной кампании (брендом, помощниками, юридической помощью, консультированием, в проведении агитации, во взаимоотношениях с избирательными комиссиями, в осуществлении наблюдения в день голосования).

Деятельность партий на стадии продвижения в существенной мере определяется нормативно-правовыми и институциональными факторами избирательного процесса: типом избирательной системы (пропорциональная или система большинства); нормами избирательного законодательства, регулирующими процедуры выдвижения, регистрации, агитации, голосования и наблюдения за выборами; нормами закона «О политических партиях», регулирующих электоральную деятельность партий, при наличии такого закона.

При отборе кандидатов в элиту и лидеров партии преследуют собственные интересы и действуют в ходе этого процесса как в соответствии с избирательными нормами, внутрипартийными правилами, нормами и процедурами, зафиксированными в Уставе партии и внутрипартийных документах и решениях, так и используют неформальные практики.

Внутрипартийные формальные и неформальные нормы и процедуры электорального рекрутирования определяют:

– «бассейн» рекрутируемых партиями претендентов (кандидатами от партии могут быть только члены партии или как члены партии, так и кандидаты, не являющиеся членами, а сочувствующие партии и желающие баллотироваться по партийному каналу) и отношения «партия — кандидат» в части взаимных обязательств;

– критерии отбора партией кандидатов в элиту (образовательные, профессиональные (компетентность, навыки и умения), электорально-коммуникативные (умение коммуницировать, убеждать, нравиться избирателям));

– процедуры, методы, правила и практики отбора кандидатов в партийный список и избирательные округа.

Конкретный набор и способы использования партиями средств отбора, выдвижения и продвижения кандидатов в правящую элиту — важная характеристика партий как механизмов рекрутирования правящих политических элит и лидеров.

М. Дюверже отмечает, что процедуры отбора и выдвижения кандидатов могут быть: публичными, осуществляемыми с участием избирателей (США), либо осуществляться как частный внутрипартийный акт, иногда даже тайный; с разной степенью вмешательства партий в выдвижение кандидатов — от монопольного положения партий, до относительной монополии при наличии альтернативных партийным форм выдвижения (например, самовыдвижение). Он выделяет два основных механизма селекции правящих политическими партиями: выборы (избрание) и кооптация [1, с. 447].

С начала XX в. в США используется оригинальная система выдвижения кандидатов — праймериз, в которых кандидаты, которые впоследствии будут выдвинуты от партий, отбираются избирателями — сторонниками партий. Праймериз официально организуются публичными властями, но сама процедура осуществляется в рамках партий. Существует много вариаций праймериз — открытые, закрытые, полузакрытые и «топ два» (двое лучших) [4, с. 72–73].

В отборе кандидатов партии также используют неформальные практики — клиентелизм, патронаж и протекцию, партийную коррупцию (продажу-покупку мест в партийных списках).

В числе партийных механизмов продвижения кандидатов следует назвать агитацию, пропаганду, рекламу, имиджмейкинг, соглашения и переговоры с союзниками в рамках коалиционных электоральных стратегий.

Подводя итог рассмотрению методологических вопросов изучения политических партий как механизмов рекрутирования политических элит и лидеров можно обозначить набор необходимых и достаточных параметров анализа партий как механизмов электорального рекрутирования правящих элит и лидеров:

– набор выполняемых партиями системных функций, реализуемых посредством рекрутирования политических элит и лидеров и мера

выполнения этих функций; способы выполнения партиями как механизмами рекрутирования правящих элит и лидеров своих системных функций легитимации, адаптации и стабилизации политической системы;

– роль партий в политико-системном процессе рекрутирования политических элит и лидеров в ряду других — непартийных — каналов и механизмов рекрутирования;

– внутрипартийные практики, процедуры и способы отбора и продвижения кандидатов (партийные критерии отбора кандидатов; открытый или закрытый способ отбора, конкурентный или неконкурентный; степень учета

мнения и практики привлечения избирателей к отбору кандидатов на стадии выдвижения кандидатов от партий и партийных списков (открытые или закрытые для избирателей механизмы (процедуры) рекрутирования, порядок формирования партийных списков и распределения кандидатов-одномандатников по избирательным округам, роль и влияние в этом процессе различных партийных групп, структур, руководителей);

– результаты партийной рекрутационной деятельности для государства, общества, стабильности и эффективности политической системы.

Литература

- [1] Дюверже М. Политические партии. — М.: Академический проект, 2002. — 560 с.
[2] Исаев Б. Теория партий и партийных систем. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 367 с.
[3] Крыштановская О. Анатомия российской элиты. — М.: Захаров, 2005. — 384 с.
[4] Петрова Р.И. Особенности процедуры праймериз в современной России // Вестник Пермского университета. — 2014. — № 3. — С. 70–76.
[5] Российская партийная система: нынешнее состояние и перспективы развития. — М.: ЦПТ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.politcom.ru/2005/prognoz17.php#26>
[6] Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

GILMANOV Vil Venerovich,

*independent researcher, Chief Expert
Ministry of Land and Property of the Republic of Bashkortostan, Ufa
e-mail: Vil90@list.ru*

CHUVILINA Natalia Borisovna,

*Doctor of Political Science, Associate Professor,
Professor at the Department of Political Science, Sociology and Philosophy
Bashkir Academy of Public Administration and Management
under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa
e-mail: bagsu@rb.ru*

METHODOLOGICAL QUESTIONS OF STUDYING MODERN RUSSIAN PARTIES AS MECHANISMS OF ELECTORAL RECRUITING OF ESTABLISHMENT AND LEADERS

In the article, the author's definition of the concept of "recruiting of establishment and leaders" is provided and political mechanisms of this process are specified; the author's definition of parties as mechanisms of recruiting of establishment and leaders is provided; a list of political functions of parties as mechanisms of recruiting of establishment and leaders is provided; factors stipulating the role and influence of parties in political system process of recruiting of establishment and leaders are specified; the proposed set of parameters of the analysis of parties as electoral mechanisms of recruitment of the ruling elites and leaders.

Key words: *parties, recruiting, elites, leaders, mechanism of electoral recruiting.*

References

- [1] *Duverger M.* Politicheskie partii [Political Parties]. — Moscow: Akademicheskij proekt, 2002. — 560 p.
- [2] *Isaev B.* Teorija partij i partijnyh system [Theory of Parties and Party Systems]. — Moscow: Aspekt Press, 2008. — 367 p.
- [3] *Kryshchanovskaja O.* Anatomija rossijskoj elity [Anatomy of the Russian Elite]. — Moscow: Zaharov, 2005. — 384 p.
- [4] *Petrova R.* Osobennosti procedury prajmeriz v sovremennoj Rossii [Features of Primaries Procedure in Modern Russia] // Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of the Perm University]. — 2014. — No. 3. — Pp. 70–76.
- [5] Rossijskaja partijnaja sistema: nyneshnee sostojanie i perspektivy razvitija [Russian Party System: Current State and Development Prospects]. — Moscow: Center of Political Technologies [Electronic resource]. — URL: <http://www.politcom.ru/2005/prognoz17.php#26>
- [6] *Sartori G.* Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

УДК 32

НУГУМАНОВ Дамир Салаватович,
заместитель директора
ООО «ГЕОСТРОЙ»
e-mail: digpartners@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА РЕГИОНАЛЬНОГО ЭЛИТООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЛОГИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В данной статье рассмотрена проблема трансформации процессов элитобразования в современной России. Автором был проведен анализ прошлых и текущих механизмов генерации региональных элит, в том числе через призму трансформации федеративных отношений. На основе проведенного исследования автором выявляются наиболее эффективные методы рекрутинга высшего эшелона региональной власти, соответствующие модернизационным процессам, наметившимся в отечественной политической системе.

Ключевые слова: региональная политическая элита, региональное элитобразование, механизмы рекрутинга элит, федеративные отношения, региональный политический процесс.

На современном этапе развития российская политическая наука концентрирует внимание на исследовании генезиса формирования политических элит в призме регионального аспекта их деятельности, суммы общественно-политических, национальных и этноконфессиональных факторов, способных оказывать влияние на принятие административно-политических и управленческих решений.

Справедливо считается, что одной из основных причин существующих экономических проблем страны является отсутствие «нового поколения» элиты регионов. На переломном рубеже 80–90-х гг. прошлого века произошло институциональное оформление корпуса элиты, которая делегировав себе управленческие полномочия, унаследованные из «союзного» времени, создав политическую архитектуру власти, закрепив ее основные атрибуты в региональной конституции или уставе, так и не смогла качественно управлять регионом. В результате фактически революционного крушения Советского Союза нового элитарного корпуса управленцев, способного эффективно представлять интересы большинства жителей регионов, так и не появилось, поскольку пришедшие к власти управленцы, сменив «вывески» на кабинетах и отказавшись от идеологи-

ческих мотивов, технически приняли на вооружение большинство методов советской номенклатурной элиты.

Вопреки этой устаревшей практике современная генерация административной элиты предполагает не традиционное совершенствование селекции притока новых политических фигур в структуры власти, а сбалансированную комбинацию систем — антрепренерской и гильдий, каждая из которых, несмотря на определенную дихотомию, обладает дополняющим друг друга набором позитивных сторон, позволяющих трансформировать рекрутинг в непрерывно развивающийся механизм управления властью.

При этом, первая система характеризуется открытостью, созданием социальных лифтов для рекрутирования представителей любых общественных групп на лидерские и управленческие позиции, атмосферы конкурентной среды, минимизацией институциональных фильтров, регулярной ротацией состава управленческой элиты, развитием стимулов для максимально эффективной реализации личностных качеств, продвижения собственных проектов, инновационных идей и программ как стержневой основы профессиональной траектории развития. Безусловно, разворот действующей

щих административных систем к инновациям происходит далеко не всегда энергично, как это необходимо для реагирования на современные тенденции внутрироссийского и глобального порядков, но процесс к коренному обновлению методологии функционирования власти в современной России уже происходит, что подтверждается организацией проектной деятельности на уровне федерального и региональных правительств [2], принятием соответствующих нормативных правовых документов, предусматривающих формирование новых организационных структур в качестве проектных офисов, создание временных органов управления проектной деятельностью, дополняет понятийный тезаурус управленцев принципиально новыми понятиями, которые ранее были характерны для современного менеджмента корпоративного бизнеса. Однако в настоящее время они являются лишь прообразом будущего управления, с учетом которого будет происходить рекрутинг региональных элит, их готовности к генерации и управлению креативными проектами в самых разных отраслях, в то время как в действительности они являются схематичными структурами, зафиксированными в программных документах регионов, а административный каркас управления в целом остается неизменным.

М.А. Казаков, И.В. Савельева, исследуя процессы модернизации власти как политического дискурса в научном плане и непрерывного генезиса политического устройства современной России, отмечают, что в стране «сложилась довольно иерархическая и стройная для управления из центра „вертикаль” региональных политических команд, где каждый глава региона был (по статусу и ресурсам влияния) лидером своей команды, имея весомое положение в рамках внутреннего организационно-управленческого пространства. С учетом „тандемokratии” и триады „президент — глава правительства — доминирующая партия” ресурсы глав регионов были не столько функционально заданными, сколько определялись степенью развития экономических, политических и информационных институтов территории, влиянием (силой контроля) на них регионального лидера и его команды» [1]. Характер их развития определяет кристаллизация ре-

гиональных элит, которые должны прирастать современными кадрами, способными к проектному управлению и принятию эффективных решений в субъектах Российской Федерации. В то же время обозначение алгоритмов сопряжения деятельности федеральной и региональной власти в части проектного управления предполагает рекрутинг элит для этой современной формы управленческой инженерии, обусловленную необходимостью в новых компетенциях, способностях и талантах будущего политика, которые и станут доминантой власти, а не только наличием большого практического опыта, чинов и иных регалий.

Преимуществами системы гильдий является большая предсказуемость политических действий, уравновешенность решений, коллективное разделение ответственности, снижение вероятности возникновения внутренних конфликтов. У этого подхода имеются сторонники, которые считают целесообразным реконструкцию существовавших в советский период классических принципов кадровой работы с иерархическим продвижением по ступеням государственной лестницы, нормированием морально-этических идеалов — справедливость, гуманность, прозрачность принимаемых решений, реагирование на общественные интересы и запросы. При этом, абстрагируясь от существующих процессов рекрутинга и объективной реальности, они усматривают необходимость в пересмотре содержания понятия «элита», восстановления его первоначального смысла и его соотнесении с отраслями и профессиями, а не политическим бомондом. Интегративный симбиоз двух выделенных подходов позволит в большей степени исключить недостатки каждого из них и сформировать эффективные и конкурентные механизмы регионального рекрутинга, не позволяя ей стать вновь бюрократически номенклатурным институтом со всеми привилегиями и незаконными полномочиями.

В каждом российском регионе складываются собственные предпосылки к формированию института элит, соотносимые не только с системой федеративных отношений и призмой восприятия каждой из ее составляющих политических компонент, но и логики собственного саморазвития, иногда существенно расходя-

щейся с централизованной позицией российской власти. Поэтому универсальной матрицы регионального элитогенеза в настоящее время не существует, и в каждом российском регионе присутствующей в нем элите требуется уникальный и персонифицированный подход.

Известный с давнего времени паттерн «где родился, там и пригодился» в современных условиях перестает быть аксиомой личного самоопределения молодежи, предпочитающей академическую мобильность, трудоустройство в так называемых «точках роста», где наиболее успешно может проходить их социализация, где качественнее и престижнее образование. Естественно, происходящая депопуляция регионов, отток молодежи, особенно из сельских районов, ослабляет элиты, поскольку отъезд из городов и районов будущего креативного класса способен привести к депрессивному состоянию территорий. Поэтому определение ключевых «брендов» территорий, создание благоприятного инвестиционного климата, благоприятных факторов для получения качественного непрерывного образования позитивно сказываются на укреплении человеческого капитала территорий, а впоследствии и на рекрутинге региональных элит в условиях конкурентной среды.

Исследуя процессы рекрутинга региональных элит в условиях российского федерализма в эпоху фундаментальных вызовов, следует отметить, что элита с принципиально иной политической ментальностью и современной культурой менеджмента, которая бы лояльно была бы воспринята большинством людей, задействованных в новой экономике, появляется пока еще далеко не во всех регионах, поскольку периодические циклы правления губернаторов, занимающих свои посты более 10 и даже 20 лет, еще не завершены, но запрос на модернизацию политической жизни в них велик.

Складывающаяся в современной России система политического рекрутинга элит при известных недостатках по сравнению с принятой в советский период номенклатурной системой выдвижения является более системной, открытой и динамичной, учитывающей базовые политические запросы населения.

В новейшей российской политической истории формирования политических элит регио-

нов, как правило, берут верх над местными элитами кандидаты в губернаторы с «федеральным» опытом, которые пройдя многолетнюю профессиональную социализацию на высших постах в российских министерствах и ведомствах, крупных промышленных корпорациях, получив кремлевскую санкцию на назначение и поддержку регионального законодательного органа, достаточно быстро преодолевают представителей местных элит, конфликтные и сепаратистские настроения которых постоянно находятся в поле зрения территориальных подразделений правоохранительных органов.

В новейший период развития российского общества происходит трансформация значения и политической роли региональных политических элит, современная генерация которых с рекрутингом в высшие эшелоны власти становится более адаптивной к интересам людей, повышению уровня и качества их жизни.

Одним из параметров устойчивости региональной власти, который обязательно учитывается при рекрутинге управляющих элит в высшие органы исполнительной власти, является их независимость и равноудаленность от политической и крупной бизнес-элиты. С позиции федеральной власти это позволяет сократить высокие риски коррупционных проявлений, таких как протекционизм, кооптация, поддержка неформальных связей, ограничение доступа к властным структурам из внешней среды, ограничение социальных лифтов.

Современная клановость, характерная для ряда российских регионов, не является типично распространенным явлением в политической жизни страны, а в большей степени является собой фрагментированные цепочки вытесняемой из российской политической действительности иерархической патрон-клиентельной системы. Ее ресурсный потенциал, складывавшийся длительное время в постсоветских условиях, определялся развитостью «теневых» сектора экономики, унитаризацией власти, доминирующим превосходством элит над обществом, традиционной устойчивостью родовых отношений и их адаптивностью к трансформирующимся обществам.

Основными неформальными факторами формирования новой политической архитек-

туры элитарных систем в национальных республиках становится переход от распространенной азиатской патриархальной концепции «отца нации», когда в масштабе государства, провинции (области) возвышается значение безусловного этноцентрированного лидера, к современному европейскому варианту топ-менеджмента. В рамках такого подхода происходит видимое ослабление этнократических позиций, характерных для раннего постсоветского периода. В этой ситуации размывается анклавный характер национальных территорий, ослабевает политическое влияние националистических сил, эксплуатирующих потенциал титульной нации, утрачивается роль происхождения из моноэтнической среды (тейпы, кланы, рода и племена), соответственно, происходит увеличение числа во власти выходцев из урбанистической среды).

Достаточно редким, но эффективным способом конструирования современной архитектуры регионального элитообразования является целевая подготовка резерва топ-менеджеров за пределами региона — в ведущих отечественных и зарубежных научно-образовательных центрах. Последующий их рекрутинг в региональные властные структуры позволяет успешно трансформировать модели управления, обновлять кадровый состав, эволюционно замещая выбывающую «старую гвардию» на перспективных управленцев. Кроме того, учитывая, что период их образовательной подготовки для последующей профессиональной социализации проходил за пределами региона, то они в определенной степени в своих действиях не наследуют погрешности устаревшей административной системы, отказываются от номенклатурных принципов. «Молодая гвардия», политически не обремененная «традиционными схемами», характерными для советского времени и начального периода российской государственности, предпочитает инновационную парадигму управления на основе стратегического менеджмента, которая в новейших условиях становится более адаптивной к российской почве. Они также оказываются более восприимчивыми к новейшим мировым и общероссийским тенденциям инкорпорирования в сложившуюся управленческую практику современных моделей фор-

мирования профессиональных команд и способны к эффективной реализации проектного управления.

На вершине иерархии обновленной власти находится глава республики (области), который чаще всего позиционирует себя сторонником антикоррупционной политики, демократичности и справедливости, служения людям, социально благополучного общества. В связи с этим он пытается внедрить открытый тип рекрутирования политических элит, для которого характерен отбор по профессиональным качествам кандидата.

Персонифицированные достоинства регионального лидера складываются из совокупности воли, совести, разума, креативности, инновационности, технологичности, социальности, политической компетентности, возвышающей его над представителями контрэлиты.

Наибольший электоральный успех по инерции завоевывают медийные персонажи региональной элиты, но экономическая ситуация складывается таким образом, что консолидированный социальный заказ гражданского общества обозначается как объективная необходимость в профессиональных антикризисных управляющих территориями, знающих все ее многомерные возможности и ресурсы, сильные и слабые стороны, современными технологиями из области стратегического менеджмента, обладающие практическим опытом решения конкретных проблем народонаселения, энтузиазмом и открытостью людям. В целом современная региональная элита не представляет собой гомогенную политическую среду и не демонстрирует единство идеологических воззрений и приверженность административным стилям управления.

В рекрутинге региональной элиты ее институционализация во власти приобретает многоаспектный характер, через который в публичной, медийной сфере происходит интерпретация разных условий, ценностей, смыслов, приоритетов общественно-политического переустройства региона.

Тотальной трансформации всей системы политического рекрутинга до настоящего времени не произошло ввиду преемственности административных и политических практик, преувеличения традиционных принципов подбо-

ра и расстановки управленческих команд над инновационными методами проектного управления.

Изменить создавшееся положение может только существенная трансформация социализационных, образовательных, кадровых и иных механизмов, нивелирующих социальную стратификацию общества и оказывающих значительное влияние как собственно на потенциал управляющей развитием региона элиты, так и на развитие всего человеческого капитала региона. В свою очередь, это приводит к общей солидаризации ответственности и преодолению существующих экономических противоречий и конфликтных политических расхождений, создающих риски для формирования устойчивого гражданского общества.

Суть политических изменений в управлении регионом — в обретении нового качества рекрутинга региональных элит, призыве новой генерации управленцев, способных бесконфликтно консолидировать человеческий капитал с опорой на производство знание емких и инновационных продуктов, в которых технологические решения преобладают над сырьевым производством.

Необходимо четкое и последовательное структурирование критериев эффективности деятельности региональных элит, занимающих властные позиции в системе управления субъектами Российской Федерации. Все они, скорее, характеризуют патерналистское государство и такую же модель рекрутинга элиты. Впрочем, недавно Кремль внес некоторые уточнения к критериям, которым должны соответствовать (при переназначении) претенденты на губернаторский пост. При принятии кадрового решения глава государства теперь будет учитывать возраст руководителя, его рейтинг (доверие населения) и уровень не только экономического благосостояния региона, но и социального самочувствия его жителей. А это уже похоже на социальное государство и социально ориентированный рекрутинг.

В условиях изменяющегося характера федеративных отношений регионы становятся испытательными полигонами для отработки современных моделей, которые в случае успешного внедрения будут впоследствии внедрены

в социально-экономические системы остальных субъектов Российской Федерации.

Таким образом, региональная кадровая политика в масштабе России с приставкой «smart» обещает стать «умной», и ее предназначение состоит в том, чтобы, во-первых, качественным образом изменить «фабрику производства чиновничества», превратив статус элиты региона в категорию, переходящую без градации на изолированные и политически ангажированные «цеха». В определенный временной лаг губернатор может стать ученым или профессором либо возглавить промышленную корпорацию. Как обозначил эту генеральную линию член совета директоров Экспертного института социальных исследований Г. Кузнецов, «в идеале хотелось бы видеть нечто вроде американского карьерного механизма „крутящихся дверей“: когда теоретик знает, что в любой момент может оказаться в реальной политике, а сотрудник администрации президента не считает для себя зазорным пойти в вуз, чтобы передать практический опыт будущим специалистам» [3].

Эволюция федеративных отношений происходит по восходящей кольцевой композиции, и выход на новый виток в четверть века с одной стороны предполагает определенное схождение с предыдущим этапом, что чревато определенным обострением этнополитической ситуации, а с другой — выводит их на новый уровень формирования региональных элит. Таким образом, политическая архитектура региональной власти начинает приобретать сложное многомерное строение, обусловленное необходимостью решения стратегических задач, переходом к проектному и электронному управлению. В целом это обуславливает трансформацию технологических подходов к рекрутингу региональных элит, который будет происходить не только под влиянием ситуационных экономических и политических процессов. Он будет исходить из уровня реализации федеративных отношений, состояния диалога власти и общества, готовности будущих элит к управлению институциональными элементами политической системы, в условиях асимметричности и множественных национально-культурных и социокультурных парадигм.

Литература

[1] Казаков М.А., Савельева И.В. Манипулятивные технологии в коммуникативной стратегии региональных элит // Регионология. — 2012. — № 2. — С. 21.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» от 15 октября 2016 года № 1050.

[3] [Электронный ресурс]. — URL: https://lenta.ru/articles/2017/06/07/think_tank/ (дата обращения: 07.09.2017 г.).

NUGUMANOV Damir Salavatovich

Deputy Director

Ltd. GEOSTROI

e-mail: digpartners@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE PROCESS REGIONAL ELITE EDUCATION IN MODERN RUSSIA: LOGIC AND PROSPECTS

In this article, the problem of transformation of elite formation processes in modern Russia is considered. The author has analyzed the past and current mechanisms for the generation of regional elites, including through the prism of the transformation of federal relations. On the basis of the research carried out by the author, the most effective methods of recruiting the highest echelon of regional authorities are revealed, corresponding to the modernization processes that have emerged in the domestic political system.

Key words: regional political elite, regional elite formation, mechanisms of elite recruitment, federal relations, regional political process.

References

[1] Kazakov M.A., Saveleva I.V. Manipuljativnye tehnologii v kommunikativnoj strategii regional'nyh elit [Manipulative Technologies in the Communicative Strategy of Regional Elites] // Regionologija [Regions]. — 2012. — No. 2. — P. 21.

[2] Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii "Ob organizacii proektnoj dejatel'nosti v Pravitel'stve Rossijskoj Federacii" ot 15 oktjabrja 2016 goda № 1050 [Resolution of the Government of the Russian Federation "On the Organization of Project Activities in the Government of the Russian Federation" dated October 15, 2016 No. 1050].

[3] [Electronic resource]. — URL: https://lenta.ru/articles/2017/06/07/think_tank/ (date of the application: September 7, 2017).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 261.7

СОКОЛОВСКИЙ Константин Геннадьевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
общеобразовательных и технических дисциплин
Гуманитарно-технической академии,
член Конгресса религиоведов Казахстана, г. Астана
e-mail: k_sokolovskiy@fastmail.com

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

В работе рассматриваются актуальные вопросы сохранения и упрочения межконфессионального и межэтнического согласия в Республике Казахстан. В данном контексте исследуется деятельность Ассамблеи народа Казахстана как важного инструмента формирования и реализации государственной этноконфессиональной политики, укрепления единства граждан, продвижения ценностей толерантности и веротерпимости.

Ключевые слова: Казахстан, Ассамблея народа Казахстана, межнациональное и межрелигиозное согласие, толерантность, государственно-этноконфессиональная политика, светское государство.

С момента распада СССР и обретения Казахстаном независимости одним из приоритетных направлений государственной политики становится обеспечение внутренней стабильности. Казахстан является одной из самых многонациональных стран в мире. Так, по данным последней переписи населения, в республике проживают представители 125 народностей, исповедующие 46 религий [1, с. 20]. В подобной ситуации религиозность и этническая принадлежность, зачастую выступающие элементом национальной идентичности, могут оказаться также и потенциальной причиной (хотя бы на бытовом уровне) конфликтности, превращаясь в важный аспект политической культуры. В этой связи сохранение согласия и стабильности всегда было в фокусе особого внимания государства и гражданского общества, оно же заявлено одним из первостепенных приоритетов в Стратегии развития Казахстана до 2050 года [4, с. 70].

Прошедшие 25 лет без значимых конфликтов на этноконфессиональной почве — несомненное достижение независимого Казахстана. Толерантность, веротерпимость, приятие инаковости, поиск компромиссов и взаимопонимание — вот ценности, ставшие основой казахстанского патриотизма.

К середине 1990-х годов в целом была сформирована нормативная правовая база механизмов обеспечения толерантности. 1 марта 1995 г. Президентом Н.А. Назарбаевым подписан Указ «Об образовании Ассамблеи народа Казахстана» (АНК), получившей статус консультативно-совещательного учреждения при Главе государства. Она стала первым органом, объединившим усилия Правительства и гражданского общества для сохранения этноконфессионального согласия.

Согласно принятому в 2008 году Закону «Об Ассамблее народа Казахстана», ее основной задачей является обеспечение консолидации

интересов этносов, проведение эффективной межэтнической коммуникации, формирование единого политического, правового, культурного поля этнических процессов. Целью АНК обозначена выработка на основе оценки событий и прогнозов политической ситуации в республике практических рекомендаций, обеспечивающих консолидацию общества, а также оказание содействия Президенту Республики Казахстан — гаранту соблюдения прав и свобод граждан Казахстана, независимо от их расовой, национальной, социальной принадлежности, вероисповедания и убеждений.

В целом АНК стала не только органом, координирующим деятельность многочисленных национально-культурных центров, учрежденных на местах Малых ассамблей, но и уникальной площадкой межрелигиозного и межэтнического диалога, обмена мнениями и объединения усилий граждан по упрочению стабильности государства.

Являясь важным инструментом сохранения этноконфессионального мира и терпимости, Ассамблея организует мероприятия по развитию традиций и религий проживающих в Казахстане народов, формированию на их основе казахстанского патриотизма и единой наднациональной общности, базирующейся на принципах мультикультурализма. Безусловно, это позитивно сказывается на уверенности некоренных этносов в стабильном будущем.

Справедлива в этой связи мысль Ю.В. Якушевой о том, что «ощущение внутреннего равенства, отсутствие разделения на главную и второстепенную нации позволяют эффективно воспроизводить в Казахстане механизмы согласия, в том числе на уровне семьи, поскольку молодежь проходит весь цикл воспитания в обстановке, когда абсолютно исключены проявления нетерпимости и ксенофобии, а напротив, толерантное отношение к представителям других конфессий и этносов естественно» [6].

Ассамблея обладает значительным объемом не только консультативных, но и управленческих полномочий, высоким авторитетом ее Председателя — Главы государства, — что позволяет институционализировать этноконфессиональную политику в стране, придать ей стабильный, системный характер, а также завер-

шенность архитектуре политического процесса, включив в орбиту деятельности самые широкие слои населения, объединенные в этнические и конфессиональные референтные группы.

Понятна диалектика развития АНК: созданная как Ассамблея *народов* Казахстана (подразумевается, что ее участники — проживающие в Казахстане *народы*), она со временем трансформировалась в Ассамблею *народа* Казахстана (структуру, представляющую единый казахстанский *народ*).

Не вызывает сомнения, что несмотря на сложнейшие в социальном и экономическом плане транзитные 1990-е годы, государству удалось осуществить перелом в общественном сознании, обеспечивший приоритет наднациональных общеказахстанских ценностей перед этническими и конфессиональными, благодаря чему в стране не было допущено проявлений этнорелигиозной конфликтности. Эти процессы продолжаются, и на сегодняшний день «одним из центральных вопросов, определяющих характер и содержание гражданской общности в Республике Казахстан, является соотношение гражданской и этнической идентификации» [5, с. 126].

Сегодня Ассамблея продолжает выполнять роль гармонизатора межнациональных и межконфессиональных отношений, коммуникатора между национально-культурными центрами и властью. Конституционная формула «Мы — народ Казахстана» стала базисом общности всех граждан вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности, в практической плоскости означая «единство в многообразии».

В рассматриваемой сфере Казахстан достиг значимых результатов, которые не остались без внимания мирового сообщества. Отмечается активная рецепция отечественного опыта иностранными государствами. Не случайно, выступая на конференции ОБСЕ по толерантности и недискриминации, Президент Н.А. Назарбаев справедливо отметил, что казахстанская модель толерантности может быть адаптирована на всем пространстве ОБСЕ [2]. В свою очередь, бывший Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун подчеркнул, что принципы, на которых строится деятельность АНК, сочетаются с принципами Организации Объединенных Наций. Ка-

захстан признан страной, ведущей последовательную политику, направленную на обеспечение межнационального и межконфессионального взаимопонимания представителей всех проживающих этносов [3, с. 183].

Не вызывает сомнения, что АНК с момента своего создания продемонстрировала высокую эффективность в качестве инструмента

сохранения и упрочения межнационального и межрелигиозного согласия. Она обеспечивает функционирование понятного и эффективного неполитического механизма этноконфессиональной консолидации и формирования атмосферы доверия, толерантности и взаимопонимания для успешного развития государства и общества.

Литература

[1] Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Аналитический отчет Агентства Республики Казахстан по статистике / под ред. А.А. Смаилова. — Астана: АстанаБланкИздат, 2011. — 65 с.

[2] Назарбаев Н.А. Казахская модель толерантности может быть адаптирована на всем пространстве ОБСЕ // Информационное агентство «Kazakhstan Today». — 2010. — 29 июня [Электронный ресурс]. — URL: https://www.kt.kz/rus/politics/kazahstanskaja_modelj_tolerantnosti_mozhet_bitj_adaptirovana_na_vsem_prostranstve_obse_nazarbaev_1153520413.html (дата обращения: 11.08.2017).

[3] Нуртазенов Т.К., Карасева Э.М., Калашников А.П. Уникальный орган народной дипломатии (о деятельности Ассамблеи народа Казахстана по возрождению, сохранению и развитию национальной культуры) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 6–1. — С. 182–186.

[4] Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстан 2050: Новый политический курс состоявшегося государства». — Астана: Ин-т евразийской интеграции, 2012. — 89 с.

[5] Современный Казахстан: Стратегия успеха / под ред. М.Е. Шайхутдинова. — Алматы: Ин-т мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан, 2008. — 286 с.

[6] Якушева Ю.В. Роль Ассамблеи народа Казахстана в межэтническом согласии // Центрально-азиатская дирекция Политологического центра «Север-Юг». — 2014 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rcsu-ca.ru/роль-ассамблеи-народа-казахстана-в-ре> (дата обращения: 11.08.2017).

SOKOLOVSKIY Konstantin Gennadyevich,

*Candidate of Juridical Sciences, senior lecturer
at the Department of General and Technical Subjects
of Humanitarian and Technical Academy,
member of Kazakhstan Congress for Religious Scholars
e-mail: k_sokolovskiy@fastmail.com*

ASSEMBLY OF THE PEOPLE OF KAZAKHSTAN AS A TOOL FOR CONSERVATION OF INTER-RELIGIOUS AND INTER-ETHNIC CONSENT

In the article considered topical issues of co-storage and consolidation of inter-confessional and inter-ethnic harmony in the Republic of Kazakhstan. In this context, shown the activities of the Assembly of the People of Kazakhstan as an important tool for the formation and implementation of state ethno-confessional policy, strengthening the unity of citizens, promoting values of tolerance and tolerance.

Key words: *Kazakhstan, Assembly of the people of Kazakhstan, interethnic and interreligious accord, tolerance, state-ethno-confessional policy, secular state.*

References

[1] Itogi Nacional'noj perepisi naselenija Respubliki Kazahstan 2009 goda. Analiticheskij otchjot Agentstva Respubliki Kazahstan po statistike / pod red. A.A. Smailova [Results of the National Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2009. Analytical report of the Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics / ed. by A.A. Smailov]. — Astana: AstanaBlankIzdat, 2011. — 65 p.

[2] *Nazarbaev N.A.* Kazahstanskaja model' tolerantnosti mozhet byt' adaptirovana na vsem prostranstve OBSE [The Kazakhstan Model of Tolerance Can Be Adapted throughout the OSCE Area] // Информационное агентство "Kazakhstan Today" [Information agency «Kazakhstan Today»]. — June 29, 2010 [Electronic resource]. — URL: https://www.kt.kz/rus/politics/kazahstanskaja_modelj_tolerantnosti_mozhet_bitj_adaptirovana_na_vsem_prostranstve_obse_nazarbaev_1153520413.html (date of the application: August 11, 2017).

[3] *Nurtazenov T.K., Karaseva Je.M., Kalashnikov A.P.* Unikal'nyj organ narodnoj diplomatii (o dejatel'nosti Assamblei naroda Kazahstana po vozrozhdeniju, sohraneniu i razvitiju nacional'noj kul'tury) [A Unique Body of People's Diplomacy (on the activities of the Assembly of the people of Kazakhstan on the revival, preservation and development of national culture)] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки [Humanitarian, Socio-economic and Social Sciences]. — 2015. — No. 6–1. — Pp. 182–186.

[4] *Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan N.A. Nazarbaeva narodu Kazahstana "Kazahstan 2050: Novyj politicheskij kurs sostojavshegosja gosudarstva"* [Address by the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev to the People of Kazakhstan "Kazakhstan 2050: New Political Course of the Established State"]. — Astana: Institute for Eurasian Integration, 2012. — 89 p.

[5] *Sovremennyj Kazahstan: strategija uspeha / pod red. M.E. Shajhutdinova* [Modern Kazakhstan: Success Strategy / ed. by M.E. Shajhutdinov]. — Almaty: Institute of World Economy and Politics under the First President of Kazakhstan Foundation, 2008. — 286 p.

[6] *Jakusheva Ju.V.* Rol' Assamblei naroda Kazahstana v mezhetnicheskom soglasii [The Role of the Assembly of the People of Kazakhstan in Inter-ethnic Harmony] // Central'no-aziatskaja direkcija Politologicheskogo centra "Sever-Jug" [Central Asian Directorate of the Political Center "North-South"]. — 2014 [Electronic resource]. — URL: <http://www.pcsu-ca.ru/роль-ассамблеи-народа-казахстана-в-пе> (date of the application: August 11, 2017).

УДК 32.001

ХАЗИЕВ Айдар Мухамадуллович,

преподаватель

Башкирского института социальных технологий (филиала)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа

e-mail: pravozachita-rb@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье предпринят комплексный анализ экстремизма в современной действительности во взаимосвязи с молодежным фактором. Исследованы социокультурные инструменты этноконфессиональной медиации как принципиально важного способа профилактики молодежного экстремизма. Рассмотрены аспекты сетевой манипуляции молодежи и методы профилактики экстремизма в информационно-коммуникационном и медийном пространстве.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, этноконфессиональная медиация, социокультурные инструменты, социальные сети, толерантность, мультикультурализм, меметика.

Школьное и студенческое образование, воспитание, социализация, развитие детей и молодежи в институционализированных системах гражданского общества является мощным антиэкстремистским фактором в сфере реализации общественно-государственной молодежной политики.

Хаотичное поведение некоторой части молодежи, разделяющей радикальные воззрения и готовой к открытому конфликту, не склонной к устойчивому личностному саморазвитию, непрерывному образованию и не включенной в другие социально-ориентированные формы институциональных отношений (например, добровольческое и волонтерские движения, студенческие отряды и т. д.), ведет к появлению риска возникновения деструктивных общественных сил. По сути, они лишены морально-этических норм, обладают признаками исключительного превосходства, но в то же время выступают носителями ин-

стинктивных поведенческих особенностей обезличенной толпы, ведомой под разными политическими и религиозными лозунгами.

Питательную среду для развертывания тенденций экстремизма придает радикализм, поскольку собственно внутренним ядром социального «портрета» экстремиста являются характерно выраженные радикальные взгляды, характеризующие его категорическое неприятие принципов общественного устройства, историко-культурных и нравственных основ, традиционной ментальности, и вопреки легитимным способам самовыражения избирающий диссонирующий путь конфликта и террора. Молодежь, предназначение которой состоит в том, чтобы быть в авангарде цивилизационного развития, находясь в активном поиске вариантов определения своего будущего, нередко идет на радикальный конфликт с существующими общественно-политическими реалиями.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Дихотомия глобального мира, разделяемого на полярные, абсолютно противоположные полюса, ведет к возникновению феномена дуалистического восприятия реальности, когда молодежь, усвоившая и отвергнувшая уроки запад-

ного мира, устремляется к иной категоричной крайности с градацией мира на противостоящие друг другу лагеря друзей и врагов и не видит выхода из матрицы конфликта по известному принципу «кто всецело не с нами, тот против нас».

Согласно точки зрения С. Хантингтона, профессиональные конфликты являются объективным результатом «столкновения цивилизаций», к одному из ключевых катализаторов которого ученый относит демографический взрыв ислама и последовавшие за ним миграционные движения. Этой же исследовательской позиции придерживаются и другие эксперты, которые в своих публикациях приходят к закономерному выводу о том, что международные отношения XXI века будут характеризовать межцивилизационный кризис. Его отличительными признаками выступают нарастающая в последние годы генерация конфликтов на почве инаковости этнических мировоззренческих культур и религиозных воззрений.

Зарубежный опыт оказался более ранним по сопоставлению с российским, поскольку реализация моделей толерантности и мультикультурализма в условиях свободного общества, деградация идентичностей у коренных европейских народов, происходящие параллельно с нарастающим миграционным исходом народов Востока на Запад, стали реальностью, разделяющей молодежь на разные враждебные друг другу лагеря по самым разным основаниям. Ценностный конфликт в эпоху постмодернизма ведет к духовной трансформации общества, проявлению экстремального поведения, росту протестных настроений, вовлечению в неформальные течения, в том числе с идеологией насилия и ксенофобии.

Как отмечает в этом контексте А.А. Чекалина, «обобщенность проблематики не исключает, разумеется, специфику и уникальность экстремистских проявлений в зависимости от политической, экономической и социальной структуры государства и общества, исторических и культурных процессов, однако допускает возможность сопоставления опыта профилактики и противодействия экстремизму» [7, с. 2556].

В одной из самых развитых европейских стран — Великобритании, проблема профилактики экстремизма среди молодежи признается в государственном масштабе. Здесь велика поддержка общественных институтов, преимущественно делается акцент на социально-психологической реабилитации молодых людей и активном их включении в обще-

ственные процессы, ориентацию на принципы мультикультурного и толерантного общества, формирование у молодежи позитивной идентичности и ощущения единства с британским обществом.

Общенациональная концепция, структурирующая молодежную общественную деятельность Великобритании, ориентирована на предоставление молодежи широких возможностей — участия в креативных проектах местных сообществ по охране природы, добровольческой и волонтерской деятельности, приобщении к спорту, эффективном и разностороннем использовании ресурсов школьного образования и свободного внеучебного времени.

Решаются задачи включения молодежи любого социального или этнического происхождения в добровольческую деятельность: расширение возможностей волонтерства, доступ к информации о добровольчестве, консультирование, широкие возможности для развития навыков, поддержка и увеличение числа молодых добровольцев. Подобный подход рассматривается как комплекс достаточно эффективных и перспективных профилактических мероприятий, призванных противодействовать развитию экстремистских убеждений и форм поведения.

Аналитический подход к определению типологии участников экстремистских групп проявил N. Vjorgo, избравший в качестве фокуса следующие дихотомии ценностных ориентаций: идеологическая / политическая мотивация — безыдеологичность / аполитичность; лидерство / высокий статус в группе — следование / сильная потребность в принадлежности к группе; хорошая социальная адаптированность / потенциальность; маргинализация / слабые социальные ресурсы; высокий — низкий уровень поиска острых ощущений. Подобные противопоставления позволили этому ученому сформировать градацию типов молодых экстремистов и определить методы и направления превентивной работы с ними. К ним N. Vjorgo отнес идеологических активистов (*ideological activists*), бродяг (*drifters*), выделив из них группу неопитов (*converts*), последователей (*followers*), социально фрустрированную молодежь (*socially frustrated youths*) [9, с. 280]. По мнению автора, общество обречено иметь в своем составе людей с экстремальным ми-

ровоззрением, которое они приобретают по ряду причин.

В первую очередь, социального неравенства и дифференциации социума, из-за чего молодые люди получают опыт дискриминации, унижений, отчужденности от благ общества и рискуют маргинализироваться.

Во-вторых, психологического истощения из-за несоответствия ментальным установкам общества, что ведет их к поиску новых идентичностей, включая вовлечение в воинственный экстремизм.

В-третьих, экстремистские рекрутеры, активно использующие социальные сети и информационные коммуникации, реагируют гораздо быстрее официальных институтов. Они быстро заполняют своим контентом возникающие экзистенциальные лакуны, погружая молодежь в деструктивно запредельное — обучение джихаду, борьбе за ислам, в том числе против своих соотечественников.

В-четвертых, социальное устройство молодежного сообщества Великобритании не приемлет безработного статуса, усматривая в нем проявление аутсайдерства и маргинальности, и соответственно, выпадение из нормальных социальных страт «на дно» нередко приводит к озлоблению и интенсивной радикализации отвергнутой части молодежи.

Следует также отметить, что молодежь, даже британского происхождения, исповедующая ислам, но не относящаяся к числу ортодоксов, склонна использовать физические атрибуты (хиджаб, бороды, тубетейки) в знак солидарности выражения протеста против антимусульманской риторики. В то же время эта часть молодежи является питательной средой для взращивания потенциальных экстремистов. Указанные выше моменты можно спроецировать за пределы британского социума, увидеть и предупредить экстремистскую фрустрацию молодежи.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Современный экстремизм и его критические формы, поглощающие в центробежную воронку тотального негативизма молодежь, еще в конце XX в. вышли за границы региональных масштабов, став явлением мирового порядка. Медиация в числе социокультурных инструментов гуманитарных наук реагирует на острые запросы гражданского общества, связанные с базовой потребностью человека в социальных благах, комфортных и безопасных условиях жизнедеятельности, необходимостью сохранять историческую самобытность и этноконфессиональную идентичность, что сделать в условиях глобализации, хаотичного движения миграционных процессов крайне проблематично. Отметим, что за последние десятилетия медиация как способ урегулирования и предупреждения коллизий и конфликтов, продемонстрировала актуальность и востребованность в самых разных цивилизационных общностях и национальных культурах.

Эффективные формы культурной профилактики экстремизма российской молодежи базируются на технологиях этноконфессиональной медиации, направленных на формирование

сбалансированного духовного и этнического пространства ее развития и социализации, способствующего воспитанию патриотизма и (общероссийской) гражданской идентичности, максимально учитывающей все многообразие национальных культур регионов Российской Федерации. Гармонизация патриотических тенденций молодежи, опирающаяся на сочетание культурных и религиозных ценностей гражданского общества, культурно-просветительские проекции российской государственности с использованием интерактивных и сетевых ресурсов, направленные на формирование общероссийской идентичности, могут стать эффективным социокультурным инструментом профилактики молодежного экстремизма.

Экстремистские установки ее сознания, вызывающие противоправные действия, во многом возникают, исходя из существующих модальностей этноконфессиональной парадигмы, искусственное погружение молодежи в кризисное состояние, связывания жизненных перспектив и дезадаптивных стилей поведения с деятельностью радикальных орга-

низаций. Поэтому молодежи для полноценной самореализации необходима институциональная сбалансированная образовательная и социокультурная среда, которая позволит нивелировать риски негативного влияния глобальной среды и противодействовать экстремистскому мировоззрению, враждебности и любой конфликтности, особенно остро проявляющейся в этноконфессиональной сфере. В этом контексте следует привести высказывание Т. Марциновской, считающей, что «для современной социальной ситуации характерны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества» [5, с. 26]. Подобные явления характерны не только для отдельных территорий, регионов и даже целых стран и оказывают сильное влияние на разрушение государственности.

Многочисленные упущения в реализации национальной, миграционной и образовательной политике привели к тому, что сделанная ставка на мобильность молодежи, преимущественно тюрко-мусульманского крыла, позволила продвинуться иностранным религиозным силам в экспансии своих интересов, распространении своего влияния на российское социокультурное, духовное пространство. Определенная часть российской молодежи, как правило, проживающая в национальных республиках, политически ангажированная и проявляющая себя в том числе в религиозной плоскости, вступила в конфликт с рецидивами этноцентрированного мышления «отцов», их попытками реставрировать национальную государственность, усмотрев для себя перспективы в распространении своего наднационального влияния через религиозную экспансию под эгидой объединенного тюрко-арабо-мусульманского мира.

Т.А. Нигматуллина, Л.О. Терновая, исследуя медиативные процедуры в молодежной сфере, выявляют тенденцию утраты доверия определенной части молодежи к институтам власти, обусловленную, прежде всего, экономическими факторами. «Сравнение поведенческих реакций молодых людей на экономический кризис и на теракты указывает, что выросшие во время кризиса склонны меньше доверять вла-

сти, как исполнительной, так и законодательной. Отчасти такое снижение доверия понятно, если считать, что во всем виноваты именно власти, допустившие кризис. Отсюда можно предположить, что представители поколения „К” могут оправдывать тех, кто выступает против властей в большей степени, чем представители других поколений» [6, с. 192–193].

На наш взгляд, идейно-концептуальная основа этноконфессиональной медиации определяется как универсальная социокультурная технология формирования культуры толерантности на стыке общечеловеческих, национальных и духовных мотивов через примиряющие процедуры нахождения согласования сложных этнических и религиозных систем. Она обладает гигантским потенциалом развития многочисленных форм симбиоза, общественно-межэтнического, межконфессионального, межпоколенного диалога, позволяющего через консолидацию представителей различных рас, национальностей, религий, мировоззрений, ментальностей отказаться от любых форм открытых и латентно протекающих конфликтов, расширить диапазон образовательных, просветительских, добровольческих, волонтерских, сетевых способов воплощения симбиотической эволюции, исключающей риски доминирования ксенофобских и экстремистских тенденций.

Современная этноконфессиональная медиация, учитывающая исходные культурные коды и многочисленные социокультурные и демографические факторы, территориальную обусловленность, получает ответную добровольную реакцию от представителей социальных страт нашего общества, включая молодежные сообщества, в формате выстраивания доверительных субъект-субъектных отношений. Поэтому в настоящее время можно констатировать проявление социокультурного феномена — возрастающей значимости этноконфессиональной медиации в российском масштабе, особенно на примере национальных республик.

На наш взгляд, органическая интегративность этнического и религиозного, сложившаяся еще в протоисторической реальности, не была утрачена в прошлых веках, и передалась по линии преемственности поколений в на-

стоящее время, когда в фокусе политического внимания оказалась проблематика этноконфессиональной медиации. Наша идея состоит в том, что смысловое единство этой дефиниции представляет собой не искусственно сопряженный бинарный духовно-культурный процесс, а взаимообусловленность духовного синкретизма, когда нравственному сознанию молодежи не чужды традиции их предков, культурные ценности, верования, идеалы, опыт совместного гармоничного сосуществования народов.

Хаотичное поведение некоторой части молодежи, разделяющей радикальные воззрения и готовой к открытому конфликту, не склонной к устойчивому личностному саморазвитию, непрерывному образованию и не включенной в другие социально-ориентированные формы институциональных отношений (например, добровольческое и волонтерские движения, студенческие отряды и т.д.), ведет к появлению риска возникновения деструктивных общественных сил. По сути, они лишены морально-этических норм, обладают признаками исключительного превосходства, но в то же время выступают носителями инстинктивных повадок обезличенной толпы, ведомой под разными политическими и религиозными лозунгами.

Соответственно на первый план выдвигается проблема поиска и определения социокультурных инструментов противодействия экстремизму в молодежной среде. Системное решение указанной проблемы требует применения не только директивных запрещающих действий, которые больше нормативно сдерживают распространение действия экстремистских группировок на национальной территории, а в первую очередь сбалансированной реализации технологий, формирующих аксиологические императивы, и отвечающих национальным интересам страны, историко-культурным традициям, обозначающих преемственность между богатым прошлым и современностью. В качестве примера можно привести запущенный во многих регионах России, в том числе и в Республике Башкортостан, проект «Россия — моя история».

Формы социокультурной институционализации экстремизма молодежи Республики Башкортостан значительно расходятся с подобны-

ми формами в других субъектах Российской Федерации, что объясняется следующими региональными причинами — природно-географическим положением, историко-культурным наследием, национально-культурными особенностями, этноконфессиональным статусом. Таким образом, нахождение Башкортостана на стыке Европы и Азии, то есть фактически особое геополитическое расположение региона на пересечении миграционных потоков, территориально близкого к государствам Средней Азии, создает предпосылки для экстремистских проявлений молодежи как сепаратистского, так и этнорелигиозного характера. Вместе с тем социокультурная матрица молодежи Республики Башкортостан и Поволжья Российской Федерации в целом предполагает высокий потенциал противодействия экстремизму на почве профилактики этноконфессиональных конфликтов, что определяется накопленным потенциалом естественной этноконфессиональной медиации.

В то же время Республика Башкортостан обладает большим потенциалом для улучшения межнациональных отношений, поскольку, основываясь на данных социологического исследования Федерального агентства по национальным отношениям под названием «Общественное мнение о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений в Российской Федерации», республика относится к «красной зоне» риска.

Собственно, государственная этноконфессиональная политика в Республике Башкортостан направлена на обеспечение мирного сосуществования и развития представителей разных народов и вероисповеданий и предполагает интеграцию усилий всех уровней власти и гражданского общества для сохранения и укрепления этноконфессиональной стабильности.

Открытие перед школьниками и студентами богатого мира культурных ресурсов позволяет местным молодежным сообществам аккумулировать свои креативные способности и таланты в сфере «этнокультурных индустрий» через культивирование традиций общественной жизни, участие в фестивалях и конкурсах, публичную демонстрацию в масс-медиа собственных увлечений, новейшие подходы са-

мовыражения в исполнительских и музыкальных искусствах, развитие фабрики молодежных идей. Оценивая социальный и образовательный эффект культуры, ведущий британский специалист по креативному развитию территорий Чарльз Лэндри приходит к выводу о том, что «она способствует накоплению социального капитала и усиливает готовность общества реагировать на перемены. Культура может усиливать сплоченность социума, повышать самооценку отдельного человека, улучшать жизненные навыки. Она открывает дорогу к физическому и нравственному благополучию людей, повышает их гражданскую ответственность, указывает новые направления образования и профессиональной деятельности» [4, с. 34].

Закономерный процесс сопряженного этноконфессионального развития в русле социокультурной парадигмы может прерваться на длительное время по причине мировоззренческого кризиса, разрушения ценностных иерархий, избыточного заимствования религиозных практик, возникновения межэтнических конфликтов и межрелигиозных противоречий, что чревато наступлением периода общественно-го хаоса и деструкции.

Цифровые сообщения, мемы, шокирующие фотографии, постоянно циркулирующие в социальных сетях, побуждают молодежь, находящуюся далеко от места разгорающегося конфликта, массово выражать свое отношение, добиваясь мультипликативного эффекта в соединении виртуального и реального пространств. С.Н. Чирун, исследуя значение и прогнозируя поведение молодежи в ситуации постмодерна, указывает на то, что в отличие от предсказуемого мира «модерна», в котором ее роль определена преемственным процессом социализации, когда молодежь готова к выполнению определенных социальных ролей, «в постмодерне молодой человек свободно оперирует с произвольными сегментами совершенно не сочетающихся мировоззрений, дискурсов, языков. В области коммуникации сокращается количество ограничений, но и пропадают и ориентиры. Молодой человек автономизируется, отдаляясь от реального общества и многих форм коллективной идентичности, все больше проводя времени в вирту-

альных мирах: в сети Интернет или компьютерных игровых, ролевых мирах. Молодежь постмодерна свыкается со своей игровой идентичностью» [8, с. 101].

Трансформация пространства игровых миров из двухмерного формата в виртуальную реальность способна запустить глобальную фабрику грез, в которой интерактивные эпизоды и сюжеты развиваются по заранее предопределенному сценарию и обеспечивают полное погружение в них молодежи, тем самым создавая мнимый эффект свободы принятия личных решений. Известный журналист и знаток кибер культуры Келли Келвин пишет, что «видеоигры первыми показывают нам новые возможности для интерактивности. Но полная свобода, которую предполагают неограниченные с виду горизонты, на самом деле иллюзорна. Игрокам, или аудитории, дают задания для выполнения и обеспечивают мотивацию, чтобы они оставались до конца. Все действия ведутся в определенном направлении, затягивая вас в своего рода воронку, и оттуда — в бутылочное горлышко общего сюжета» [3, с. 260–261].

Поэтому мы считаем, что этноконфессиональная медиация является многомерным социокультурным феноменом, который может распространяться на урегулирование отношений и запуск примиряющих процедур между народами, этническими диаспорами, коренными жителями и мигрантами, молодежными аудиториями, имеющими разные мировоззренческие установки и т. д.

Экстремистская риторика за последние десятилетия стала неотъемлемым элементом сетцентрических войн, меметизации виртуального пространства, доказывающим превосходство избранных и отрицающего саму возможность полифонии этнического и религиозного многообразия общества, мирного сосуществования разных этносов и вероисповеданий. Подобный открытый и латентный прессинг приводит к нарушению прав и свобод человека, препятствует достижению гражданского мира и согласия, является основной причиной возникновения этнополитических и религиозных конфликтов, способных как в активной фазе, так и затаившемся режиме проявлять себя многие десятилетия.

Этноконфессиональная медиация не ставит своей целью директивное «переформатирование» подростков, имеющих склонность к проявлению в общественной жизни экстремистских взглядов. Их взгляды и так очевидно нелогичны, а иногда каких-либо определенных взглядов нет совсем. Важно учитывать и эффект групповой поляризации, заключающийся в том, что публичное рассмотрение проблемы усиливает преобладающую в группе тенденцию. Активное обсуждение материала вызывает большую поляризацию, чем пассивное выслушивание аргументов. Так, группа умеренных националистов после дискуссии может превратиться в группу еще более убежденных радикалов.

Представляется, что этноконфессиональная компетентность формируется не только в ходе теоретического освоения этнических особенностей, но и эмпирическим способом — формированием конструктивных навыков поведения в полиэтничной среде, общения с людьми разных религиозных взглядов, носителями инаковых культур, умений противостоять деструктивным культам, неадекватным способам общественного поведения. Здесь недостаточно просто включить представителей разных социальных национальностей в учебную группу или класс, важно организовать их успешную и интересную молодым людям совместную деятельность.

Целесообразно использование художественной и учебной литературы, видеофильмов и интернет-ресурсов подходящей тематики, формирующих ценности толерантности, ненасилия, диалога культур. В образовательных организациях следует создавать такие списки рекомендованных фильмов и книг для внеклассной профилактической работы, формировать коллекции таких материалов. Проект «Формирование перечня 100 книг по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемых к самостоятельному прочтению» включает не только замечательную литературу, но и национальные эпосы, являющиеся шедеврами нематериального выражения национального духа этносов России. По аналогии имеется большая целесообразность создания реестра жизнеутверждающих лент отечественных авторов, знакомство с которы-

ми школьников и студентов будет способствовать укреплению дружбы и взаимопониманию между народами, формированию культуры толерантности.

Сближение этнокультурных парадигм через знакомство с литературным творчеством ярких представителей разных народов и вероисповеданий, населяющих Россию, позволяет молодежи в едином российском гуманитарном пространстве понять ценностные и ментальные отличия — религиозные, этнические, языковые, мировоззренческие, идентификационные в условиях культурной свободы. Формирование философии множественного восприятия сложной реальности, понимания неодинаковых и даже совершенно разных людей, многоцветья их этнических культур, орнаментов и традиций способен лишь человек, выросший в условиях атмосферы согласия и готовый к постоянному диалогу, в том числе через этноконфессиональную медиацию, когда требуется примиряющее восприятие, исключающее конфликтные образцы поведения.

Значение этноконфессионального фактора в формировании социокультурного «портрета» молодежи, на наш взгляд, крайне важно, поскольку молодежь, особенно живущая в национальных республиках, одновременно с религиозной идентичностью выступает носителем обширного историко-культурного пласта и всего наследия этносоциума — обычаев и традиций, фольклора, образа жизни, родного языка, стиля и дизайна этнического пространства, мировоззренческих императив, менталитета и т.д. Все указанные свойства образуют собой стержневую основу духовного уклада народа, выражают синтез соотношения религиозного и национального восприятия действительности, увязанную с этническими нормами этики и морали, отражают квинтэссенцию нравственных ценностей, передаваемых подрастающему поколению, настраивают на диалог с окружающими народами и солидарную ответственность за мирное будущее регионов и страны в целом.

Мы установили, что причиной возникновения многих современных межнациональных конфликтов и противоречий, с нередким смещением в сторону религии, является отсутствие развитых коммуникационных связей и практи-

ки применения инструментов этноконфессиональной медиации. В силу этого превентивное предупреждение, преодоление острых коллизий подобного плана, выходящих в публичную сферу и вызывающую бурную реакцию общества, должно вестись посредством активного использования социокультурных технологий и практик этноконфессиональной медиации.

СЕТЕВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ЭКСТРЕМИЗМ

Трансграничные и транснациональные интернет-коммуникации выполняют значительную роль в конструировании всех элементов и этапов организации массовых протестов и экстремистских действий с участием молодежи, в том числе несовершеннолетних, которых запрещенные организации и неформальные сообщества рассматривают в качестве перспективной ударной силы против государственно-общественных устоев, легитимной власти, российского федерализма.

Исторически сферы межэтнических и межконфессиональных отношений, имеющих множество точек для соприкосновения и примирения, деструктивные силы активно используют в своих интересах для противопоставления и раздора, что выводит их в число основных общественных зон риска с труднопредсказуемыми последствиями. К их числу следует отнести экстремистские проявления на почве национальной и религиозной нетерпимости. Основным фактором, обуславливающим динамику роста экстремистских настроений в молодежной среде на этнической и религиозной почве, является националистический или сектантский шовинизм, когда иные окрестные культуры оцениваются с позиций превосходящей исключительности собственной духовной традиции, либо лучшие их достижения, накопленные в прошлых веках, присваиваются и подаются в медийном пространстве как свои собственные. Из этого следуют распространенные экстремистские акты осквернения и даже уничтожения исторических памятников, укрепляющих общероссийское единство, и напротив, попытки реабилитировать некоторых предводителей сепаратистов, сыгравших в истории разрушительную роль, и «взять на вооружение» их методы насильственной сегрегации общества.

В этом значении указанная ее разновидность представляется универсальным и адаптивным инструментом разрешения конфликтов в так называемых полевых условиях, с исчерпывающим их разрешением, без скрытого «тлеющего» сохранения очагов конфликтности, способных впоследствии проявиться в любое время.

Власть коммуникации формирует целый молодежный мир. В информационную эпоху сетевое поколение становится социокультурным феноменом, на сознание которого через всевозможные сервисы информационно-коммуникационных технологий воздействуют непрерывно генерирующиеся объемы информации, в том числе манипулирующего характера, вызывающего токсический эффект.

Сетевая архитектура мультинациональных информационных систем с прямым иностранным участием охватывает в совокупности и коммуникационное пространство Российской Федерации. В этом значении сетевая архитектура обусловленность связи молодежных процессов с виртуальной реальностью, внедряющейся, преимущественно с применением широкого набора технологий сетевого манипулирования в сознание молодежи, новейшая практика активизации молодежного ресурса в «постмодернистских революциях» на постсоветском пространстве обуславливают необходимость применения в молодежных исследованиях информационно-коммуникационных технологий.

В настоящее время чрезвычайно важно научиться разговаривать с молодежью на ее площадках. Книжки, газеты, журналы, теле- и радиопередачи — это каналы коммуникации, больше востребованные взрослой аудиторией. Интернет, социальные сети, блоги, мессенджеры — главная территория местонахождения молодежи. Информационная война ведет молодежь к самоуничтожению, толкает многих представителей подрастающего поколения на суициды, аморальные поступки, в тиски экстремизма, ксенофобии и национализма.

Архитектура публичного пространства медиа-общества в контексте бурного развития интернет-коммуникаций исследуется в трудах

М. Кастельса, считающего, что в сетевом обществе борьба образов и фреймов — источник борьбы за умы и души — ведется в мультимедийных коммуникационных сетях. Эти сети программируются отношениями власти, внедренными в сети. По этой причине процесс социальных изменений требует перепрограммирования культурных кодов и имплицитных социальных и политических ценностей и интересов, которые передаются через коммуникационные сети. Это непростая задача. Именно потому, что они являются мультимодальными, диверсифицированными и всеобъемлющими, коммуникационные сети в состоянии включать и заключать в себе культурное разнообразие и мультиплицированные сообщения в гораздо большей степени, чем любое другое публичное пространство в истории [2, с. 335]. Апеллируя к этому размышлению, отметим, что информационные потоки, непрерывно насыщающие сетевое пространство, оказывают колоссальное медийное влияние на молодежь, борьба за которую в последнее время деятельно развернулась и в плоскости этноконфессиональной сферы.

Сильное манипуляционное воздействие на сознание молодежи оказывают «мемы» (интернет-картинки юмористического характера) и «демотиваторы» — визуализация образов с саркастическими надписями, карикатуры, призванные вызывать у людей устойчивое негативное эмоциональное отношение к изображаемому объекту или экстраполировать его на масштабные процессы. В российской, в отличие от западной, практике понимание важности учета сетевого фактора в информационном позиционировании регионального роста появилось сравнительно недавно, поэтому за основу, как правило, берутся инструменты, позволяющие моделировать такой рост, из арсенала европейских и американских ученых. Известным американским ученым Ричардом Докинзом было предложено новейшее направление науки — меметика (*meme*). Согласно своему смысловому понятию, «мимос» — «подражание», имитация, представление, сходство, создание подобия, иллюзии. Он на основе сопоставления структуры репликации человеческих генов и культурной среды, в которой единица культурной информации распространяется по аналогии с генами, писал: «Новый

бульон — это бульон человеческой культуры. Нам необходимо имя для нового репликатора, существительное, которое отражало бы идею о единице передачи культурного наследия или о единице имитации. От подходящего греческого корня получается слово „мимом” (в оригинале — „*mimeme*”, но мне хочется, чтобы слово было односложным, как и „ген”. Я надеюсь, что мои получившие классическое образование друзья простят мне, если я сокращу „мимом” (*mimeme*) до слова „мим” (*meme*)» [1, с. 52].

Меметическая манипуляция в деятельности экстремистских религиозных организаций, зарубежных миссионерских центров занимает ключевые позиции влияния на молодежь. Программирование молодежи, жаждущей абсолютной справедливости, преодолевающей отчуждение и входящей в идейный резонанс с братьями по секте, готовность к самопожертвованию, развивающая суицидальные наклонности, но в фокусе достижения целей террористической организации.

Аккумуляция мультипликативных эффектов в реализации информационно-коммуникационной политики предполагает практическое использование ключевых категорий для достижения избранных ориентиров. В их числе — прямое медиационное взаимодействие с целевыми аудиториями, общение на доступном и понятном для восприятия языке, в том числе на родном, общение на равных, исключая стиль назидательности и превосходства, оперирование понятиями, характерными для молодежного сленга, но без лексики отрицательной модальности, выполнение просветительской, культуросберегающей функции, разделение солидаризированной ответственности с молодежью за будущее региона и страны в целом, формирование собственного нравственного «фильтра» от разрушающего влияния любого деструктива.

В целом максимизация эффектов этноконфессиональной медиации в условиях острого угла конфликтной атаки позволяет предупредить и избежать избирательного вычленения введомой молодежи за деструктивными силами, орудующими в сетевых сообществах и пользующихся в негативных целях информационной открытостью российского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенное в статье понимание этноконфессиональной медиации позволило нам детально раскрыть социокультурную феноменологию толерантности в разных системах координат — политической, национально-культурной, религиозной, демографической, антропологической, аксиологической, психологической, лингвокультурной, образовательной, миграционной в ходе естественной эволюции, закономерного процесса примирения людей и целых народов, социально-политических и религиозных течений на основе идей солидарности и единения в планетарном человеческом общежитии.

Предложенная нами к рассмотрению идейно-концептуальная платформа этноконфессиональной медиации рассмотрена нами как универсальная социокультурная технология формирования культуры толерантности на стыке общечеловеческих, национальных и духовных мотивов через примиряющие процедуры нахождения согласования сложных этнических и религиозных систем. Она обладает гигантским потенциалом развития многочисленных форм симбиоза, общественного, межэтнического, межконфессионального, межпоколенного диалога, позволяющего через консолидацию представителей различных рас, национальностей, религий, мировоззрений, ментальностей отказаться от любых форм открытых и латентно протекающих конфликтов, расширить диапазон образовательных, просветительских, добровольческих, волонтерских, сетевых способов воплощения симбиотической эволюции, исключая риски доминирования ксенофобских и экстремистских тенденций.

Таким образом, статус активных субъектов воздействия на духовные идеалы, ценности, интересы молодежи и в целом процесс фор-

мирования ее социокультурной идентичности в России с конца XX в. приобрели религиозные организации, некоторые из которых отказались от открытого государственно-конфессионального диалога.

Меметическая манипуляция в деятельности экстремистских религиозных организаций, зарубежных миссионерских центров занимает ключевые позиции влияния на молодежь. Это и якобы сакральное посвящение избранных, их приобщение к глубокому знанию смыслов религиозных текстов, обращение к авторитету лидеров ваххабитских и салафитских движений, требования к сектантской жесткости соблюдения ритуалов, выстраивание доверительных коммуникаций. Программирование молодежи, жаждущей абсолютной справедливости, преодолевающей отчуждение и входящей в идейный резонанс с братьями по секте, готовность к самопожертвованию, развивающая суицидальные наклонности, но в фокусе достижения целей террористической организации, позволяют им возвыситься и самоутвердиться, стать шахидами по вере «правильного» ислама.

В целом готовность государственно-общественных, национальных и религиозных структур встраиваться в сетевые конфигурации субъектов молодежной политики становится выражением принципиально нового типа — сетевой этноконфессиональной медиации. Этот практический способ, настроенный на диалог с молодежью, доверительное общение, наполнение информационного пространства позитивными смыслами, фреймами и мемами, предполагает категорический отказ от инструментов директивного принуждения в пользу гуманной силы примирительных процедур в контексте субъект-субъектных отношений.

Литература

- [1] Докинз Р. Эгоистичный ген. — М: АСТ, 2013. — 512 с.
- [2] Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич. — М.: Высшая школа экономики, 2016. — 564 с.
- [3] Келли Кевин. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / пер. с англ. Ю. Константиновой и Т. Мамедовой. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 347 с.
- [4] Лэндри Ч. Креативный город / пер. с англ. — М.: ИД «Классика-XXI век», 2011. — 399 с.
- [5] Марцинковская Т. Профилактика экстремистских установок подростков и молодежи // Образовательная политика. — 2016. — № 3 (73). — С. 26–34.

- [6] Нигматуллина Т.А., Терновая Л.О. Политическая медиация: учеб. пособие. — Уфа: изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2016. — 370 с.
- [7] Чекалина А.А. Превенция экстремизма молодежи: опыт Великобритании // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 9–11. — С. 2556–2560.
- [8] Чирун С.Н. Молодежная политика в ситуации постмодерна: государство, общество, политические организации: дис. ... д-ра полит. наук. — Казань, 2016. — 413 с.
- [9] Bjorgo N., n.d. Dreams and Disillusionment: Engagement in and Disengagement from Militant Extremist Groups // Crime Law Soc Change. — 2011. — No. 55. — Pp. 277–285.

KHAZIEV Aidar Muhammadullovich,

Lecturer

Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa
e-mail: pravozachita-rb@mail.ru

SOCIO-CULTURAL INSTRUMENTS PREVENTION OF EXTREMISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT

The article undertakes a comprehensive analysis of extremism in modern reality in conjunction with the youth factor. Sociocultural instruments of ethnoconfessional mediation as a fundamentally important way of preventing youth extremism are investigated. The aspects of network manipulation of youth and methods of preventing extremism in the information and communication and media space are considered.

Key words: youth extremism, ethnoconfessional mediation, social and cultural tools, social networks, tolerance, multiculturalism, memetics.

References

- [1] Dawkins R. Jegoistichnyj gen [The Selfish Gene]. — Moscow: AST, 2013. — 512 p.
- [2] Castells M. Vlast' kommunikacii / per. s angl. N.M. Tylevich [The Power of Communication / trans. from eng. N.M. Tjulevich]. — Moscow: Higher School of Economics, 2016. — 564 p.
- [3] Kelly Kevin. 12 tehnologicheskikh trendov, kotorye opredel'ajut nashe budushhee / per. s angl. Ju. Konstantinovej i T. Mamedovoj [Inevitably. 12 Technological Trends that Define Our Future / transl. from eng]. Yu. Konstantinova and T. Mammadova]. — Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. — 347 p.
- [4] Landry C. Kreativnyj gorod / per. s angl. [Creative City / trans. from eng.]. — Moscow: Publishing house "Classics-XXI century", 2011. — 399 p.
- [5] Marcinkovskaya T. Profilaktika ekstremistskikh ustanovok podrostkov i molodezhi [Prevention of Extremist Attitudes of Adolescents and Young People] // Obrazovatel'naja politika [Educational Policy]. — 2016. — No. 3 (73). — Pp. 26–34.
- [6] Nigmatullina T.A., Ternovaya L.O. Politicheskaja mediacija: ucheb. posobie [Political Mediation: tutorial]. — Ufa: Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the "Academy of Labor and Social Relations", 2016. — 370 p.
- [7] Chekalina A.A. Prevencija ekstremizma molodezhi: opyt Velikobritanii [The Prevention of Youth Extremism: the UK experience] // Fundamental'nye issledovanija [Fundamental research]. — 2014. — No. 9–11. — Pp. 2556–2560.
- [8] Chirun S.N. Molodezhnaja politika v situacii postmoderna: gosudarstvo, obshhestvo, politicheskie organizacii: dis. ... d-ra polit. nauk [Youth Policy in a Postmodern Situation: the State, Society, Political Organizations: Dis. ... Dr. Polit. Sciences]. — Kazan, 2016. — 413 p.
- [9] Bjorgo N., n.d. Dreams and Disillusionment: Engagement in and Disengagement from Militant Extremist Groups // Crime Law Soc Change. — 2011. — No. 55. — Pp. 277–285.

УДК 930.85

ГРИНЬКО Иван Александрович,

кандидат исторических наук, доцент
Московской высшей школы социально-экономических наук (МВШСЭН),
директор НП «Проект Этнология»,
e-mail: IAGrinko@yandex.ru

ШЕВЦОВА Анна Александровна,

доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии
Московского педагогического государственного университета (МПГУ)
e-mail: Ash@inbox.ru

ИКОНОГРАФИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ» (1960–1970-е гг.)

Статья посвящена анализу этнических образов в советской карикатуре. Несмотря на популярность темы визуализации этнического и исследований карикатуры как исторического источника, данный аспект на сегодняшний день практически не разработан. На основе иллюстративного ряда из архива ведущего сатирического издания СССР журнала «Крокодил» авторы показывают, как карикатура использовалась в качестве инструмента национальной политики, и пытаются раскрыть механизм этой работы. Основным источником стали более 10 000 иллюстраций из номеров журнала «Крокодил» за 1960–1970-е годы. Помимо особенностей визуальной воспроизведения этнической темы были затронуты такие проблемы, как статистика появления различных этнических образов и ее связь с этнополитическим контекстом, этносы, игнорировавшиеся художниками, базовые стереотипы в отображении различных этносов и регионов и круг разрешенных для отображения этнических тем.

Ключевые слова: советская история, сатира, карикатура, визуализация, национальная политика, этнический визиотип, «Крокодил».

Тема визуализации этнического образа в последнее время становится все более популярной в мировой и российской этнологии [4]. При этом последствия визуализации этноконфессиональной тематики выходят далеко за пределы академических дискуссий, что показала трагедия с журналом "Charlie Hebdo" 7 января 2015 г. и карикатурный скандал в Дании [15].

В связи с этим обращение к данной теме сегодня выглядит особенно актуально, особенно на отечественном материале. Имеется множество исследований, посвященных истории карикатуры в целом [12, 20] и в истории России, в частности [1–3, 6, 8, 18], однако мы бы хотели рассмотреть аспект, который еще не освещался в научных изданиях. По этой причине объектом своего исследования мы выбрали визу-

альные этнические образы народов Советского Союза, а в качестве источника обратились к карикатурам журнала «Крокодил» в период с 1960-е по 1970-е годы. Данная тема подробно не была рассмотрена даже в недавно увидевшем свет сборнике, посвященном данному изданию [11].

Одно из ведущих советских СМИ с тиражом, достигавшим 6,5 млн экземпляров, «Крокодил» успешно способствовал формированию у советских граждан этнических стереотипов, многие из которых существуют до сих пор. При этом нельзя забывать, что, начиная с 1933 года, когда по решению Политбюро ЦК КПСС журнал был передан газете «Правда», он и по сути, и по содержанию являлся не столько сатирическим, сколько идеологическим и пропагандистским изданием всесоюзного масштаба.

По меткому выражению писателя Дмитрия Петрова, «журнал „Крокодил” во всей его истории — это гибридное издание, это сочетание народности с антинародностью» [17]. Таким образом, на его страницах мы можем видеть и как идеология формировала этнические образы, и как она же в этих карикатурах следовала массовым стереотипам.

В любом иллюстрированном издании ключевым элементом является изображение, а если человек, взявший в руки журнал, умеет читать, то первым делом он прочтет подпись под рисунком. Своим успехом у читателей «Крокодил», несомненно, обязан тому, что в нем работали лучшие иллюстраторы и карикатуристы своего времени: Кукрыникисы, Борис Ефимов, Виктор Чижиков, Генрих Вальк и множество других мгновенно узнаваемых мастеров. К сожалению, анализ их работ выходит за рамки данного исследования.

Поскольку далеко не всегда анализ этнических образов имеет достаточно объемную источниковую базу, мы использовали 399 номеров журнала, изданных с 1960 по 1979 год. В них мы проанализировали 10 374 графических изображения (иллюстрации, карикатуры). Здесь необходимо сказать, что иллюстративный ряд в «Крокодиле» не исчерпывался сати-

рической карикатурой. Как правило, в каждом номере присутствовали совершенно разные жанры иллюстрации: изошутки, изорепортажи, иллюстрации к фельетонам и очеркам, шаржи, виньетки, плакаты, комиксы. Варьировал и эмоциональный градус: от мягкого покровительственного юмора до жесткой сатиры, «ударную мощь» которой прославленный «крокодилец» Борис Ефимов сравнивал с «настоящим военным оружием» [10].

Сразу необходимо отметить, что, несмотря на традиционную популярность юмористических сюжетов, основанных на этнической тематике [13], процент этнических карикатур в «Крокодиле» был невелик и в среднем не превышал 2–2,5% от общего числа иллюстраций (1960-е — 2,1%, 1970-е — 2,3%). Эта диспропорция уже была замечена при исследовании текстов в официальных юмористических журналах [9]. Отчасти это можно объяснить тем, что все национальные республики имели свои юмористические журналы, аналогичные «Крокодилу» по функциям и стилистике. Даже некоторые автономные республики получили своего рода сатирически-пропагандистскую франшизу. Аналоги выпускались в шести автономных республиках РСФСР: «Чушканзи» («Оса») в Коми АССР, «Чаян» («Скорпион») в Татарской

Рисунок 1 — Большая родня «Крокодила».
Рис. А. Цветкова («Крокодил», 1972, № 5)

АССР, «Капкӑн» в Чувашской АССР, «Пачемыш» («Оса») в Марийской АССР, «Хэнэк» («Вилы») в Башкирской АССР, «Шекыч» («Шершень») в Удмуртской АССР. Достаточно большой процент этнических карикатур на страницах «Крокодила» экспортировался именно из этих национальных изданий. Более того, «многочисленные „братишки“ „Крокодила“ в виде стенок прочно обосновываются в цехах заводов и фабрик, на стройках, в воинских частях, учреждениях и т. п.» [19].

Судьба подобных изданий также довольно ярко отражает непоследовательность национальной политики Советского Союза. Так, в 1937 году было остановлено издание журнала «Яна авыл сэнэге», выходящего с 1925 года. Его издание возобновилось лишь спустя 20 лет, в 1956 году, под именем «Хэнэк» на башкирском языке.

Всего в подобной этнокарикатуре были отражены 28 этносов, этнических и этнорегиональных групп, хотя очевидно, что в большинстве случаев визуальный образ или визиттип имел легко узнаваемый обобщенный характер (Северный Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток), однако даже с учетом этого фактора разница между количеством представленных в «Крокодиле» этносов и их официальным числом будет практически порядковой!

Некоторые крупные этносы вообще ни разу не попали на страницы «Крокодила». Например, немцы, входившие в десятку самых крупных этносов РСФСР, полностью игнорировались художниками-сатириками и «темачами»-редакторами. Аналогичная ситуация сложилась и с евреями, которые если и возникали, то исключительно в образах израильских сионистов, причем эта тема по понятным причинам была очень популярна.

Примерно такая же картина была и с половиной титульных национальностей федеративных республик. Молдаване в общей сложности отмечены в указанном массиве семь раз, эстонцы и литовцы — по пять, латыши — десять. В данной ситуации даже крупным этносам, представлявшим автономные республики, места практически не оставалось.

При этом в целом национальные «квоты» были выдержаны довольно верно. В тройке лидеров по визуальным упоминаниям нахо-

дятся русские (102), народы Северного Кавказа и Закавказья (96), и среднеазиатские этносы (88). Естественно, авторы не могли пройти мимо культурно-исторической общности «советский народ», которая присутствует на 43 изображениях.

Помимо особенностей визуального воспроизведения этнической темы будут затронуты следующие проблемы:

- статистика появления различных этнических образов и ее связь с этнополитическим контекстом;
- «белые пятна», то есть этносы, игнорированные художниками;
- базовые стереотипы в отображении различных этносов и регионов;
- круг разрешенных для отображения этнических тем.

Для систематизации данных будут взяты десятилетние циклы, которые при всей своей хронологической условности показали нам пригодными для анализа.

1960-е

В 1960-е годы процент «этнических» карикатур в «Крокодиле» сократился почти в полтора раза по сравнению с предыдущим десятилетием — до 2,1%. Соотношение тем также изменилось, но не столь кардинально. Практически полностью исчезает собирательный образ советского народа — он встречается всего в трех из почти 2,5 тыс. проанализированных нами иллюстраций. Гораздо реже встречается и столь популярная в предыдущее десятилетие «украинская» тема (количество уменьшилось в шесть раз), что, вероятнее всего, связано с усилением влияния в руководстве СССР «днепропетровского клана». В результате, первая тройка по частоте упоминаний стала выглядеть следующим образом: народы Кавказа, народы Средней Азии, русские. Стоит также отметить появление в карикатурах тем Сибири и Дальнего Востока, практически отсутствовавших в предыдущее десятилетие.

Образ жителей Кавказа в 1960-е становится гораздо позитивнее, по сравнению с предшествующим периодом, и получает совершенно новый подтекст. Теперь «Крокодил» ассоциирует Кавказ с горным туризмом и туристической инфраструктурой. Отсюда совершенно но-

вые образы: торговка домашним вином, шашлычники, сапожники, устроившиеся на бойком месте — на горной тропе (20/60)¹). Постоянным сюжетом становятся туристы, сталкивающиеся с горцами на ишаках (20/60, 20/69). Данный визиотип стал настолько популярным, что активно эксплуатировался и в кинематографе — достаточно вспомнить такие фильмы, как «Кавказская пленница» и «Не горюй». Отдельно стоит отметить полный мягкого юмора изорепортаж «Лаки» (лакцы), в котором жители Дагестана представлены в самом положительном свете — герои, удалцы, мудрые, как горы (30/69), хотя и сохраняют весь набор этнических стереотипов. Гораздо чаще появляются и женские образы, например, очаровательная жительница Тбилиси (23/63).

Нелепость в кавказских сюжетах, скорее, является привнесенной извне, например, как истории про лекцию о разведении северных оленей в горском ауле — при этом полные достоинства аксакалы готовы «вернуться к нашим баранам» (03/67).

Средняя Азия в 1960-е является поставщиком наиболее экзотических сюжетов. Активно используется жанр изорепортажа. Именно так сделан отчет о командировке «Крокодила» в Таджикистан (22/67). Его герои — хлопкоробы из колхоза «Москва», милиционер с розой, старик на ишаке из Курган-Тюбе, голубоглазый памирец — колхозник-винодел, душанбинский укротитель удавов, таджикские археологи из Института истории Академии наук Таджикистана. Все эти образы сопровождаются комментариями «Сказочники и ревнители традиций». Аналогично выстроен изорепортаж об Узбекистане, где также даны интереснейшие антропологические зарисовки колхозников — хлопкоробы и животноводы (32/69).

Количество негативных сюжетов относительно 1950-х снижается, а основной акцент сделан на антирелигиозную пропаганду, развернувшуюся в начале 60-х гг. [5, 14]. Ее символом является жадный мулла, принимающий «Волгу», но проклинающий трактора (11/69). Сразу несколько карикатур высмеивают традицию ношения паранджи: супруги идут на ма-

скарад, и муж запрещает жене, заботливо укутанной в чачван, снимать маску («Это неприлично» 36/60); мужчина мечтательно наблюдает за работой женщины-сварщицы в защитной маске (рис. 2). Кроме того, регулярно перепечатывались антирелигиозные карикатуры из журнала «Хорпуштак».

Образ русских в этот период явно утрируется и снижается, становится все более фольклорным. Даже на плакатах с «братьями-народами» становится меньше пафоса. Темы для карикатур становятся все мельче и проще, в них больше юмора и быта, часто карикатуру как таковую сменяет ее «младший брат» — комикс [12]. Персонажи из русских сказок сталкиваются как с бытовыми проблемами (23/63) (длинная очередь на получение отдельной жилплощади, неработающие автоматы с газировкой, скучная ТВ-программа, закрытый на вечный ремонт колхозный клуб,

МАРТРИАРХАТ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФЕОДАЛА
— Вот бы мне такую жену! И лицо
закрыто, и деньги зарабатывает!
Рисунок Д. СИНИЦКОГО

Рисунок 2 — «Мартриархат. С точки зрения феодала. — Вот бы мне такую жену! И лицо закрыто, и деньги зарабатывает!».

Рис. Д. Сеницкого («Крокодил», 1968, № 6)

¹ Здесь и далее ссылка на иллюстрацию дается в формате номер/год издания.

долгострой — прачечная и столовая (07/63)), так и с мелкой уголовщиной (спекуляция цветами, хищения). Иногда русский образ, наоборот, становится образцовым: так Василиса Премудрая противопоставляется Василисе Прекрасной (рис. 3).

Появившиеся на страницах «Крокодила» образы народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока выглядели всегда позитивно, но абсолютно условно и одинаково — от чукчей до нанайцев («Симпозиум оленеводов» 20/69). При этом несмотря на огромный пласт анекдотов, связанных с чукчами, они не нашли отражения. Ирония над обложкой «Алитет уходит в горы» (20/60) наоборот была довольно тонкой, а условный чукча с оленями и в кухлянке — очевидный этномем, служит скорее для географической привязки, чем для чего-то еще.

Остальные образы этносов СССР в 1960-е, как и десятилетием ранее, встречаются крайне редко, и, что немаловажно, чаще в негативном контексте: лентяй из Молдавии («Кипэрруш», 33/60), алкоголики в Башкирии («Хэнэк», 36/60), неприятного вида усатая «тетя Роза из Одессы» (33/69) и характерно носатые мужчины, отмечающие 8 марта за столом, пока женщины трудятся на кухне (06/63).

1970-е

В отображении национальной темы «Крокодила» в 1970-е годы произошли довольно существенные изменения, однако общие тренды сохранились.

Внезапно абсолютным лидером стала «русская» тема (52 упоминания), на второе место вышла Средняя Азия (49), за ней следуют народы Кавказа (42), коренные и малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока (13), а пятерку лидеров неожиданно замыкают башкиры (10). Остальные этнические темы снова остались без внимания, за редким исключением. Например, украинцы удостоились особой чести — обложка № 3 за 1979 была посвящена 325-летнему юбилею воссоединения Украины с Россией. В целом, этническая тематика по-прежнему находится в рамках статистической погрешности — 2,3% от общего числа карикатур.

По сравнению с шестидесятыми, можно говорить об усилении коллективного образа

Рисунок 3 — «Василиса Прекрасная / Василиса Премодная».

Рис. Ю. Федорова («Крокодил», 1969, № 22)

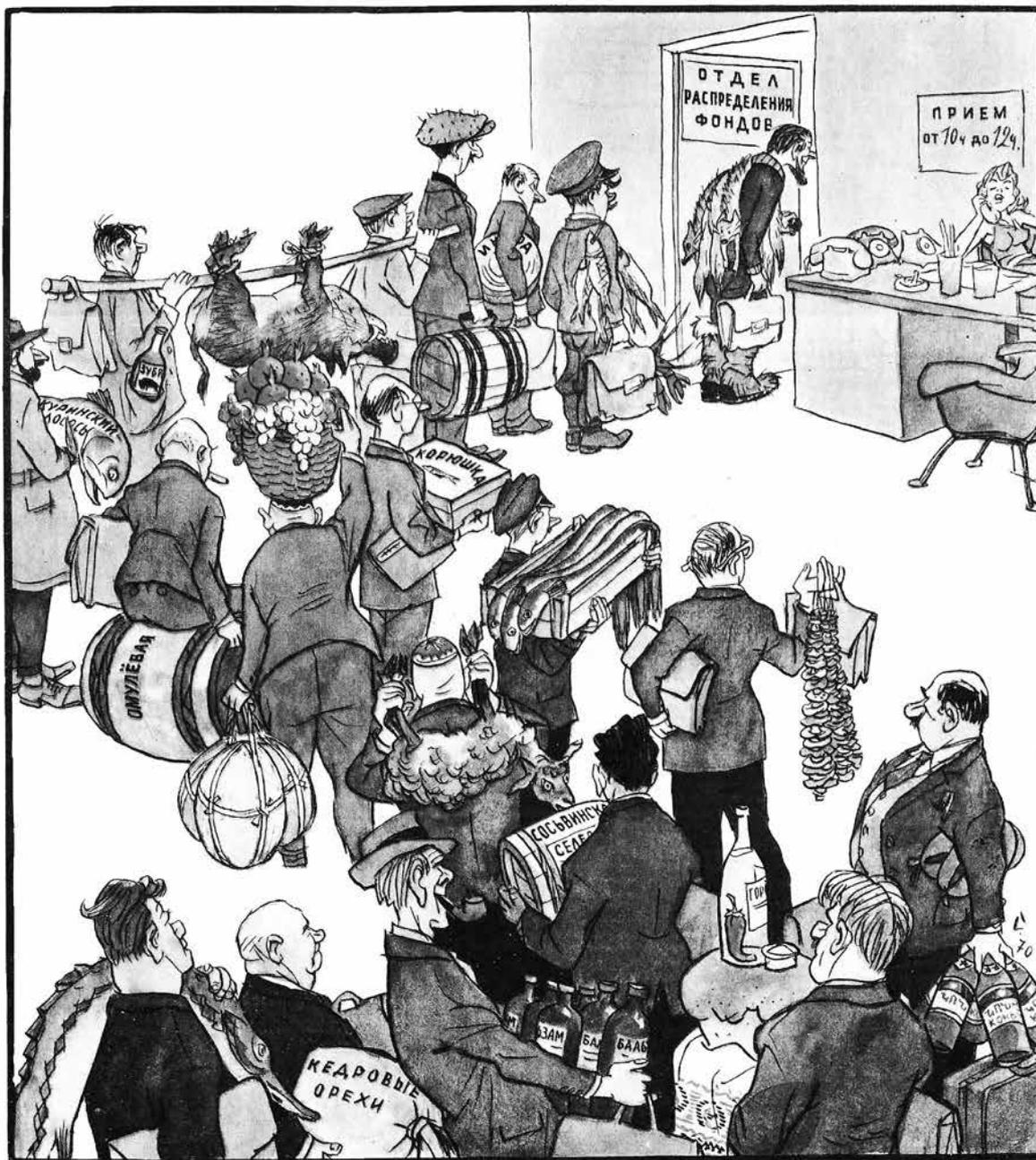
советского народа на фоне его достижений (35/72). Появляется много сюжетов, связанных со строительством БАМа (06/77), КАМАЗа («какая смесь одежда и лиц!», 10/72), строителями ГЭС (15/72), туннелей в горах по всему Союзу и прочими «покорителями слепых сил природы» (30/72). Как отражение многонационального советского народа, показана Советская армия (06/78). Подобное можно интерпретировать как легитимацию в массовом сознании культурно-исторической общности «советский народ» (10/70, 11/70).

С другой стороны, в отдельных случаях этнический колорит был необходим для оживления стандартных официальных отчетов с комсомольскихстроек, в результате чего получались довольно живые образы: русские лавинщики в горах Памира (09/71), бросившие вызов смежникам-таджикам на соцсоревнование русские строители (06/76) или «русские ребята», которые «совсем отуркменились»: пьют на жаре чай из пиал, сидя по-турецки (25/72).

Подчеркивается общность советской культуры при сохранении этнического колорита. Так на карикатуре «Подмосковные вечера» дом культуры приглашает на вечера казахской поэзии, украинского танца и литовской песни (35/72). С другой стороны, советская общность иногда представала и в карикатурном виде, например, в виде очереди «толкачей», представляющих различные регионы страны (рис. 4).

КРОКОДИЛ

№ 2
ЯНВАРЬ 1971

Угадайте—из каких мест прибыли толкачи?

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Рисунок 4 — «Угадайте – из каких мест прибыли толкачи?».

Рис. И. Семенова (Обложка «Крокодила», 1971, № 2)

Что касается изображений русских, то мода на изорепортажи дошла и до центральной России. Появляются этнографические репортажи из преуспевающих колхозов и совхозов РСФСР: Белгородской, Волгоградской областей, Ставрополя, где главной темой стало множество свадеб и повышенный спрос на детские коляски (08/75, 13/78).

Впрочем, по-прежнему остается популярной из-за своей метафоричности сказочно-фольклорная тема, тесно связанная с русскими образами (10/70): Емеля участвует в авторалли на своей печи (03/73), царевна-лягушка оборачивается стройной красоткой-аквалангисткой (10/70), 33 богатыря стали удачливой рыболовецкой артелью (10/70), современному Левше предлагают бросить блоху и подковать слона — горит план (13/76).

Не обошел своим вниманием «Крокодил» и тренд на «русскость», сформировавшийся как раз в 1970-е. Например, в юмористическом ключе обыграны мода на «русский» стиль в одежде [7]: кубанки, дубленки и платки (13/76) или русский «хиппи» с заплатками на портах, рубахе в горох и лаптях (01/73).

Впрочем, основное внимание в рамках сказочно-фольклорной темы снова направлено на негативные аспекты жизни: высмеиваются браконьеры, расхитители социалистической собственности и несуну («Похождения Матрешкина» 23/74), мелкое вымогательство секретарш «больших» людей (36/76), раздутые штаты учреждений, блат при устройстве на работу в НИИ, хамящие официанты и работники торговли (27/71), пьющая и нежелающая трудиться молодежь (братец Иванушка у пивбара «Копытце» 36/77), внучка, отказывающаяся тянуть репку (34/77), бесхозяйственность, неумение работать с импортной техникой (20/77). Характерно, что в предыдущие десятилетия для отображения негатива использовались в основном образы, связанные с национальными республиками.

Кроме этих стандартных советских проблем при помощи этнических образов описываются и новые, характерные именно для 1970-х, например, горожане, «выписывающие маму из деревни» для увеличения жилплощади. Однако куда важнее, что авторы «Крокодила» концентрировали внимание и на появившемся

в тот период увлечении «народным» и «старинной». По этой причине в карикатурах высмеивается приглашение мамы из деревни «для стиля» (21/77), вера в знахарок и снадобья (25/71), неуважительное отношение к родителям (34/72), повальное увлечение коллекционированием икон (18/74, 21/77).

Средняя Азия оставалась одним из самых популярных источников вдохновения. По-прежнему чаще всего на страницах «Крокодила» изображались героические и трудолюбивые таджикские и узбекские хлопкоробы и животноводы. Кроме того, этнические типажи регулярно сопровождали репортажи со строительства ГЭС в Туркмении, Таджикистане и Киргизии, создавая необходимый национальный колорит и напоминая о достижениях советской власти.

Количество изорепортажей из республик Средней Азии увеличилось, по сравнению с предыдущей декадой. «Крокодил» работал из Таджикистана (совхоз-миллионер им. Куйбышева и его основатели — таджик и еврей, «покорившие эту землю назло шакалам и басмачам», 17/72), Намангана (Узбекистан 09/74), дважды из Туркмении (туркмен в меховой шапке и ватном халате, в которых у него всегда 36,6 °С, ковровщицы, женское чаепитие, дойка верблюдов 11/74), Пенджикента, Южной Киргизии (09/71) (белокурые лавинщики, высокогорный участковый инспектор, чабаны); со строительства Нурекской ГЭС (30/70) (ишаки и гигантские самосвалы, стайка девушек-студенток в мини в сочетании с шароварами, платками и тубетейками, чайхана, козлодрание — бузкаши).

Иногда шел возврат к образному ряду 1950-х годов: например, казахстанский колос был изображен рядом с русоволосым целинником (32/76). Возникали среднеазиатские образы и в теме дружбы народов, подчеркивая позитивное значение внутренней миграции, например, многодетный «семейный десант из Киргизии» в Заполярье (10/71).

Иногда среднеазиатская тема в «Крокодиле», по сути, копировала образцы Российской империи: например, был исполнен очевидный оммаж В.В. Верещагину: богатый киргизский охотник с радиоприемником «Сокол» (36/70).

Набор негативных сюжетов практически не изменился по сравнению с предыдущими десятилетиями: по-прежнему высмеивались «бичи» (19/70), волокитчики, бракоделы (35/72), любители походить по магазинам в рабочее время (07/73), праздные мужчины в чайхане, пьющие отнюдь не чай в Узбекистане (16/77, 01/79), хищения в Казахстане (05/72), отставание в механизации труда (Киргизия). Продолжают появляться на страницах «Крокодила» и антирелигиозные карикатуры из альбома «Хорпуштака» (35/72, 20/79).

Несмотря на относительное снижение количества изображений кавказская тема по-прежнему осталась любимой авторам «Крокодила». В целом эмоциональный градус относительно кавказцев становится еще теплее, с ними связано все больше позитивных сюжетов. При этом намечается любопытный тренд — от собирательных образов в 1970-е авторы переходят к персонифицированным, появляется множество дружеских шаржей: главреды «Нианги», «Кирпи» (12/73), художники Гигла Пирцхалава (01/73), Наджафули, поэты Бэлла Ахмадуллина (29/73), Расул Гамзатов (25/73).

Кавказский колорит по понятным причинам получает иллюстративный ряд к произведениям Киримизе Жанэ (04/73), Фазиля Искандера (32/72), Абуталиба Гафурова, репортажу «Мы ищем дядю Ваню» (07/72). В таком стиле отображены юмористические «кавказские типажки», например, незадачливый грузинский папаша в роддоме: «Разве вам не звонили, чтобы был сын?» (35/72); иллюстрации к рукописям читателей («Мурат и свирель», 03/73). «Крокодил» не проходит и мимо актуальных новостей и «достижений»: популярная юмористическая тема — кавказские долгожители (22/75) (дружеский шарж на старейшего гражданина СССР из Азербайджана 35/72).

Кавказ также становится объектом изорепортажей из автономных республик: Дагестанской АССР (дети-«завоеватели» Дербента, лезгинские ковровщицы, 12/77), Карачаево-Черкесской АССР (карачаевские животноводы, 17/71), Кабардино-Балкарской АССР («Футбольная весна», 14/74).

Впрочем, авторы «Крокодила» обращались и к традиционным негативным стереотипам,

например, засилию представителей кавказских республик в торговле (27/76), их склонности к «спекуляциям» (12/73) и любви к спиртным напиткам (23/77), припискам и взяточничеству (18/76).

Поскольку тема Кавказа и Средней Азии в значительной степени исчерпалась, в 1970-е происходит всплеск интереса к Крайнему Северу, Сибири и Дальнему Востоку. Это связано с общим повышением интереса к этой тематике в науке и культуре [16]. Характерно, что в отличие от двух вышеописанных этнорегиональных групп, изображение коренных и малочисленных народов Севера все время было подчеркнуто позитивным. Условный представитель народов Севера в расширенной кухлянке впервые появляется на обложке № 35 за 1972 год — номер посвящен 50-летию СССР — среди прочих братьев-народов: «За столом никто у нас не лишней!» (всего за столом 24 гостя). Регулярно публикуются обширные изорепортажи, в которых этническая специфика уживается с социалистическим прогрессом: о Ямале (30/70) — школьников собирают вертолетами со стойбищ в интернаты, техники-вертолетчики, северные собаки, розыгрыш журналистов — сено для мамонтов), о Чукотке (01/70) — чукотская роза, «Крокодил» в кухлянке едет на нартах с собаками, чукча-китобой — «Бить или не бить?», с Чуйского тракта (32/77) — в гостях у алтайцев, современная перекочевка, молодежные посиделки, дружеские шаржи на алтайских деятелей культуры.

Весь редкий негатив был связан исключительно с внешним влиянием и экологическими проблемами северных регионов: залежи в чукотской тундре железных бочек из-под ГСМ или толкач, добывающий нужные детали или топливо за изделия косторезов Уэлена (01/70).

Большое количество башкирских образов на страницах «Крокодила» в 1970-е можно объяснить празднованием 400-летия основания Уфы (1974) и присоединения Башкирии к России. Кроме того, на общесоюзный юбилей в 1975 году наложился юбилей «национального брата» «Крокодила» — «Хэнэка». В итоге произошел редкий случай — изорепортаж (17/71) из автономной республики о животноводах

Но даже в Уфе нигде не купишь кумыса. На старом колхозном рынке когда-то стоял легендарный киоск колхоза имени Шаймуратова, где можно было купить бутылочку кумыса. Сейчас же этот напиток богатырём стал теоретическим объектом для диссертаций башкирских ученых. Они предлагают наладить промышленное производство кумыса во всесоюзном масштабе на уровне производства «кока-колы» и робко выдвигают идею поставить рядом с прекрасным памятником башкирскому герою Салавату Юлаеву хотя бы самый скромный павильон кумыса...

К сожалению, у Салавата Юлаева пока что нет этого хорошего соседа.

Рисунок 5 — Фрагмент изорепортажа специального корреспондента «Крокодила» Н. Лисогорского «Из степей Башкирии» («Крокодил», 1971, № 17)

Башкирии, который, впрочем, сопровождался локальной критикой (рис. 5).

В целом, карикатуры о народах Поволжья были нацелены на общесоюзные недостатки: сидение молодых на шее у родителей (Чувашия), торговля дефицитными коврами из-под полы в Нефтекамске, алкоголизм, поиск личной выгоды (Башкирия), бюрократизм (Калмыкия), хищения, хулиганство, несдержанность в поведении (Татарстан). Единственным исключением можно считать высмеивание татарского муллы (14/70), что совпадает с окончанием второй волны антирелигиозной кампании.

Подводя итоги анализа визуального отражения этнического в советской карикатуре, в первую очередь следует признать, что данный источник представляет значительную ценность для понимания этнокультурной ситуации в СССР.

Одновременно с этим нельзя отрицать, что большинство этнических образов были национальными по форме и социалистическими по содержанию. Постоянно предпринимались попытки при помощи карикатуры спи-

сать на отдельные этнические группы общесоветские негативные моменты (взяточничество, кумовство, низкая производительность, лень и т. д.). В целом же работа иллюстраторов «Крокодила» находилась в постоянном противоречии между желанием использовать яркие этнические образы и очевидным заказом на создание визуального национального конструкта.

В силу этого практически до конца XX в. практиковалась, по сути, колониальная схема визуализации этносов, где ключевую роль играл «ласковый расизм» — мягкое, но постоянное подчеркивание морфологических особенностей жителей отдельных регионов и выстраивание четкой иерархии, где первенство отдавалось русскому этносу.

Еще одним важным моментом, безусловно, является то, что карикатуры «Крокодила» лишь отчасти использовались как механизм спуска излишней агрессии. В основном они «этнизировали» общесоветские проблемы, тем самым создавая негативные стереотипы жителей союзных республик. Итоги этой стереотипизации до сих пор актуальны.

Литература

- [1] *Артемова Е.А.* Карикатура как жанр политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002. — 175 с.
- [2] *Березовая Л.Г.* «Знай из роду в род, каков русский народ»: карикатура двенадцатого года // *Родина*. — 2012. — № 6. — С. 100–103.
- [3] *Брукс Д.* Лев и медведь: юмор в войне и мире // *Новое литературное обозрение*. — 2011. — № 109. — С. 151–171.
- [4] *Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 384 с.: ил.
- [5] *Гераськин Ю.В.* Из истории хрущевского наступления на Русскую православную церковь // *Новый исторический вестник*. — 2009. — № 19. — С. 71–79.
- [6] *Голубев А.В.* «Европы мрачен горизонт»: образ Запада в советской карикатуре 1920-х годов // *Преподавание истории в школе*. — 2008. — № 1. — С. 27–33.
- [7] *Демшина А.Ю.* Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX — начало XXI вв. — СПб.: Астерион, 2009. — 106 с.
- [8] *Евангулова О.С.* Карикатура и отношение к ней в России в эпоху Екатерины II // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*. — 2004. — № 6. — С. 42–53.
- [9] *Еремеева Е.А.* Изучение советского юмористического дискурса с помощью технологий баз данных: на материалах журнала «Перец» и советских политических анекдотов // *Историческая информатика*. — 2013. — № 4. — С. 14–23.
- [10] *Ефимов Б.Е.* Основы понимания карикатуры. — М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1961. — 71 с.
- [11] *История глазами Крокодила. XX век. Люди, события, слова: В 3 кн. / под ред. А.М. Яблокова*. — М.: ХХ Сенчури Крокодайл, 2014. — 784 с.
- [12] *Кротков А.П.* Карикатура. Непридуманная история. — М.: АСТ, 2015. — 320 с.
- [13] *Мельниченко М.А.* Советский анекдот (Указатель сюжетов). — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 1104 с.
- [14] *Митрохин Л.Н.* Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). — СПб.: РХГИ, 1997. — С. 42–62.
- [15] *Росе Ф.* Дело о «карикатурах на пророка Мухаммеда». — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 512 с. (Серия «Цивилизация»).
- [16] *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизов. пер. с англ. О. Леонтьевой; предисл. П. Верта; 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 512 с. (Серия «Historia Rossica»).
- [17] *Старая злоба и свежая падаль. История «Крокодила», рассказанная им самим // Радио Свобода [Электронный ресурс]*. — URL: <http://www.svoboda.org/a/27414439.html> (дата обращения 03.12.2016)
- [18] *Стернин Т.Ю.* Очерки русской сатирической графики. — М.: Искусство, 1964. — 335 с.: ил.
- [19] *Стыкалин С., Кременская И.* Советская сатирическая печать 1917–1963 гг. — М.: Госполитиздат, 1963. — 333 с.
- [20] *Navasky V.S.* The Art of Controversy: Political Cartoons and Their Enduring Power. — NY, 2013. — 241 p.
-

GRINKO Ivan Aleksandrovich,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Moscow School of Social and Economic Sciences (MSES),
the head of the "Project Ethnology"
e-mail: IAGrinko@yandex.ru*

SHEVTSOVA Anna Alexandrovna,

*Doctor of Historical Sciences,
Professor at the Department of Cultural Studies
Moscow State Pedagogical University (MSPU)
e-mail: Ash@inbox.ru*

THE ICONOGRAPHY OF NATIONAL QUESTION IN THE SATIRICAL REVUE "CROCODILE" (1960^s — 1970^s)

The article is devoted to the analysis of ethnic images in the Soviet cartoon. Despite the popularity of the topic of visualization of ethnic, this aspect has not been developed. Based on the illustrative series from the archive of the leading satirical edition of the USSR magazine "Crocodile", the authors show how the cartoon was used as an instrument of national policy, and try to disclose the mechanism of this work. The main source is more than 10 000 illustrations from the numbers of the magazine "Crocodile" for the 1960–1970s. In addition to the features of the visual reproduction of the ethnic topic, problems such as the statistics of the appearance of various ethnic images and its relation to the ethnopolitical context, ethnoses ignored by artists, basic stereotypes in mapping various ethnic groups and regions, and the range of ethnic themes allowed for display were touched upon.

Key words: soviet history, cartoon, satirics, visualization, ethnic visiotypes, national politics, "Crocodile".

References

- [1] Artemova E.A. Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk [Caricature as a Genre of Political Discourse: Dis. ... Cand. Philol. Sciences]. — Volgograd, 2002. — 175 p.
- [2] Berezovaya L.G. «Znaj iz rodu v rod, kakov russkij narod»: karikatura dvenadcatogo goda ["Know from Generation to Generation, what is the Russian People": Caricature of the Twelfth year] // Rodina [Homeland]. — 2012. — No. 6. — Pp. 100–103.
- [3] Brooks D. Lev i medved': jumor v vojne i mire [Leo and the Bear: Humor in War and Peace] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. — 2011. — No. 109. — P. 151–171.
- [4] Vishlenkova E.A. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu" [Visual Ethnology of the Empire, or "To See the Russian is not Given to Everyone". — Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. — 2011. — 384 p.: ill.
- [5] Geras'kin Yu.V. Iz istorii hrushhevskogo nastuplenija na Russkuju pravoslavnuju cerkov' [From the History of Khrushchev's Offensive against the Russian Orthodox Church] // Novyj istoricheskij vestnik [New Historical Herald]. — 2009. — No. 19. — Pp. 71–79.
- [6] Golubev A.V. «Evropy mrachen gorizont»: obraz Zapada v sovetskoj karikature 1920-h godov ["The Horizon is Dark in Europe": the Image of the West in the Soviet Caricature of the 1920s] // Prepodavanie istorii v shkole [Teaching History at School]. — 2008. — No. 1. — Pp. 27–33.
- [7] Demshina A.Yu. Moda v kontekste vizual'noj kul'tury: vtoraja polovina XX — nachalo XXI vv. [Fashion in the Context of Visual Culture: the Second Half of the XX — the Beginning of the XXI Century]. — St. Petersburg: Asterion, 2009. — 106 p.
- [8] Evangulova O.S. Karikatura i otnoshenie k nej v Rossii v jepohu Ekateriny II [Caricature and Attitude to it in Russia in the Era of Catherine II] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorija [Bulletin of Moscow University. Ser. 8, History]. — 2004. — No. 6. — Pp. 42–53.
- [9] Eremeeva E.A. Izuchenie sovetskogo jumoristicheskogo diskursa s pomoshh'ju tehnologij baz dannyh: na materialah zhurnala "Perec" i sovetskih politicheskikh anekdotov [The Study of Soviet Humorous Discourse with the Help of Database Technologies: on the Materials of the Journal "Pepper" and Soviet Political Anecdotes] // Istoricheskaja informatika [Historical Informatics]. — 2013. — No. 4. — Pp. 14–23.
- [10] Yefimov B.E. Osnovy ponimaniya karikatury [Basics of Understanding Caricatures]. — Moscow: Publishing house of the Academy of Arts of the USSR, 1961. — 71 p.

[11] *Istorija glazami Krokodila. XX vek. Ljudi, Sobytija, Slova: V 3 kn. / pod red. A.M. Jabloko*va [History through the Eyes of the Crocodile. The twentieth century. People, Events, Words: In 3 books / ed. by A.M. Yablokov]. — Moscow: XX Century Crocodile, 2014. — 784 p.

[12] *Krotkov A.P. Karikatura. Nepridumannaja istorija* [Caricature. An Unreasoned Story]. — Moscow: AST, 2015. — 320 p.

[13] *Melnichenko M.A. Sovetskij anekdot (Ukazatel' sjuzhetov)* [Soviet Anecdote (Index of plots)]. — Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. — 1104 p.

[14] *Mitrokhin L.N. Baptizm: istorija i sovremennost' (filosofsko-sociologičeskie očerki)* [Baptism: History and Modernity (philosophical and sociological essays)]. — St. Petersburg: RKhGI, 1997. — Pp. 42–62.

[15] *Rosa F. Delo o "karikaturah na proroka Muhammeda"* [The case of "Caricatures of the Prophet Muhammad"]. — St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2012. — 512 p. (Series "Civilization").

[16] *Slezkin Yu. Arktičeskie zerkala: Rossija i malye narody Severa / avtorizov. per. s angl. O. Leont'evoj; predisl. P. Verta.* — 2-e izd. [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North / futhorizations transl. from. engl. by O. Leontiev; Pref. by P. Werth. — 2nd ed.]. — Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. — 512 p. (Series "Historia Rossica").

[17] *Staraja zloba i svezhaja padal'. Istorija "Krokodila", rasskazannaja im samim* [Old Malice and Fresh Carrion. The Story of "Crocodile", Told by Him] // Radio Svoboda [Radio Liberty] [Electronic resource]. — URL: <http://www.svoboda.org/a/27414439.html> (date of the application: December 3, 2016).

[18] *Sternin T.Yu. Očerki ruskoj satiričeskoj grafiki* [Essays on Russian Satirical Graphics]. — Moscow: Iskusstvo, 1964. — 335 p.: ill.

[19] *Stykalin S., Kremenskaja I. Sovetskaja satiričeskaja pečat' 1917–1963 gg.* [Soviet Satirical Press of 1917–1963]. — Moscow: Gospolitizdat, 1963. — 333 c.

[20] *Navasky V.S. The Art of Controversy: Political Cartoons and Their Enduring Power.* — NY, 2013. — 241 p.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

УДК 33(470):327

ЕМЕЛЬЯНОВ Сергей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
предпринимательского, финансового и экологического права
ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан», г. Уфа
e-mail: sergei-e-2@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу структуры национальной экономики Российской Федерации и степени влияния на нее международной политики. В результате проведенного исследования выявлен политический тренд, доминирующий в международном пространстве в отношении России; сформулированы основные сложности и вызовы, с которыми уже столкнулась российская экономика и которые еще предстоит преодолеть; обозначен ряд слабых звеньев в экономике Российской Федерации, наиболее уязвимых при обострении международных отношений с другими странами. Понимание недостатков и сложностей в системе взаимодействия российской экономики с международной политикой дает возможность найти как пути экономического усиления, так и способы политического укрепления Российской Федерации.

Ключевые слова: автономность, изоляция, национальная безопасность, платежный баланс, санкции, экспорт.

Российская Федерация, являясь крупнейшей в мире страной по размерам территории, в последнее время старается принимать активное участие в международной жизни планеты. Вовлеченность в международные отношения обусловлена, прежде всего, необходимостью отстаивания своих собственных государственных интересов. Однако данная деятельность сопряжена с негативным влиянием международной политики на развитие российской экономики.

Так, по состоянию на начало 2016 г., можно констатировать тесную взаимосвязь между ситуацией на международной арене и состоянием экономики в Российской Федерации. Эта взаимосвязь характеризуется существенной зависимостью практически всех отраслей и секторов российского народного хозяйства от результатов политического диалога России

с другими странами. Причем следует отметить, что сила негативного воздействия конфронтации других стран с Россией на российскую экономику значительно более сильное и ощутимее, чем эффект от позитивного международного сотрудничества с другими странами. Например, для российской экономики ущерб от взаимных санкций между Евросоюзом и Россией весомее (как финансово, так и политически), чем развитие таких международных союзов, как:

– ЕАЭС — Евразийский экономический союз (Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Армения) или

– БРИКС — группа из пяти стран с наиболее развивающимися экономиками (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика).

Поэтому следует уделить некоторое внимание причинам указанной зависимости.

Главный мажоритарный тон в международных отношениях задают наиболее сильные страны и их альянсы. Сила государств характеризуется, прежде всего, такими факторами, как:

- финансовое богатство;
- военная мощь;
- технологическое развитие и степень развитости новейших технологий в различных областях жизнедеятельности человека;
- принадлежность или лояльность к определенным экономическим/военным/политическим альянсам, союзам или богатейшим мировым кланам;
- приверженность определенным религиозным и морально-этическим ценностям, нормам или стандартам;
- высокий уровень жизни населения.

В настоящее время одним из наиболее сильных и активных игроков на международной политической арене выступают Соединенные Штаты Америки, которые открыто и официально заявляют, что проводят политику сдерживания развития Российской Федерации. В связи с этим внешнеполитический прессинг на Россию, ее экономику и вообще ее место в мире носят не случайный характер, а являются стратегической целью, спланированной на длительный период времени теми странами и силами, которые выступают за геополитическое и экономическое поражение Российской Федерации, а если смотреть вглубь, то за распад России как государства.

Для более глубокого понимания событий, происходящих в экономике современной России, следует сделать краткий экскурс в недавнее историческое прошлое Российской Федерации.

Исторически план по сдерживанию (а в более ранние периоды — порабощению или колонизации) России имеет корни в многочисленных войнах западной цивилизации с иными другими, в том числе, в силу религиозных разногласий между православием и католицизмом, а также тем, что православие и Ислам находятся в гораздо более гармоничном взаимопонимании, чем католицизм и Ислам. В новейшей истории этот альянс против России довольно успешно был реализован через план Маршалла, который, помимо декларируемой программы помощи восстановления Ев-

ропы после Второй мировой войны, содержал в себе доктрину сдерживания распространения коммунизма в Европе и в мире в целом, а также предусматривал распад СССР на ряд более мелких государств. Кроме того, в первые годы формирования СССР (1917–1918 гг.) против нового и молодого советского государства также выступал мировой военно-экономический альянс практически с тем же составом, с каким в 2014 году был сформирован блок санкций против современной Российской Федерации, а именно: США, Великобритания, многие страны Европы. Также, как и сейчас, целью антироссийского/антисоветского альянса была экономическая блокада России/СССР. Кроме того, в силу слабого положения СССР в период своего становления против Советского Союза была организована интервенция (современное подобие которой можно было наблюдать уже в новейшей истории Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии и ряда других стран).

Поэтому в целях национальной безопасности в СССР было создано народное хозяйство, которое ориентировалось, прежде всего, на свой внутренний рынок, на выработку способности у своей собственной советской экономики развиваться и работать автономно, т.е. независимо от других стран. И в основном эта задача была успешно решена. При этом национальная экономика СССР раннего и среднего периода (вплоть до 70-х годов XX в.) не была зациклена только на внутренний рынок, также развивались и международные связи.

Однако советская экономика постепенно растеряла свое главное качество — независимость от внешней среды. Помимо того, что СССР стал одним из крупнейших в мире экспортеров нефти и газа, другими весовыми причинами краха СССР были непомерные расходы на гонку вооружений и практически безвозмездная помощь странам по социалистическому лагерю (бедным и не только). Ключевым моментом стал сговор США и Королевства Саудовской Аравии в конце 80-х годов XX столетия по демпингу цен на нефть в то время, когда экономика СССР уже была сильно зависима от выручки с продажи углеводородов. Нельзя не отметить, что в ряде западных стран (прежде всего, в США) работали десятки исследовательских центров и институ-

тов по изучению Советского Союза с целью понимания его сильных сторон и выявления слабых. Эти центры функционируют и сейчас, но только теперь они изучают особенности Российской Федерации.

В начале 90-х годов XX в. СССР как военно-политический и экономический противник был повержен, практически вся его социалистическая экономическая модель (которая также распространялась на Восточную Европу) была в корне разрушена, а освободившееся место было занято противником. Сработал план Маршалла, одним из основных инструментов которого была политика мягкой силы. Первый и он же последний Президент СССР не устоял от тлетворного влияния Запада и эфемерных обещаний президента США Р. Рейгана о мире и дружбе двух антагонистических систем (коммунизма и капитализма), не справился с государственным управлением Советского Союза, попавшего в сложную, но не критичную ситуацию, и допустил распад крупнейшего в мире противовеса США и натовского блока.

Следует подчеркнуть, что после распада СССР в ближайшем окружении первого Президента России было немало американских и западно-европейских советников в части дальнейшего развития российской экономики. Как впоследствии оказалось, это была тщательно спланированная экономическая диверсия, вред от которой трудно переоценить, т.к. под воздействием консультаций и рекомендаций указанных лиц была разрушена мощная система внутренних взаимосвязей советских предприятий между собой, абсолютное большинство которых было доведено до остановки производства и банкротства. Российской власти удалось сохранить лишь редчайшие производственно-экономические цепочки, связанные, прежде всего, с вооружением, космической деятельностью и металлургией.

Все остальное народное хозяйство попало под процедуру приватизации, банкротства и тотального вытеснения отечественной продукции и даже целых производств импортными аналогами сначала среднего, а затем и вовсе неконтролируемого качества (т.к. система советских ГОСТов также была упразднена). После распада Советского Союза Россия дли-

тельный период не имела самостоятельной позиции на международной арене, ее мнение было зависимым и в ряде случаев управляемым извне.

По прошествии более чем двадцатилетнего периода после распада СССР и фактической ликвидации многих отраслей народного хозяйства большой страны, когда уже нет тотальной зависимости от импорта, которая была в начале и середине 90-х годов XX в., Россия до сих пор не оправилась и не стабилизировала свою экономическую деятельность.

Кроме того, нельзя не отметить, что Российская Федерация находится в значительной политико-экономической изоляции и фактически является игроком-одиночкой на международной политической арене. Так, например, многим товарам из России даже до санкций 2014 года был запрещен выход на рынки таких стран, как США, Канада, Австралия, ряд стран Европы и других.

Ближайшие дружественные России страны — Казахстан и Белоруссия — союзниками являются лишь номинально, особенно Белоруссия. Любое разногласие с ними приводит экономику России в состояние ощутимого стресса.

Китай и Иран союзниками Российской Федерации не являются, дружба с ними основана, прежде всего, на политике противостояния действиям США и военного альянса НАТО.

Турция показала себя коварным и вероломным соседом, тем более являющимся членом НАТО.

Анализ сотрудничества с другими странами в ряде случаев может выявить некоторую дружелюбность (например, Египет, Венесуэла, Куба), но общей картины это не меняет по причине разобщенности, карликовости и маргинальности подобных стран или же в силу несущественного влияния этих государств на мировую политику и экономику.

Поэтому любое негативное воздействие извне, будь то экономические и политические санкции или специально спровоцированные спортивные допинговые скандалы, все это напрямую или косвенно, но негативно и болезненно сказывается на состоянии российской экономики, каждый раз нанося ей малый или большой ущерб, что, конечно же, ослабляет ее.

С другой стороны, нельзя не упомянуть о некотором снижении экономического давления со стороны США и о налаживании тесных деловых связей России с Западной Европой в период с середины 90-х годов XX в. по начало 2014 года. За это время, прежде всего, за счет высоких мировых цен на углеводороды, Россия смогла финансово окрепнуть и в определенной мере экономически развиваться. Однако это развитие не было сбалансированным — акцент был сделан на развитие нефтегазового комплекса с расширением присутствия на международных рынках. Развитие же внутренней российской экономики, ее инфраструктуры и способности к самообеспечению к работе в автономном режиме вновь финансировалось по остаточному принципу, а какие-то сектора экономики не финансировались вовсе. Также государством строго не отслеживалось развитие стратегических отраслей народного хозяйства, например, сельского хозяйства, что в санкционный период проявило неудовлетворительный уровень продуктовой государственной безопасности России.

В Российской Федерации за период с середины 90-х годов XX в. по начало 2014 г. так и не был сделан какой бы то ни был ощутимый серьезный прорыв в наукоемких областях, поэтому Россия в целом пока не способна предложить другим странам конкурентоспособные товары или услуги. Высокий уровень коррупции и попустительства позволил многим финансовым потокам (прежде всего, от продажи углеводородов) переключаться из государственной казны в карманы и зарубежные счета недобросовестных чиновников и руководителей высшего звена власти. Таким образом, была упущена возможность качественно и продуманно подготовиться к существованию и даже выживанию в условиях сложных международных отношений, в появлении которых у политических и военных аналитиков различных стран (включая саму Россию) не было ни малейших сомнений, это был лишь вопрос времени.

Подытоживая вышесказанное, следует констатировать, что, безусловно, по состоянию на сегодняшний день международная политика оказывает огромное влияние на развитие экономики Российской Федерации и в основном

характеризуется своим планомерным негативным разрушительным воздействием на нее. Вместе с тем в российской экономике наблюдается процесс адаптации к антироссийским санкциям, и проявляются, хотя пока и слабые, но все же способности к самостоятельному функционированию без участия импортных составляющих (например, таких как продукты питания, химические ингредиенты, льготное проектное финансирование и др.).

Исходя из этого, возникает необходимость в качественной и количественной оценке влияния международной политики на развитие экономики в Российской Федерации в целях регулирования данного воздействия и снижения негативных последствий от него.

Для этого выделим ряд основных вопросов и направлений, по которым в настоящее время наблюдается зависимость российской экономики от внешней среды с критическим уровнем или уровнем выше допустимого.

1. Дисбаланс в статьях наполнения бюджета Российской Федерации от внешнеэкономической деятельности: весьма рискованно и совершенно непозволительно для национальной безопасности Российской Федерации допускать ситуацию, когда товарная структура экспорта России на две третьих зависит от одного или нескольких источников доходов, которые планируется получать от зарубежных стран и партнеров (в т.ч. враждебно настроенных к России).

Речь, прежде всего, идет об экспорте Россией следующих ресурсов, сгруппированных в платежном балансе Российской Федерации в категорию «Минеральные продукты» [1] и представленных в таблице 1 (за выборочный период с 2000 по 2015 год).

Согласно данным таблицы 1, за 2015 год доля экспортной выручки от реализации нефти и нефтепродуктов в категории «Минеральные продукты» составляла 80%, а вместе с природным газом — 96%.

Динамика экспортной выручки от реализации продукции категории «Минеральные продукты» в составе общей экспортной выручки за период с 2000 по 2015 год представлена в таблице 2 [1].

Согласно данным таблицы 2, в 2014 году доля минеральных продуктов в составе общей

Таблица 1 — Распределение экспортной выручки по ресурсам, сгруппированным в платежном балансе Российской Федерации в категорию «Минеральные продукты», %*

Ресурс	Годы					
	2000	2010	2012	2013	2014	2015
Сырая нефть	46,03	50,70	49,64	47,48	45,18	50,00
Нефтепродукты	19,91	26,37	28,43	29,91	34,00	30,00
Природный газ	30,30	17,90	16,95	18,03	16,22	16,00
Каменный уголь	2,12	3,46	3,57	3,23	3,42	3,30
Железные руды и концентраты	0,55	0,70	0,68	0,65	0,57	0,55
Электроэнергия	0,46	0,39	0,28	0,27	0,22	0,20
Кокс и полукокс	0,15	0,19	0,16	0,14	0,12	0,10
Фосфаты кальция	0,29	0,12	0,11	0,12	0,10	0,09
Асбест	0,10	0,09	0,09	0,07	0,07	0,07
Прочие	0,09	0,09	0,09	0,10	0,09	0,10

Таблица 2 — Доля минеральных продуктов (включая углеводороды) в товарной структуре экспорта Российской Федерации, млрд дол. США*

Показатель	Годы						
	2000	2005	2010	2012	2013	2014	2015
Экспорт всего	103,09	241,47	397,07	524,74	525,98	497,83	490,57
в т. ч.							
минеральные продукты (включая углеводороды),	55,49	156,37	271,89	374,0	375,82	350,82	340,82
в т. ч. доля в экспорте, %	53,82	64,75	68,47	71,27	71,45	70,47	69,57

Таблица 3 — Структура российского экспорта и импорта высокотехнологичной продукции, млрд дол. США*

Показатель	Годы										
	Экспорт					Импорт					
	2010	2011	2012	2013	2014	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Высокотехнологичная продукция — всего	13,77	17,16	16,00	18,53	19,06	28,64	38,29	40,31	39,36	41,19	42,18
в т. ч.											
товары авиакосмической промышленности	6,08	7,23	5,98	7,545	5,93	4,32	6,59	5,62	6,68	8,39	8,98
компьютерно-офисная техника	0,12	0,25	0,27	0,36	1,77	6,02	6,57	7,11	6,14	6,54	6,17
электроника и телекоммуникационное оборудование	0,85	1,21	1,09	1,21	1,60	10,10	12,55	12,94	12,25	13,13	13,57
фармацевтика	0,12	0,17	0,22	0,235	0,27	1,62	3,98	4,22	4,66	4,24	4,07
прочие товары	6,60	8,3	8,44	9,18	9,49	6,58	8,6	10,42	9,63	8,89	8,25

* Данные за 2016 год будут доступны в статистическом сборнике за 2017 год.

экспортной выручки составила 70,47 % или 350,82 млрд дол. США. В 2015 году произошло снижение на 0,9 %.

2. Наличие эмбарго или отказа/воздержания от приобретения российской продукции и услуг (в т.ч. при наличии прямой финансовой выгоды) со стороны стран — членов НАТО и их союзников (в ряде случаев под давлением со стороны США для проявления коллективного бойкотирования России) бойкотирование происходит под лозунгом тотального отказа от всего российского, что, прежде всего, затрагивает:

- углеводороды (сырая нефть, нефтепродукты, трубопроводной природный газ, каменный уголь), а также развитие соответствующей российской инфраструктуры за пределами России (примерами служат заморозка газопроводов «Южный поток» и «Турецкий поток»);

- электроэнергию;
- вооружение;
- сталепродукт.

3. В целом довольно низкая конкурентоспособность продукции и услуг российской национальной экономики, а также недостаток высокотехнологической продукции для своих собственных нужд.

Технологическая отсталость России подтверждается статистическими данными, представленными в таблице 3.

Согласно данным таблицы 3, недостаточность у России высокоразвитых технологий в области фармацевтики и авиакосмической промышленности (прежде всего, военной авиации) также ставит под угрозу ее национальную безопасность.

Зависимость Российской Федерации от импортной промышленной и бытовой электроники, а также компьютерных технологий делает Россию уязвимой перед угрозой диверсий в данных областях. Скажем, если американская компания Microsoft решит приостановить апгрейд или продажу лицензий на свою продукцию (операционную систему и пакет офисных программ), то, по состоянию на сегодняш-

ний день, в Российской Федерации нет альтернативы для их импортозамещения.

4. Зависимость от иностранных информационных и телекоммуникационных технологий в области финансов и банковской деятельности.

По состоянию на сегодняшний день, действуют существенные ограничения потока европейских «длинных» денег под инвестиционные российские проекты и полный запрет американского финансирования российской экономики.

Также в России ограничена работа международных карточных платежных систем Visa и MasterCard, на замену которых в срочном порядке был организован их российский аналог, который действует в России в усеченном режиме.

Существует реальная угроза отключения банковской системы Российской Федерации от международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT.

5. Ограничение/усложнение транспортного сообщения России с внешним миром.

В качестве примеров можно выделить:

- железнодорожное сообщение через страны Прибалтики;
- автотранспортное сообщение с Европой через Польшу и Украину;
- морское сообщение через Босфорский пролив;
- авиасообщения через страны Европы (например, во время сирийской антитеррористической кампании Греция и Болгария не открывали авиакоридор для российской авиации).

Вместе с тем у Российской Федерации есть некоторый финансовый и интеллектуальный запас прочности. Более того, в ряде областей России нет равных. Но в ближайшие десятилетия Российской Федерации необходимо будет приложить немало усилий для обеспечения не только развития и балансировки своей экономики, но также сохранения и удержания тех позиций, которые еще у нее остались.

Литература

[1] Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 725 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/free_doc_2016/year/year16.pdf

EMELYANOV Sergey Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
at the Department of Business, Financial and Environmental Law
Bashkir Academy of Public Service and Management
at the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa
e-mail: sergei-e-2@yandex.ru

IMPACT OF INTERNATIONAL POLICY ON THE DEVELOPMENT OF ECONOMICS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of the structure of the national economy of the Russian Federation and the degree of influence of international politics on it. As a result of the study, a political trend has been identified that dominates the international space with respect to Russia; the main difficulties and challenges that the Russian economy has already faced and which have yet to be overcome are formulated; this article identifies a number of weak links in the economy of the Russian Federation, the most vulnerable in the exacerbation of international relations with other countries. Understanding the shortcomings and difficulties in the system of interaction of the Russian economy with international politics makes it possible to find both ways of economic strengthening and ways of political strengthening of the Russian Federation.

Key words: *autonomy, isolation, national security, balance of payments, sanctions, export.*

References

[1] Rossijskij statističeskij ezhegodnik. 2016: stat. sb. / Rosstat [Russian Statistical Yearbook. 2016: statistical compilation]. — M., 2016. — 725 p. [Electronic resource]. — URL: http://www.gks.ru/free_doc_2016/year/year16.pdf

УДК 331.5(470.57)

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,

доктор политических наук, доцент,
заведующий кафедрой политологии, истории, теории государства и права,
директор Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа
e-mail: ufabist@ufabist.ru

МИНИХ Вячеслав Александрович,

заместитель Председателя Башкирской республиканской организации
общероссийской общественной организации
«Всероссийское общество инвалидов», г. Уфа
e-mail: voi-ufa1@narod.ru

К ВОПРОСУ О РЫНКЕ ТРУДА ИНВАЛИДОВ (на примере Республики Башкортостан)

В статье рассматриваются вопросы включения инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья в экономическую сферу общества и повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Авторы анализируют ситуацию с трудоустройством инвалидов в Республике Башкортостан и предлагают свое видение решения этой проблемы.

Ключевые слова: законодательство в системе социальной защиты инвалидов, социальная политика, трудоустройство, потребности инвалидов.

Важнейшим показателем общественного благополучия населения является качество жизни инвалидов и людей с ограниченными способностями здоровья. И это не случайно. В этой сфере существует множество проблем, решение которых зависит от грамотной общественной политики государства. И речь идет не только о социальной зрелости, экономической состоятельности общества, духовно-нравственных ценностях граждан, хотя и этот аспект очень важен. Ситуация осложняется тем, что за инвалидом нужен особый уход, что, в первую очередь, обеспечивается его близкими, а это, в свою очередь, влечет за собой новые проблемы: материальные, финансовые, социальные, бытовые и т. д.

Кто может и должен решать эти проблемы? Безусловно, прежде всего, государство.

Нельзя сказать, что проблемы инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья не входили в сферу интересов органов власти, общественных объединений и структур. Меры правового характера в системе социаль-

ной защиты инвалидов были определены как в международных документах, так и в законодательстве Российской Федерации. Согласно Конституции Российской Федерации, все граждане страны имеют права на труд, социальное обеспечение, охрану здоровья и др. Конвенция МОТ № 159 «О профессиональной реабилитации и занятости инвалидов» (принята в Женеве 20 июня 1983 г., ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.03.1988 № 8694-XI); Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 01.06.2017); Федеральный закон Российской Федерации от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»; Государственная программа «Доступная среда» на 2011–2020 годы (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2015 года № 1297) — все эти документы направлены на обеспечение инвалидам возможностей для нормальной жизнедеятельности.

Более того, на протяжении последних десятилетий внимание к интересам отдельного человека как объекта национальных политик в различных сферах постепенно возросло. Копенгагенская декларация о социальном развитии ООН (1995 год) провозгласила заботу о людях в качестве основного условия устойчивого развития. В центре нового подхода к общественному устройству — социальная интеграция, направленная на создание «общества для всех», в котором каждый индивидум, имеющий свои права и обязанности, играет активную роль. Социальная интеграция отражает способность общества развиваться «на принципах недискриминации, терпимости, уважения многообразия, равенства возможностей, солидарности, безопасности и участия всего населения, в том числе групп и лиц, находящихся в неблагоприятном положении, уязвимых групп и лиц» [2]. Это означает защиту и полную интеграцию обездоленных и уязвимых групп и отдельных лиц в экономику и жизнь общества. Для этого должен быть обеспечен всеобщий и равный доступ к образованию, информации, технологиям и инновациям.

Новая социальная политика в отношении инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья рассматривает инвалидность в качестве социального, формируемого обществом явления. Целостный подход предполагает не столько адаптацию инвалида, сколько изменение социального окружения и превращения его в инклюзивную среду.

Принцип доступности, который был провозглашен в резолюции 52/82 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1997 г. в качестве приоритетной задачи содействия обеспечению равных возможностей для инвалидов, переносит акцент с медицинских аспектов, защиты и оказания помощи в адаптации на расширение прав и возможностей инвалидов и их участие в жизни общества.

Однако ситуация в сфере занятости инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья меняется крайне медленно, особенно в реализации приоритетного принципа доступности — занятости на рынке труда. Отсутствие возможности получить оплачиваемую работу — один из основных источников соци-

альной уязвимости. Эксперты выделяют три основные причины высокого уровня незанятости среди инвалидов [1]:

- социальное предубеждение о более низкой производительности инвалидов, приводящее к нежеланию работодателей нанимать инвалидов, к осознанной дискриминации граждан с ограниченными возможностями;
- физическая недоступность и техническая непригодность для инвалидов большинства рабочих мест на открытом рынке труда;
- более низкий уровень общего образования и отсутствие или недостаток профессиональной подготовки инвалидов по требующимся работодателям специальностям.

Исследования в области проблем трудоустройства инвалидов ведутся по нескольким направлениям:

- анализ законодательства прав инвалидов;
- анализ участия инвалидов в экономике;
- анализ эффективности мероприятий по содействию трудоустройству;
- определение эффективности государственных мер по трудоустройству инвалидов;
- оценка экономического ущерба по причине инвалидности;
- выявление потребности инвалидов в трудоустройстве;
- определение перспективных направлений переквалификации инвалидов с целью их трудоустройства [8].

По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2017 г. в России проживает 12 млн 314 тыс. инвалидов, из них трудоспособного возраста — 3 млн 651 тыс. (мужчины в возрасте 18–59 лет — 2 млн 293 тыс., женщины в возрасте 18–54 года — 1 млн 358 тыс.). Работающих инвалидов зарегистрировано 2 млн 12 тыс. человек [7].

В Республике Башкортостан проживает 266 тыс. чел. с ограниченными возможностями здоровья. В текущем году трудоустроены всего 916 чел. с ограниченными возможностями здоровья. По статистике, сегодня работает лишь каждый пятый инвалид. Особенно тяжелое положение складывается с занятостью инвалидов I и II групп, среди которых удельный вес работающих — менее 8%.

Инвалиды все реже обращаются в центры занятости из-за страха отказа или отсутствия веры в положительное решение по трудоустройству. Это связано с тем, что профессиональная подготовка и профессиональное образование через службы занятости зачастую оторваны от реально существующего спроса на региональных рынках труда. Значительная часть инвалидов по завершении обучения не работают или многократно меняют место работы. Такое положение связано также с укоренившимся мнением в службах занятости и работодателей о повышенной трудоемкости процесса трудоустройства инвалидов.

На сегодняшний день отсутствует методика подбора видов труда и профессий для инвалидов, позволяющая осуществлять этот подбор с учетом их функционального состояния, и методика оценки рабочего места, предлагаемого инвалиду с позиций тех требований, которое оно предъявляет к здоровью человека. Трудовые рекомендации, которые являются основным медицинским заключением в этом плане, в подавляющем большинстве случаев носят общий характер, основываются на узком перечне профессий и не отражают потенциальные профессиональные возможности инвалидов. По мнению опрошенных экспертов, большинство вакансий, которые сегодня предлагаются инвалидам, — это низкооплачиваемая работа.

Разработкой и реализацией мероприятий по включению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в экономику занимаются все три сектора социальной защиты и поддержки населения. Государственные структуры реализуют федеральные и региональные программы по квотированию [4] и стимулированию создания новых рабочих мест [6], а также резервированию наиболее подходящих для инвалидов рабочих мест [5]. Бизнес создает условия для работы и обеспечивает занятость. Социально ориентированные некоммерческие организации, в свою очередь, проводят совместно с государственными структурами мониторинг этой проблемы, стимулируют вышеприведенную группу населения к труду и обеспечивают занятость в своих организациях.

8 августа 2017 г. министр труда и социальной защиты России Максим Топилин в ходе

селекторного совещания заявил о необходимости создать «паспорт занятости» для всех инвалидов в трудоспособном возрасте: «Органы службы занятости, органы исполнительной власти субъектов проведут мониторинг ситуации: где живут инвалиды, почему они не работают и не могут найти работу, какие существуют препятствия и барьеры. Нужно создать такой „паспорт занятости“ по всем инвалидам в трудоспособном возрасте» [3]. Министр подчеркнул, что показатели занятости инвалидов в трудоспособном возрасте серьезным образом отстают от тех показателей, которые существуют для иных категорий граждан.

В 2017 году для каждого региона России утверждены определенные показатели содействия занятости населения, в том числе по трудоустройству инвалидов. Сегодня перед Министерством семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан на федеральном уровне стоит задача в течение текущего года трудоустроить 5,5 тыс. инвалидов.

Эффективным решением этой проблемы может стать обучение людей с ограниченными возможностями здоровья работе на дому через Интернет. Развитие Интернета открыло новые возможности заработка на дому. Среди тех, кто сегодня успешно зарабатывает в Интернете, есть и люди с нарушением слуха, и инвалиды-колясочники, и люди с диагнозом ДЦП, и даже инвалиды I группы, прикованные к постели. Поэтому домашняя работа в Интернете доступна большому числу людей, имеющих проблемы со здоровьем.

Цель данного исследования — определение перспективных направлений переквалификации желающих работать удаленно и/или на дому инвалидов, пользующихся при поиске работы Интернет-ресурсами, проживающих в Республике Башкортостан.

Для достижения основной цели исследования решались следующие задачи:

- определение динамики потребности инвалидов Республики Башкортостан, пользующихся при поиске работы на дому Интернет-ресурсами;

- выявление трендов потребности инвалидов Республики Башкортостан, пользующихся при поиске работы на дому Интернет-ресурсами;

– определение динамики спроса на различные профессии ранка труда в рабочей силе, готовой работать удаленно с использованием Интернет-технологий.

Информационную базу составили работы российских авторов. В качестве эмпирической базы использовались сохраненные данные поисковой системы Yandex, собранные сервисами Yandex.ru/search/advanced и Wordstat. Для анализа данных использовались стандартные процедуры математической статистики и программные средства Microsoft Excel.

С целью определения динамики потребности инвалидов в работе на дому проводился анализ статистики поискового запроса «работа для инвалидов на дому» с выбранными регионами поиска: Республика Башкортостан, город Уфа, город Стерлитамак. Выбранные данные с сентября 2015 по апрель 2016 года (далее — 1 полупериод) сравнивались с данными с сентября 2016 по апрель 2017 года (далее — 2 полупериод). Периоды с мая 2015 по август 2016 и с мая 2016 по август 2017 в учет не принимались.

Корреляционный анализ динамических рядов показал отсутствие значительных связей автокорреляций по поисковому запросу «работа для инвалидов на дому» по всем регионам анализа. Далее для определения статистических связей в поисковом поведении проводился корреляционный анализ по динамическим рядам статистики поисковых запросов «Работа для инвалидов на дому», «Работа для инвалидов Стерлитамаке на дому», «Работа для инвалидов в интернете на дому» по вышеприведенным периодам.

Высокая положительная статистическая зависимость выявлена между динамическими рядами поисковых запросов:

– «Работа для инвалидов на дому» и «Работа для инвалидов в интернете» во 2 полупериоде с заданным регионом поиска «Республика Башкортостан» (0,79);

– «Работа для инвалидов на дому» в 1 полупериоде с регионом поиска «Республика Башкортостан» и «Работа для инвалидов на дому» с регионом поиска «город Уфа» (0,73);

– «Работа для инвалидов на дому» с регионом поиска «Республика Башкортостан» и «Работа для инвалидов на дому» с регионом по-

иска «город Стерлитамак» во 2 полупериоде (0,83);

– «Работа для инвалидов на дому» с регионом поиска «город Стерлитамак» и «Работа для инвалидов в интернете» с регионом поиска «Республика Башкортостан» во 2 полупериоде (0,77).

Средняя отрицательная статистическая зависимость обнаружена только при анализе динамических рядов поисковых запросов «Работа для инвалидов в интернете на дому» — регион поиска «Республика Башкортостан» и «Работа для инвалидов на дому» — регион поиска «город Уфа» (–0,56).

Динамический прирост Интернет-пользователей с инвалидностью, пытающихся найти работу через Интернет-ресурсы:

– в работе на дому во 2 полупериоде относительно 1 полупериода составил 12,7% с заданным регионом поиска «Республика Башкортостан»;

– в работе в Интернете во 2 полупериоде относительно 1 полупериода составил 91,7% с заданным регионом поиска «Республика Башкортостан»;

– в работе на дому во 2 полупериоде относительно 1 полупериода составил 2,0% с заданным регионом поиска «город Уфа» и «город Стерлитамак»;

Для анализа предложений по удаленной работе на рынке труда для инвалидов использовался метод «Анализ контента» при помощи автоматических программных средств поисковой системы Yandex, «Расширенный поиск» URL: <https://yandex.ru/search/advanced?&lr=172>

В строке «Я ищу» вводился поисковый запрос в кавычках. Например, «Вакансии копирайт». В строке «На сайте» вводился исследуемый Интернет-ресурс www.fl.ru — самая большая база фриланса.

В строке «В регионе» вводился — Республика Башкортостан.

«Язык ввода» — русский.

Дата обновления вводилась в соответствии с временным промежутком исследуемого периода. Первая дата: 1–31 августа 2015 г. и так далее ежемесячно до 31 апреля 2017 года.

«Документов на странице» — 50.

Количество по вакансиям, размещенным в базе фриланса (1 полупериод / 2 полупери-

од), и динамический прирост количества предложений по вакансиям на работу с использованием Интернет-технологий выглядит следующим образом:

- «Вакансии копирайт» (17 429/19 619) +12,6%;
- «Вакансии рерайт» (6851/4955) — 27,6%;
- «Вакансии дизайн и арт» (21 247/30 000) +41,2%;
- «Вакансии аутсорсинг» (2211/3300) +49,2%;
- «Вакансии сетевой администратор» (2821/2760) — 2,1%;
- «Вакансии аудиомонтаж» (3028/3047) +0,6%;
- «Вакансии видеомонтаж» (3391/6289) +85%;
- «Вакансии видеодизайнер» (324/1325) +408,9%;
- «Вакансии маркетинг в социальных сетях» (6000/10 703) +78,3%;
- «Вакансии оптимизация SEO» (8303/8941) +7,6%;
- «Вакансии контекстная реклама» (9688/15525) + 60,2%;
- «Вакансии фотографа (ретуширование, реклама)» (15948/11817) — 23,8%;
- «Вакансии 3D-графика» (3025/4198) +38,7%;
- «Вакансии полиграфический дизайнер» (33 864/ 36 000) +6,3%.

Литература

- [1] Информация по реабилитации инвалидов [Электронный ресурс]. — URL: https://aupam.ru/pages/trudoustroistvo/integraciya_invalidov_v_sferu_trudovoy_zanyatosti/oglavlenie.html (дата обращения: 15.09.2017).
- [2] Копенгагенская декларация о социальном развитии // Официальный сайт Организации объединенных наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (дата обращения: 15.09.2017).
- [3] Министр Максим Топилин: Нужно создать паспорт «занятости» по всем инвалидам в трудоспособном возрасте // Информационный портал Министерства труда и занятости населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/about> (дата обращения: 15.04.2017).
- [4] Об установлении организациям, учреждениям и предприятиям, расположенным на территории Республики Башкортостан, квоты для трудоустройства инвалидов на 2017 год: Приказ Минтруда Республики Башкортостан от 30.01.2017 № 46-о // Информационный портал занятости Минтруда Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — URL: http://www.bashzan.ru/system/docs/8664/prik_46-o (дата обращения: 14.04.2017).
- [5] Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушений функций и ограничений в жизнедеятельности: Приказ Минтруда Российской Федерации от 04.08.2014 № 515 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_166866/#dst100355 (дата обращения: 15.04.2017).
- [6] О реализации дополнительных мероприятий по содействию трудоустройству незанятых инвалидов: Постановление правительства Республики Башкортостан от 21.06.2013 № 269 // Информационный портал занятости Минтруда Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — URL: http://www.bashzan.ru/images/stories/docs/post_269.pdf (дата обращения: 15.04.2017).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- потребность инвалидов, использующих при поиске работы Интернет-ресурсы в работе на дому, так же, как и в работе на дому с использованием Интернет-технологий, растет;
- наибольшую потребность в работе испытывают инвалиды, проживающие в городах Уфа и Стерлитамак;
- имеется большая потребность работодателей в привлечении работников, в том числе людей с инвалидностью, работающих на дому с использованием Интернет-технологий, по специальностям копирайт, арт-дизайн, маркетинг в социальных сетях, оптимизация SEO, контекстная реклама, ретуширование и реклама, полиграфический дизайн;
- в случае обучения инвалидов вышеперечисленным специальностям, методам поиска работы и проверки потенциальных работодателей с применением Интернет-технологий возможно активное привлечение обученных инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья к социальной занятости и их участие в экономической жизни общества, что позволит коренным образом улучшить как их материальное положение, так и психологическое самочувствие, почувствовать себя равноправным членом общества.

[7] Положение инвалидов // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 15.09.2017).

[8] *Шабунова А.А., Фахрадова Л.Н.* Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 6 (48). — С. 126–142.

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,

*Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Head at the Department of Political Science, History, Theory of State and Law,
director of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
Academy of Labor and Social Relations, Ufa
e-mail: ufabist@ufabist.ru*

MINIKH Vyacheslav Alexandrovich,

*Deputy Chairman of the Bashkir Republican Organization
of the All-Russian Public Organization
"All-Russian Society of Disabled People", Ufa
e-mail: voi-ufa1@narod.ru*

TO THE QUESTION OF THE LABOR MARKET OF DISABLED PEOPLE (on the example of the Republic of Bashkortostan)

The article deals with the inclusion of disabled people and people with disabilities in the economic sphere of society and increasing their competitiveness in the labor market. The authors analyze the situation with the employment of disabled people in the Republic of Bashkortostan and offer their vision for solving this problem.

Key words: *legislation in the system of social protection of disabled people, social policy, employment, needs of disabled people.*

References

[1] Информација по реабилитацији инвалидова [Information on rehabilitation of disabled persons] [Electronic resource]. — URL: https://aupam.ru/pages/trudoustroistvo/integraciya_invalidov_v_sferu_trudovoyj_zanyatosti/oglavlenie.html (date of the application: September 15, 2017).

[2] Копенгагенскаја декларација о социјал'ном развоју [Copenhagen Declaration on Social Development] // Официјал'ни сајт Организације обединених нација [United Nations Official Website] [Electronic resource]. — URL: http://www.un.org/en/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (date of the application: September 15, 2017).

[3] Министр Максим Топилин: Нужно создат' паспорт "занјатости" по вsem инвалидам в трудоспособном возрaсте [Minister Maxim Topilin: It is Necessary to Create a Passport for "Employment" for All Disabled People of Working Age] // Информационни портал Министерства труда и занјатости населенија Рoссијској Федерације [Information Portal of the Ministry of Labor and Employment of the Russian Federation] [Electronic resource]. — URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/about> (date of the application: April 15, 2017).

[4] Об установленји организацијама, учрежденјима и предприятјима, расположеним на територији Республјики Башкортостан, квoты длја трудоустројства инвалидова на 2017 год: Приказ Минтруда Республјики Башкортостан oт 30.01.2017 № 46-o [On the Establishment of Quotas for Employment of Disabled People for 2017 in the Organizations, Institutions and Enterprises Located on the Territory of the Republic of Bashkortostan: Order of the Ministry of Labor of the Republic of Bashkortostan dated January 30, 2017 No. 46-o] // Информационни портал занјатости Минтруда Республјики Башкортостан [Information Portal of Employment of the Ministry of Labor of the Republic of Bashkortostan] [Electronic resource]. — URL: http://www.bashzan.ru/system/docs/8664/prik_46-o (date of the application: 14.04.2017).

[5] Об утврзденји методических рекомeндациј по прeчнју рекомeндуемјх видoв трудовој и профeсиoнал'ној дејател'ности инвалидова с уchetом нарuшенјх функциј и oгpаниченјх в жизнедејател'ности: Приказ Минтруда Рoссијској Федерације oт 04.08.2014 № 515 [On the Approval of Methodological Recommendations on

the List of Recommended Types of Work and Professional Activities of Disabled Persons, Taking into Account Violations of Functions and Restrictions in Life: Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated August 4, 2014 No. 515] [Electronic resource]. — URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_166866/#dst100355 (date of the application: April 15, 2017).

[6] O realizacii dopolnitel'nyh meroprijatij po sodejstviju trudoustrojstvu nezanjatyh invalidov: Postanovlenie pravitel'stva Respubliki Bashkortostan ot 21.06.2013 № 269 [On the Implementation of Additional Activities to Promote the Employment of Unemployed Persons with Disabilities: Government Decree of the Republic of Bashkortostan dated June 21, 2013 No. 269] // Informacionnyj portal zanjatosti Mintruda Respubliki Bashkortostan [Information Portal of Employment of the Ministry of Labor of the Republic of Bashkortostan] [Electronic resource]. — URL: http://www.bashzan.ru/images/stories/docs/post_269.pdf (date of the application: April 15, 2017).

[7] Polozhenie invalidov [The Situation of the Disabled] // Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [The Official Website of the Federal State Statistics Service] [Electronic resource]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/en/statistics/population/disabilities/# (date of the application: September 15, 2017).

[8] *Shabunova A.A., Fakhradova L.N.* Aktual'nye problemy trudoustrojstva invalidov [Actual Problems of Employment of Disabled People] // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. — 2016. — No. 6 (48). — P. 126–142.

УДК 338(091+470.57)

ГАТАУЛЛИН Венир Зинурович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры
финансов и экономического анализа
ФГОУ ВО «Уфимский государственный авиационный
технический университет»
e-mail: Venir8@mail.ru

СОСТОЯНИЕ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В 1960–1970-е ГОДЫ

Часть 1

Уровень и динамика фондоемкости в строительстве

В статье рассмотрены проблемы повышения эффективности строительства на основе изучения факторов, влияющих на ход строительства Республики Башкортостан в 1960–1970-е годы. На уровень и динамику фондоемкости в строительстве оказывают влияние многочисленные факторы не только экономического, но и социального, и политического характера. На структуру фондов, концентрацию и специализацию строительного производства, территориальное размещение строительства и др. накладывают отпечаток не только специфика строительства, но и влияние технического прогресса как одного из решающих факторов изменения фондоемкости в строительстве. В работе применены те категории (слова, название организаций, расчеты, нормативная база), которые были использованы в советской литературе.

Ключевые слова: фондоемкость, эффективность, строительно-монтажные работы, основные производственные фонды, фондооснащенность, время строительства, производственные мощности, себестоимость, продолжительность строительства.

Фондоемкость строительства является обобщенным выражением действия многочисленных факторов развития строительного производства.

В силу той роли, которая отводится этой сфере материального производства в расширенном воспроизводстве основных производственных фондов, фондоемкость строительства известным образом (сокращением объемов незавершенного строительства, приближением сроков ввода и освоения производительных мощностей и получением дополнительной продукции и прибыли за этот счет) оказывает влияние и на народнохозяйственную эффективность. При этом обе стороны этого влияния взаимосвязаны и взаимообусловлены. Например, экономия за счет снижения себестоимости строительно-монтажных работ равнозначна экономии капитальных вложений. И в том, и в другом случае экономится

общественный труд, и в том и в другом случае высвобождающиеся средства могут быть направлены для их производительного использования в других отраслях народного хозяйства (или, скорее всего, в той же отрасли).

Каковы же формы и степень этого влияния?

Оценка экономической эффективности изменения фондоемкости производства базируется на основном экономическом критерии — неуклонном росте производительности общественного труда, обеспечивающем увеличение национального дохода.

В строительстве одним из основных элементов, который формирует прирост национального дохода, является себестоимость строительно-монтажных работ.

Фондоемкость строительно-монтажных работ тесно связана с себестоимостью, поскольку темпы снижения себестоимости также, как и фондоемкость, обеспечиваются размерами

реальной экономии живого и овеществленного труда на базе технического прогресса. Снижение себестоимости, например, основанное на повышении производительности труда, означает высвобождение большого числа оборудования, машин и механизмов в результате их лучшего применения, значительного количества рабочих, но это вместе с тем означает и понижение фондоемкости строительно-монтажных работ. Другой пример — производительность и использование времени работы машин и механизмов оказывают, как известно, значительное влияние на производительность труда, амортизацию и увеличение объема производства, а в связи с этим — и на себестоимость строительно-монтажных работ. Но это также означает понижение фондоемкости производства.

В таблице 1 приведены сравнительные данные об изменении уровня и динамики фондоемкости и себестоимости строительно-монтажных работ по Уфимскому комплексу подрядных организаций (УКПО) за 1960–1970 гг.

Из данных таблицы 1 видно, что себестоимость строительно-монтажных работ заметно подвергается влиянию изменения основных производственных фондов и степени их использования. Так, если в 1960 году на фондоемкость в 15 руб. (на 100 руб. сметной стоимости строительно-монтажных работ (СМР)) приходилось 70,1 руб. затрат, то в 1964 году соответственно на 19 руб. — 71,8 руб., а в 1970 году на 24 — 81,1 рубля. При этом, если в 1966 году фондоемкость несколько понизилась, соответственно этому понизилась и себестоимость строительно-монтажных работ.

Повышение себестоимости СМР происходит, главным образом, за счет расходов по эксплуатации машин и механизмов. Эта статья себестоимости СМР (несмотря на некоторое понижение трудоемкости работ) почти полностью описывает динамику изменения фондоемкости производства (коэффициент корреляции между основными производственными фондами фондоемкостью производства и расходами

Таблица 1 — Динамика основных производственных фондов, фондоемкости и себестоимости строительно-монтажных работ по Уфимскому комплексу подрядных организаций БАССР¹

Годы	Стоимость основных производств. фондов, млн руб.	Фондоемкость, в руб. на 100 руб. СМР	Себестоимость, в руб. на 100 руб.					
			Всего	В том числе				
				материалы	зарплата	эксплуатация машин	накладные расходы	условно-постоянные расходы
1960	11,1	15	70,1	42,3	10,0	5,2	9,0	5,4
1961	12,1	16	73,1	42,6	10,4	6,0	11,2	6,7
1962	13,3	17	71,4	41,4	9,7	5,9	11,4	6,8
1964	16,6	19	71,8	40,5	9,9	7,4	11,6	7,2
1965	18,0	20	70,0	39,0	9,2	8,1	11,4	7,0
1966	18,3	19	68,7	39,0	9,2	6,6	11,2	6,7
1968	20,8	20	74,7	43,8	8,0	6,9	12,1	7,2
1970	26,0	24	81,1	45,5	9,1	9,5	13,2	7,9

¹ В процессе дальнейшего углубления исследования и, исходя из практических соображений, в качестве объектов выбраны строительные, монтажные и специализированные организации различных министерств и ведомств, непосредственно занимающиеся строительством (расширением) предприятий промышленности республики. Круг этих организаций является одним из основных звеньев промышленного строительства республики: строительно-монтажный № 21, «Строймеханизация-2» и «Башспецнефтьстрой» Главного управления по строительству в Башкирской АССР Министерства промышленного строительства СССР; «Башсантехмонтаж», «Башэлектромонтаж», «Востокнефтезаводмонтаж», «Теплоизоляция», «Центромонтажавтоматика», «Монтажхимзащита», «Волгопромвентилиация» и «Тепломонтаж» Министерства монтажных и специальных работ СССР; трест «Союзпроаолмеханизация» Министерства газовой промышленности СССР и некоторые другие. (до 1975 года). Именуется в дальнейшем для краткости как Уфимский комплекс подрядных организаций.

по эксплуатации машин и механизмов равен соответственно 98,4 и 97,4%, что свидетельствует о высокой связи между этими показателями). Примерно в аналогичной связи с основными производственными фондами и фондоемкостью производства находятся и условно-постоянные расходы.

Приведенные в таблице данные показывают, что повышение себестоимости работ по УКПО в рассматриваемые годы вызывалось с одной стороны, увеличением основных производственных фондов, с другой — низким уровнем их использования, иначе говоря, повышением фондоемкости СМР.

Себестоимость СМР, тесно связанная с притоком основных производственных фондов и уровнем их использования, выступает основой экономической эффективности изменения фондоемкости в строительстве, поскольку, например, при лучшем использовании фондов, наряду с экономией овеществленного в них труда, происходит и снижение затрат живого труда, то есть в каждой единице продукции уменьшается величина общественного труда.

Вместе с тем изменение фондоемкости производства сопровождается не только изменением себестоимости СМР, но и предполагает экономию (потери) на капитальных затратах и тем самым уменьшает (или увеличивает) потребности строительства в дополнительных средствах.

Исходя из сказанного, величина эффекта от изменения фондоемкости СМР может быть найдена по форме, аналогичной определению экономической эффективности капитальных вложений, т. е.

$$\mathcal{E} = (C_6 - C_0) + Eh(\Phi_6 - \Phi_0), \quad (1)$$

где C_6 — себестоимость СМР при базовом периоде;

C_0 — себестоимость СМР в отчетном периоде;

Φ_6 — основные производственные фонды при базовом периоде;

Φ_0 — основные производственные фонды в отчетном периоде;

Eh — нормативный коэффициент эффективности для данной отрасли.

При этом любое из слагаемых формулы может входить в нее со знаком минус. Это зави-

сит от сравнительной величины показателей C и Φ для базового и отчетного периода.

Приведенная формула аналитически подобна формуле определения величины экономической эффективности капитальных вложений, но по содержанию она существенно отличается от последней.

Дело в том, что не все статьи себестоимости СМР в одинаковой мере зависят от изменения фондоемкости. Поэтому при расчете разности $(C_6 - C_0)$ необходимо на основе факторного анализа себестоимости, вводить поправочный коэффициент зависимости себестоимости от фондоемкости СМР (связь предполагается пропорциональная). В этом случае формула (1) после соответствующих преобразований примет вид:

$$\mathcal{E}' = \frac{K C_0 (f_6 - f_0)}{f_0} + Eh(\Phi_6 - \Phi_0), \quad (2)$$

где K — поправочный коэффициент зависимости себестоимости от фондоемкости СМР.

Возможен и несколько иной подход к определению экономической эффективности от изменения фондоемкости. Поскольку в формуле (1) нас интересует, в конечном счете, не абсолютные значения себестоимости, а разности $(C_6 - C_0)$, расчет возможно вести по тем статьям, которые непосредственно зависят от изменения фондоемкости, не затрагивая статей, особо не претерпевающих изменений.

Полная величина разности $(C_6 - C_0)$ в этом случае определяется алгебраической суммой по отдельным статьям себестоимости. Например, если исходить из предположения, что все расходы по эксплуатации машин и механизмов находятся в пропорциональной зависимости от изменения фондоемкости СМР, можно записать в виде:

$$\mathcal{E}'' = \frac{A (f_6 - f_0)}{f_0} + Eh(\Phi_6 - \Phi_0), \quad (3)$$

где A — расходы по эксплуатации машин и механизмов.

В таблице 2 даны результаты расчетов экономической эффективности (потерь) от изменения фондоемкости производства по УКПО.

Из данных таблицы 2 видны те огромные потери, которые несет строительство от повышения фондоемкости производства. Так,

Таблица 2 — Экономическая эффективность изменения фондоемкости строительно-монтажных работ по Уфимскому комплексу подрядных организаций

	Потери + экономия, в тыс. руб.				
	1961 г.	1962 г.	1965 г.	1966 г.	1970 г.
По себестоимости СМР и основным производственным фондам:					
к 1960 году	-1775	-4222	-9325	-8665	-18327
то же, на 100 руб. СМР	-2,3	-5,4	-10,3	-9,0	-16,5
к 1961 году	-	-2614	-7749	-6967	-16461
то же, на 100 руб. СМР	-	-3,3	-8,6	-7,3	-14,9
<i>В том числе:</i>					
По основным производственным фондам:					
к 1960 году	-163,0	-369,1	-1160,9	-1160,8	-1641,7
то же, на 100 руб. СМР	-0,2	-0,4	-1,2	-1,2	-1,4
к 1961 году	-	-206,0	-997,7	-997,7	-1478,7
то же, на 100 руб. СМР	-	-0,2	-1,1	-1,0	-1,3
По условно постоянным расходам:					
к 1960 году	-326,9	-792,8	-1707,2	-1604,9	-3048,0
к 1961 году	-	-495,5	-1411,7	-1276,6	-2736,2
По расходам на эксплуатацию машин и механизмов:					
к 1960 году	-260,8	-632,1	-1901,6	-1439,6	-3930,2
к 1961 году	-	-395,0	-1572,5	-1145,7	-3528,2

если в 1961 году потери от повышения фондоемкости производства составили 2,3 руб. на 100 руб. сметной стоимости, то в 1970 году — 16,5 рублей. При этом, подавляющая часть этих потерь (более 90%) была обусловлена повышением себестоимости строительно-монтажных работ.

К. Маркс указывал, что «к экономии времени сводится в конечном счете вся экономия... экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства» [1]. Это означает, что всякое повышение производительности труда, индивидуального или общественного, в конечном счете означает экономию рабочего времени, которая может быть направлена или на увеличение свободного времени, или на увеличение производства материальных благ.

В наибольшей мере, как показал анализ, это относится к строительству. Сроки строительства и ввода в действие производственных

мощностей во многом зависят от технической оснащенности строительства, структуры фондов строительных организаций и уровня их использования. Основное влияние фондоемкости строительства на народнохозяйственную эффективность в процессе расширенного воспроизводства основных фондов проявляется именно через этот фактор производства.

Обычно вопросы сокращения продолжительности строительства рассматриваются применительно к отдельным предприятиям и строящимся объектам, а не строительной организации (или их комплексу). Между тем практика показывает, что ускоренное строительство отдельных пусков или заделов строений, как правило, осуществляется в ущерб нормальному строительству других предприятий и объектов, сооружаемых той же самой или смежными строительными организациями. При стабильной мощности и потенциальных возможностях строительных организаций к выполнению определенного объема работ в течение года, сокращение цикла строитель-

ства одного из включенных в план пусковых объектов может быть обеспечено за счет: мобилизации внутренних ресурсов; лучшего использования машин и механизмов; улучшения организации строительного производства (перераспределения ресурсов, имеющихся в распоряжении данной организации, и концентрации их на пусковом объекте); получения дополнительных ресурсов (от других организаций, из резерва и т. д.).

Превышение же средней фактической продолжительности по сравнению с нормами, как это будет показано далее, составляет от 20 до 200% и более. Несомненно, что такой разрыв в сроках строительства не может быть сокращен ни за счет внутренних резервов, ни за счет перераспределения наличных ресурсов, а требует комплексного рассмотрения показателей деятельности строительных организаций во взаимосвязи со средней продолжительностью строительства по всему набору строек, включенных в титульные списки капитального строительства. Такой подход позволяет наиболее реально и полно рассчитывать тот эффект (или потери), который дает сокращение (удлинение) средней продолжительности строительства по всему набору строящихся предприятий и объектов. Именно расчеты средней продолжительности строительства, когда объектом исследования является не одна-две стройки, а весь основной набор строек, включенных в титульные списки капитального строительства, представляет большой научный и практический интерес.

Усредненными показателями, характеризующими продолжительность строительства, могут быть: продолжительность строительства предприятий, сооружений и объектов; продолжительность создания единицы мощности (однородных объектов); срок, затрачиваемый для осуществления одного млн (тыс.) руб. СМР. Соответственно этому и методы усреднения этих показателей могут быть различными (метод «взвешивания» сроков строительства по разнице в мощностях в монопродуктовых отраслях; метод, основанный на возможности группировать стройки с примерно одинаковыми сроками строительства и последующим «взвешиванием» продолжительности строительства каждого из групп по их удельным весам в общей стоимости всего набора объектов и т. д.).

Не ставя себе задачу критического разбора этих методов, полагаем, что наиболее приемлемым при определении средних сроков строительства (в современных условиях организации строительного производства) может быть метод «взвешивания» по сметной стоимости строительства.

Во-первых, этот метод обеспечивает сопоставимость, поскольку сметная стоимость всех строек и объектов прямо соизмерима. Во-вторых, этот метод удовлетворяет требованию соответствия величине стройки. Как правило, чем выше мощность, тем более сметная стоимость, что позволяет сравнивать (с известными, но доступными отклонениями) различные наборы строек. В-третьих, этот метод обеспечивает реальность, поскольку дает фактическое представление о степени задолженности капитальных вложений и соизмерим с объемом незавершенного строительства.

Математически расчет средней продолжительности строительства можно представить в виде:

$$T_{\text{ср.}} = \sum_{i=1}^{i=n} \frac{S_i t_i}{S_{\text{об.}}} = \frac{S_1 t_1 + S_2 t_2 + \dots + S_n t_n}{S_1 + S_2 + \dots + S_n}, \quad (4)$$

где S_i — сметная стоимость каждого объекта;

1, 2, 3, ... n — порядковые номера всех объектов;

$t_1, t_2, t_3, \dots, t_n$ — продолжительность строительства каждого объекта.

При этом началом строительства предприятия или объекта можно принять первый документ материальных затрат на площадке строительства, будь то временные сооружения подготовительного периода по новому строительству или начало строительства основных сооружений на действующем производстве при расширении или реконструкции его.

Для выявления экономической оценки ускорения или замедления строительства необходимо также решить, какую продолжительность нужно положить в основу сравнений. Конечно, в качестве сравнения фактической продолжительности какого-то отчетного (или планового) периода можно взять фактическую продолжительность строительства базисного года. Такое сравнение важно и необходимо при условии обеспечения сопоставимости показателей. В строительстве, как известно, реализуется

значительная часть фонда накопления и создается наиболее ценная часть национального богатства стран. Как и всякая стоимость, стоимость законченного строительством объекта (завода, электростанции, фабрики и т. д.) определяется общественно-необходимыми рабочим временем, которое и должно быть положено в основу сравнений. Представляется, что нормы продолжительности строительства, утвержденные Госстроем СССР (СН и ПАЗ-66) достаточно полно учитывали достигнутый уровень технического прогресса и могли служить надежной основой для сравнения с фактической продолжительностью строительства.

В таблице 3 приведены результаты расчетов средней продолжительности строительства по УКПО, занимающихся строительством нефтехимических предприятий Башкирии за 1960–1970 гг.

Из данных таблицы 3 видно, что средняя продолжительность строительства введенных в 1960–1970 гг. объектов по УКПО колеблется по годам в пределах 2–4 лет, против 1–2 лет по норме, т. е. фактические сроки строительства в среднем в 2 раза превышают нормативные. Причем в отдельные годы это превышение доходит более чем в 4 раза. Так, по объектам, вве-

денным в эксплуатацию в 1968 году, средняя фактическая продолжительность строительства превысила нормативную в 4,6 раза.

Не лучше обстояли дела с продолжительностью строительства производственных объектов и в целом по стране. Проведенный Стройбанком СССР в 1968 году анализ показал [3], что фактический средний срок завершения начатых строительством объектов производственного назначения в целом по народному хозяйству составлял более 5,3 лет, тогда как средневзвешенная нормативная продолжительность достигала примерно 3 лет. Так, продолжительность строительства нефтеперерабатывающего завода мощностью 8900 тыс. т первичной переработки нефти составил 185 мес. при норме 77 мес.; шахты мощностью 8400 тыс. т угля в год соответственно 810 и 393 мес.; доменной печи 1200 тыс. т чугуна в год — 33 и 13 месяцев. Сопоставление продолжительности создания единицы мощности в СССР и передовых зарубежных странах показывает, что средняя продолжительность строительства многих важнейших промышленных предприятий, комплексов и объектов в СССР в 1960–1970-е гг. была примерно в 2 раза выше, чем в США и Японии¹.

Таблица 3 — Сравнительные данные о средней нормативной и фактической продолжительности строительства по Уфимскому комплексу подрядных организаций

Годы	Количество введенных объектов	Сметная стоимость введенных объектов, тыс. руб.	Средняя продолжительность строительства (лет)		
			по норме	фактически	отклонения + превыш. – сокращ.
1960	3	6319	1,33	3,94	+2,61
1961	5	4913	1,00	2,15	+1,15
1962	2	5242	1,42	3,08	+1,66
1963	4	10 384	1,54	3,30	+1,76
1964	10	16 312	1,75	3,11	+1,56
1965	5	21617	1,91	2,40	+0,49
1966	7	8358	0,99	4,42	+3,43
1967	4	32 646	1,95	2,42	+0,47
1968	5	6888	1,06	4,92	+3,86
1969	8	11 732	1,58	3,77	+2,19
1970	7	26 614	1,90	3,63	+1,73

¹ Данные позаимствованы из отчета «ЦЦНИЛОЭС» 1969 г. по теме 69-805 «Показатели сроков строительства и их динамика по строительным организациям».

Вместе с тем в деле скоростного строительства многих важнейших промышленных предприятий, комплексов и объектов имелись и определенные успехи. Многие крупнейшие предприятия и сооружения в СССР были построены в рекордно сжатые сроки (Братская ГЭС, доменная печь № 5 на металлургическом заводе имени Петровского, Ченменский цементный завод и многие др. объекты). Так, на Ново-Липецком заводе азотных удобрений объекты для производства аммиака сооружались 24 мес. (при норме 30); на Щекинском химическом комбинате цеха по производству карбамида — 26 мес. (при норме 30).

На Уфимском заводе синтетического спирта при строительстве комплекса по производству объем СМР в сумме 6 млн руб. был освоен всего за 90 календарных дней. За это время на заводе было возведено производственных зданий общим объемом в 52 тыс. м², уложено более 6 тыс. м³ бетонных и железобетонных конструкций, сооружено 1500 т металлоконструкций, вмонтировано 100 тыс. п/м технологических трубопроводов, установлено 232 ед. крупного

технологического и насосного компрессорного оборудования, 11 тыс. ед. промышленной арматуры 11 600 ед. электрического оборудования и приборов автоматики и уложено более 300 км кабельных изделий. По сравнению с нормативными сроками строительства аналогичных производств, время строительства было сокращено в 5 раз, а по основным объектам — в 12 раз.

Фактические средние сроки строительства по УКПО, хотя и с большими колебаниями по годам, имеют заметную тенденцию к сокращению и были приближены к нормативным срокам строительства. Так, если по объектам, введенным в эксплуатацию в 1960 году средняя фактическая продолжительность строительства составила 3,9 года или почти в 3 раза превышала нормативные сроки, то в 1970 году она составила 3,63 года или 1,9 раза выше нормы. Если же принять во внимание те ежегодные изменения состава и структуры вводимых в эти годы объектов¹, то сокращение фактической продолжительности строительства объектов более заметно, о чем свидетельствуют следующие данные:

	Годы							
	1961	1962	1964	1965	1967	1968	1969	1970
Отклонения факт. средн. сроков строительства (к 1960 г., лет)	-1,79	-0,86	-0,83	-1,54	-1,52	+0,98	-0,17	-0,31
То же с учетом измен. состава и стр. вводимых объектов	-1,46	-0,95	-1,25	-2,12	-2,14	+1,25	-0,42	-0,88

На продолжительность инвестиционного цикла в строительстве влияют много факторов, которые можно условно разделить на три группы:

1) общие (инвестиционные) факторы, имеющие народнохозяйственное значение. В их числе возможные масштабы и темпы роста капитальных вложений, сбалансированность и основные пропорции (отраслевые и районные) планы капитальных вложений, а также уровень материально-технического обеспечения строительства;

2) отраслевые факторы, специфические в каждой отрасли промышленности и народного хозяйства. В их числе размеры, состав и структура строящихся предприятий и сооружений, степень подготовленности намечаемой программы (проектно-сметная документация, отвод площадок, поставки оборудования, состояния финансирования и т. д.);

3) строительные факторы, связанные с успешной реализацией разработанных планов строительными организациями. В их числе мощности строительных организаций, уровень

¹ Можно считать, что изменения средней нормативной продолжительности строительства по годам достаточно полно характеризуют изменения фактической продолжительности строительства за счет изменения состава и структуры вводимых объектов.

фондоёмкости и механовооруженности труда (и работ), обеспеченность квалифицированными кадрами, уровень организации строительного производства и т. п.

Все факторы, влияющие на продолжительность строительства, тесно связаны между собой и взаимообусловлены. Вместе с тем такое деление факторов необходимо, поскольку позволяет хотя бы в общих чертах оценить влияние каждого из них на сроки строительства.

Несмотря на положительные сдвиги по формированию планов развития народного хозяйства в разрабатываемых пятилетках и годовых планах, устанавливаемые нормы продолжительности строительства не выдерживались и капитальные вложения, выделяемые на первые годы строительства, не соответствовали нормативным не только по переходящим, но и по вновь начинаемым стройкам. Анализ титульных списков вновь начинаемых строек производственного назначения сметной стоимостью в 25 млн руб. и выше, включенных в план развития народного хозяйства СССР на 1968–1969 гг. показал, что значительные отступления от утвержденных норм продолжительности уже в первые годы строительства были вызваны недостаточностью выделяемых капитальных вложений. Так, по 231 крупной вновь начинаемой стройке в соответствии с нормами продолжительности строительства на первый год строительства требовалось выделить капитальных вложений в сумме 906 млн руб., в том числе 700 млн руб. на СМР. Фактически по титульным спискам этих строек, утвержденным на весь период строительства, на первый год были выделены капиталовложения в размере 345 млн руб. из них лишь 277 млн руб. на

СМР. Таким образом, нормативы в первый год строительства были выдержаны в плане лишь на 38–40%, а из общего количества строек только по III- капиталовложения соответствовали требованиям, предъявляемым нормам (48% общего числа). По остальным 120 стройкам было предусмотрено лишь 25% от капитальных вложений, требуемых по норме (180 млн руб. вместо 715 млн руб.).

Например, если по Уфимской группе нефтезаводов принять за 100% потребность средств (по обсчету) на запланированные к вводу в 1965–1970 гг. мощности, объекты общезаводского хозяйства и нормативный задел, то в 1965 году было выделено 82% потребных средств, в 1966 г. — 75,2%, в 1967 г. — 70% и в 1970 г. — 74,1%. Это предопределило значительные отклонения конечных сроков ввода в эксплуатацию большинства объектов.

Своеобразно влияние на продолжительность строительства материально-технического обеспечения (МТО). На первый взгляд, представляется, что МТО оказывает влияние на объем выполняемых работ, а уже через нее — и на продолжительность строительства. В действительности этот фактор оказывает и прямое непосредственное влияние на ход работ по пусковым объектам (особенно лежащем на критическом пути), прямо задерживая ввод объектов в эксплуатацию.

Интересные выводы можно сделать из проведенных сопоставлений по уровню МТО и выполнения СМР по основным заказчикам УКПО (табл. 4).

Из данных таблицы 4 видно, что уровень МТО строительства в рассматриваемые годы не превышал 74–84% потребности, что, естественно, сказалось на выполнении СМР. Не-

Таблица 4 — Уровень материально-технического обеспечения и выполнения строительно-монтажных работ по основным заказчикам Уфимского комплекса подрядных организаций за 1967–1969 годы

Годы	% удовлетв. потребности	В том числе						Выполнена СМР %	
		Металло-прокат	Сбор ж/бетон. изд.	Бетон	Кирпич	Раствор	Пиломатериалы	к общему плану по заказ.	к плану по пуск. устан.
1967	82,2	68,2	99,9	74,6	91,5	91,5	87,9	114,1	92,1
1968	73,6	89,4	72,3	73,8	69,1	85,3	41,4	86,6	83,0
1969	84,6	93,1	86,8	98,9	69,6	84,5	56,2	95,0	95,0

удовлетворительное МТО строительства в первую очередь отразилось на выполнении работ и сроках строительства по пусковым объектам, поскольку, как правило, фондовые материалы, прежде всего, направляются на пусковые объекты. Так, в 1967 году потребность в ресурсах была обеспечена на 82,2 %, общий объем работ по заказчиком был выполнен на 114,1 %, а по пусковым установкам — только на 92,1 %. При этом фактические средние сроки строительства в этот период превысили нормативные сроки на 0,47 % года. В 1968 году МТО строек резко ухудшилось (73,6 % от потребности), что отразилось на выполнении плана СМР (36,8 %), а разрыв между средними фактическими и нормативными сроками строительства составил 3,86 года. В 1969 году уровень МТО несколько повысился и составил 84,6 %, соответственно этому план СМР был выполнен на 95 %, а разрыв между фактическими и нормативными сроками строительства составил 2,19 года.

Значительное влияние на соблюдение нормативной продолжительности строительства оказывает подготовленность отраслей к реализации намечаемой программы (своевременная подготовка качественной проектно-сметной документации, своевременное размещение заказов на оборудование, отвод площадок под строительство и т. д.).

Порядок разработки и выдачи на стройку технической документации, определенной инструкцией СН-202-69, не отвечал требованиям соблюдения нормативных сроков строительства. На строительство поступала техническая документация на отдельные объекты основного производственного назначения и внешние коммуникации, привязанные к местным условиям. В таком же виде выдавались и сметы. По выданной таким образом документации можно было одновременно приступить к строительству многих объектов основного и подсобно-вспомогательного назначения. Такой порядок выдачи документации не давал возможности вести работы на небольшом количестве объектов и в строгой технологической последовательности, что, безусловно, обеспечило бы концентрацию ресурсов на пусковых объектах, сокра-

щение сроков их строительства, и, естественно, обеспечило бы своевременный выпуск продукции, предусмотренной проектом. Это положение усугублялось еще и тем, что рабочие чертежи выдавались, в соответствии с действующей инструкцией, только на объем работ предстоящего года.

Если продолжительность строительства составляла 15–18 мес. и в первый год планировалось освоить 30–40 % сметной стоимости, то рабочие чертежи выдавались только на эту величину. Без полного же комплекта рабочих чертежей планировать и вести работы в строгой технологической последовательности, практически, невозможно. Вместе с тем действующий порядок разработки технической документации и некомплектность выдачи ее на стройку, как правило, сдерживали возможности широкой индустриализации и механизации наиболее трудоемких видов строительных работ, особенно в начальный период строительства. Это обстоятельство намного удлиняло сроки производства работ, особенно по «нулевому циклу» (сооружение фундаментов, подземных коммуникаций и т. д.), и сдерживало вовлечение в сферу производства монтажных и специализированных организаций.

Вместе с тем, как бы удачно не был разработан отраслевой план капитальных вложений и титульные списки переходящих и вновь начинаемых строек, и как бы успешно не были разрешены другие организационные вопросы, осуществление плана капитального строительства в установленные сроки (или досрочно) может быть обеспечено только при условии, что указанная программа также удачно «впишется» в технико-экономические показатели строительных организаций, поскольку уровень организации строительного производства и техническая оснащенность оказывают существенное воздействие на сроки строительства.

Все это обуславливает необходимость комплексного рассмотрения сроков и объемов незавершенного строительства во взаимосвязи с такими показателями эффективности строительного производства, как производительность труда, фондоемкость и себестоимость строительного-монтажных работ.

Литература

- [1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса: В 13 т. — Т. IV. — М.: Партиздат, 1935. — С. 119.
- [2] Гатауллин В.З. Сущность и методы оценки экономической эффективности общественного производства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2017. — № 1 (34). — С. 63–72.
- [3] Подживаленко П. Повышать эффективность капитальных вложений // Экономика строительства. — 1968. — № 3. — С. 3–12.

GATAULLIN Venir Zinurovich,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
at the Department of Finance and Economic Analysis
Ufa State Aviation Technical University
e-mail: Venir8@mail.ru*

**CONDITION OF THE CONSTRUCTION COMPLEX
OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN
IN 1960–1970s YEARS**

Part 1

Level and dynamics of capital intensity in construction

The article considers the problems of increasing the efficiency of construction on the basis of studying the factors affecting the course of construction of the Republic of Bashkortostan before the collapse of the USSR. The level and dynamics of capital intensity in construction are influenced by numerous factors, not only economic, but also social and political. The structure of funds, the concentration and specialization of construction production, the territorial location of construction, etc. imposes not only the specifics of construction, but also the influence of technical progress as one of the decisive factors in the change in capital intensity in construction. In the work, those categories (words, name of organizations, calculations, regulatory framework) that were used in Soviet literature were applied.

Key words: *capital intensity, efficiency, construction and installation works, basic production assets, capital equipment, construction time, production.*

References

- [1] Arhiv K. Marksa, F. Engel'sa: V 13 t. [Archives of K. Marx and F. Engels: In 13th vol]. — Vol. 4. — Moscow: Partizdat, 1935. — P. 119.
- [2] Gataullin V.Z. Sushhnost' i metody ocenki ekonomicheskoy effektivnosti obshhestvennogo proizvodstva [Essence and Methods for Assessing the Economic Efficiency of Social Production] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2017. — No. 1 (34). — Pp. 63–72.
- [3] Podzhivalenko P. Povyshat' effektivnost' kapital'nyh vlozhenij [Increase the Efficiency of Capital Investments] // Ekonomika stroitel'stva [Economics of construction]. — 1968. — No. 3. — Pp. 3–12.

УДК 338(091+470.57)

ГАТАУЛЛИН Венир Зинурович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
финансов и экономического анализа
ФГОУ ВО «Уфимский государственный авиационный
технический университет»
e-mail: Venir8@mail.ru

СОСТОЯНИЕ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В 1960–1970-е ГОДЫ

Часть 2

Проблемы сокращения длительности процесса строительства

Капитальному строительству, призванному эффективно и в короткие сроки выполнять комплексные программы развития производительных сил, принадлежит исключительно важная роль в повышении эффективности общественного производства, поэтому вопросам организации капитального строительства, повышения его технического уровня и сокращению длительности процесса строительства уделяется большое внимание. В статье затронута проблема общепринятого подхода к оплате за законченную строительную продукцию. Сокращение сроков строительства против нормативного, по мнению автора, должно компенсироваться выплатой строителям дополнительных ассигнований (наценки за выполнение работы), пропорционально фактическому сокращению сроков строительства по сравнению с нормами, и наоборот, удлинение сроков строительства по сравнению с нормами должно приводить к потерям строительных организаций за счет недополучения части сметной стоимости, пропорционально затягиванию сроков ввода объектов в эксплуатацию.

Ключевые слова: фондоемкость, эффективность, строительно-монтажные работы, основные производственные фонды, фондооснащенность, время строительства, производственные мощности, себестоимость, продолжительность строительства.

Длительность процесса строительства, также как и фондоемкость производства, неразрывно связана с себестоимостью строительномонтажных работ (СМР).

По вопросу зависимости «время — стоимость» общего единого мнения пока нет. Отдельные экономисты считают, что сокращение продолжительности строительства обычно достигается ценой дополнительных затрат [8]. Другие пытаются обосновать, что уменьшение продолжительности строительства объектов снижает издержки производства и предлагают сокращать сроки строительства вплоть до технически допустимого предела [5]. Третьи полагают, что снижение себестоимости объекта вместе с сокращением продолжительности его строительства происходит только до

определенного предела (оптимума), после которого сокращение продолжительности строительства влечет за собой увеличение себестоимости работ [2].

Решению этой проблемы уделялось большое внимание не только в нашей стране, но и в других странах социалистического лагеря (Народной Республике Болгария, Польской Народной Республике, Югославии и др.).

Интересные расчеты по зависимости «время — стоимость» выполнены в Чехословакии в 1967 году (табл. 1).

Из данных таблицы 1 следует, что:

а) оптимальный для строительных организаций по уровню издержек срок не совпадает с нормативным, то есть соблюдение нормативных сроков приводит к некоторому (до 7,3%)

Таблица 1 — Изменение себестоимости СМР при различных сроках продолжительности строительства в ЧССР (в %) [9]

Наименование затрат	Варианты сроков строительства				
	нормативный срок	сокращенный срок	оптимальный срок	минимальный срок	пессимистич. срок
Основные материалы	38,6	38,6	38,5	39,0	40,0
Основная зарплата	17,4	16,9	16,7	17,4	19,0
Содержание механизмов	6,6	4,6	4,2	6,6	7,6
Прочие прямые издержки	5,3	5,3	5,3	5,7	5,7
Всего прямых издержек	67,9	65,4	64,7	68,7	72,3
Накладные расходы	32,1	29,3	28,0	40,0	40,0
Полные прямые издержки (%)	100,0	94,7	92,7	108,7	112,3

повышению себестоимости СМР, по сравнению с оптимальным вариантом;

б) сокращение сроков продолжительности строительства до минимальных сроков приводит к значительному, на 8,7 % по сравнению с уровнем достигнутых при нормативных сроках, и на 16 % по сравнению с оптимальным сроком, росту себестоимости СМР, главным образом за счет накладных расходов;

в) необоснованные же растягивания продолжительности строительства повышают себестоимость СМР на 12,3 % по сравнению с уровнем, достигнутым при соблюдении нормативных сроков.

Интересные данные по зависимости «время — стоимость» были получены при разработке технологических вариантов строительства установки Л-24/300 в комплексе на одном из нефтеперерабатывающих заводов Башкирии (табл. 2).

Из данных таблицы видно, что оптимальному варианту продолжительности строительства комплекса в 187 дней (1-й вариант) соответствует минимальная себестоимость СМР 231,5 тыс. рублей. Сокращение продолжительности строительства, равно как и удлинение его за пределы оптимального срока, ведет к увеличению затрат и повышению стоимости строительства (1 % удлинения сроков строительства удорожает себестоимость СМР примерно на 0,10–0,12 %).

При этом необходимо иметь в виду, что сокращение продолжительности строительства ниже оптимального, кроме всего прочего, ограничивается конкретными организационно-техническими условиями строительства (расположение объектов, объем и фронт работ, наличие механизмов и возможность их одновременной работы с соблюдением техники безопасности и др.).

Таблица 2 — Зависимость себестоимости от различных вариантов продолжительности строительства производственного комплекса по гидроочистке сырья на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе имени XXII съезда КПСС

	Вариант			
	1 (оптим.) ¹	2	3	4
Продолжительность строительства, дней ²	187	167	200	239
Себестоимость СМР, тыс. руб. ³	231,5	233,3	232,9	239,4

¹ Оптимальным сроком строительства принять срок, при котором величина сокращения накладных расходов равна величине затрат по эксплуатации машин и механизмов. При этом все работы, лежащие на критическом пути, ведутся в две смены.

² Продолжительность строительства определялась длиной критического пути строительства комплекса.

³ Себестоимость включает прямые затраты и накладные расходы.

Таким образом, длительность процесса строительства тесно связана с себестоимостью СМР. Удлинение сроков строительства (за пределы как оптимального, так и нормативного) ведет к повышению себестоимости и удорожанию стоимости строительства.

Вместе с тем сокращение продолжительности строительства неразрывно связано с фондами строительных организаций, их структурой и использованием, то есть с фондоемкостью СМР.

Сравним эти показатели со средними фактическими сроками освоения СМР (табл. 3).

Данные таблицы 3 указывают на то, что степень освоения СМР по Уфимскому комплексу подрядных организаций (УКПО) (при прочих равных условиях) определяется, главным образом, уровнем и темпами роста фондовооруженности и производительности труда. Как правило, наиболее высокому уровню и темпам роста этих показателей соответствуют более короткие сроки освоения СМР по вводимым объектам. Так, если в 1961 году при росте фондовооруженности и производительности труда против 1960 года соответственно на 8,2 и 2,0%, средний фактический срок освоения СМР был сокращен на 27,3%, то уже в 1965 году при росте фондовооруженности и производительности труда — на 57,9 и 17,1%, средний срок освоения СМР был сокращен на 68,2%, а в 1970 году при росте фондовооруженности почти в 2,3 раза и производительности труда на 42%, средний

фактический срок освоения был сокращен против 1960 года на 77,5%.

Между тем разрыв между фактическими и нормативными сроками освоения СМР сохраняется еще большим, что в наибольшей мере объясняется сравнительно низким уровнем и темпами роста производительности труда. Фондовооруженность же труда в строительных организациях хотя и растет из года в год превышающими темпами над производительностью труда, уровень ее все еще остается низким, а доля ручного труда в строительстве сохраняется высокой.

Именно в этой связи в НИИЭС Госстрой СССР были разработаны перспективные отраслевые показатели основных производственных фондов строительства на 1970–1975 гг., которыми предусматривалось увеличение удельных показателей основных производственных фондов к 1975 году на 9,5% (с 42 до 46 коп. на 1 руб. стоимости СМР).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что длительность процесса строительства, также как и фондоемкость строительного производства, тесно связана с себестоимостью СМР. Именно в этой связи основой определения экономического эффекта от сокращения (удлинения) сроков строительства в сфере «строительство», также как и эффекта от понижения (повышения) фондоемкости производства, выступают приведенные затраты [1].

Таблица 3 — Сравнительные данные об уровне и динамике фондоемкости производства, фондовооруженности, производительности труда и средних сроков освоения СМР по Уфимскому комплексу подрядных организаций

Наименование показателей	Годы				
	1960	1961	1965	1966	1970
Фондовооруженность труда, руб./чел.	1131	1224	1786	1866	2556
То же, в %	100,0	108,2	157,9	165,0	226,0
Производительность труда, руб./чел.	7637	7788	8942	9712	10847
То же, в %	100,0	102,0	117,1	127,2	142,0
Фондоемкость работ в руб. на 100 руб. СМР	15	16	20	19	24
То же, в %	100,0	106,7	133,3	126,7	160,0
Средний срок освоения 1000 руб. СМР по введенным объектам по норме, дн.	0,008	0,007	0,004	0,004	0,003
То же, в %	100,0	87,5	50,0	50,0	37,5
Фактически, дней	0,022	0,016	0,007	0,019	0,005
То же, в %	100,0	72,7	31,8	86,4	22,7

В том, что длительные периоды строительства тормозят развитие отраслей промышленности, нет сомнения. Ясно и то, что сокращение продолжительности строительства, как и уменьшение капиталоемкости единицы производственной мощности ведет к ускорению развития отраслей промышленности. Но основное воздействие, которое оказывает сокращение продолжительности строительства на народнохозяйственную эффективность проявляется через уменьшение объема средств, отвлекаемых в форме незавершенного строительства и вовлечения в материальный баланс дополнительных ресурсов за счет досрочного ввода в действие производственных мощностей. Естественно, что растянутые сроки строительства приводят к обратным результатам.

Используя данные о нормативных сроках строительства (СН и П М-А3-66) и фактических капитальных вложений по годам можно рассчитать величину дополнительного национального дохода от сокращения нормативного срока строительства или потерь народного хозяйства от замораживания капитальных вложений в связи с затягиванием сроков строительства отдельных объектов.

В качестве примера рассмотрим срок строительства и рассчитаем величину недополученного национального дохода в связи с затягиванием срока строительства производства водорода на одном из нефтеперерабатывающих заводов Башкирии. Сметная стоимость строительства установки — 1950 тыс. руб., в том

числе СМР — 867 тыс. руб. Нормативный срок строительства установки для района Башкирии — 16 мес., фактически установка строилась 42 месяца. Освоение средств по годам, период их замораживания и величина недополученного национального дохода приведены в таблице 4.

Величина в 361,5 тыс. руб. и будет реальной величиной народнохозяйственных потерь в связи с затягиванием срока строительства.

Однако наибольший интерес представляет не отдельная установка и даже не группа объектов, поскольку по ним еще нельзя судить об эффективности строительства всего набора строек, включенных в титульные списки капитального строительства. Именно комплексный подход к оценке эффективности продолжительности строительства по всему основному набору строек, включенных в титульные списки капитального строительства, позволяет увязать эффект или потери от продолжительности строительства с деятельностью строительных, монтажных и специализированных организаций (или других участников строительного процесса) [4]. Поэтому, наряду с расчетами по отдельным установкам или объектам, расчеты эффективности продолжительности строительства необходимо вести по всему набору строек, включенных в титульные списки капитального строительства. В качестве сроков строительства при этом необходимо использовать усредненные показатели продолжительности строительства, преимущество среди которых

Таблица 4 — Расчет величины народнохозяйственных потерь в связи с замораживанием капитальных вложений при строительстве производства водорода

Срок вложения	Основные средства, тыс. руб.		Период замораживания, лет		Величина недополученного национального дохода в связи с замораживанием, тыс. руб.	
	всего	в т. ч. СМР	всего	в т. ч. СМР	всего	в т. ч. СМР
Вложения в пределах нормативного срока строительства (март 1965 г. — июнь 1966 г.)	230,0	119,0	2,17	2,17	99,8	51,6
Вложения за пределами нормативного срока строительства:						
а) июль — декабрь 1966 года	138,0	27,0	2,0	2,0	55,2	10,8
б) январь — декабрь 1967 года	439,0	233,0	1,5	1,05	92,2	489
в) январь — август 1968 года	1143,0	488,0	0,5	0,5	114,3	48,8
Итого:	1950,0	867,0	—	—	361,5	160,1

мы отдаем средневзвешенным (по сметной стоимости) срокам строительства.

Для примера расчета потерь национального дохода от затягивания сроков строительства возьмем данные за 1970 год по Уфимской группе нефтехимзаводов, строительством и расширением которых занимался УКПО (генподрядчик — строительно-монтажный трест № 21). Сметная стоимость всего основного набора строек производственного назначения, включенных в титульные списки капитального строительства комплекса, составила 55 326 тыс. руб., из них СМР — 26 614 тыс. руб. Средневзвешенный фактический срок строительства этих объектов составил 3,68 года (по строительной части — 3,63 года) при среднем нормативном, применительно к району Башкирии, 2,01 года (по строительной части 1,9 года).

Рассмотрим, как в течение нормативного периода и за его пределами осваивались капитальные вложения и СМР (табл. 5).

Используя данные о средних сроках продолжительности строительства всего набора строек, включенных в титульные списки капитального строительства и фактических капитальных вложениях по годам, мы можем рассчитывать общую величину дополнительного национального дохода от сокращения нормативного срока строительства или потерь народного хозяйства от замораживания капитальных вложений в связи с затягиванием сроков строительства.

По УКПО, как было показано ранее, средние фактические сроки строительства нефтехимических предприятий почти в 2–2,5 раза превышали нормативные сроки, что, естественно, вызвало огромные народнохозяйственные потери, исчисляемые десятками миллионов рублей национального дохода.

Подсчитано, что при строительстве, расширении и реконструкции нефтехимических предприятий Башкирии (Уфимский комплекс) потери от затягивания и несоблюдения нормативных сроков строительства определились в 48,9 млн руб. или 18,7 % к общей сметной стоимости объектов, введенных в те годы в эксплуатацию (по строительной части, соответственно, 28,2 млн руб. или 18,8 %). При этом по степени освоения средств в рассматриваемые годы, народнохозяйственные потери от замораживания капитальных вложений и СМР распределялись следующим образом (табл. 6).

Из приведенных данных видно, что народнохозяйственные потери от превышения нормативных сроков строительства (также как и сами фактические сроки), хоть и с большими колебаниями в отдельные годы, имели заметную тенденцию к сокращению. Так, если в 1960 году потери в связи с затягиванием освоения средств на 100 руб. капитальных вложений и СМР в сметных ценах составили, соответственно, по 27 руб., то уже в 1965 году они определились в 14–15 руб., а в 1970 году — 10 и 11 рублей. При всем этом темпы освоения средств при строительстве нефтехимических

Таблица 5 — Освоение капитальных вложений и строительно-монтажных работ течение нормативного периода и за его пределами

	Освоение средств, тыс. руб.		Период замораживания, лет		Величина недополученного национального дохода в связи с замораживанием, тыс. руб.	
	всего	СМР	всего	СМР	всего	СМР
Вложения в пределах нормативного срока строительства (1964–1968 гг.)	4375.0	1846.0	1.67	1.73	1461.3	638.7
Вложения за пределами нормативного срока строительства:						
1968 г.	6931	4080	1.67	1.73	2315.0	1411.7
1969 г.	18570	8870	1.18	1.19	4382.5	2111.1
1970 г.	25450	11818	0.52	0.55	2646.8	1300.0
Итого:	55326	26614	–	–	10805.6	5461.5

Таблица 6 — Народнохозяйственные потери от замораживания капитальных вложений

	Годы					
	1955–1959	1960	1961	1962	1963	1964
Капиталовложения в % к итогу	4,3	4,6	5,8	6,6	5,5	9,9
Потери, в тыс. руб.	4780,4	3223,5	4567,1	4663,8	3144,3	3630,1
То же, в %	41,7	26,5	29,7	26,7	21,6	13,9
То же, на 100 руб. капиталовложений	42	27	30	27	22	14
СМР, в % к итогу	3,9	4,7	5,7	6,0	5,9	8,9
Потери, в тыс. руб.	2312,2	1920,7	2388,0	2366,5	1907,3	2077,0
То же, в %	39,6	27,1	28,0	26,4	21,7	15,5
То же, на 100 руб. СМР	40	27	28	26	22	15

	Годы					
	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Капиталовложения в % к итогу	11,2	11,5	13,4	7,4	10,0	9,7
Потери, в тыс. руб.	4185,0	4004,0	4208,1	4425,3	5096,0	2646,8
То же, в %	14,3	13,3	12,0	22,6	19,2	10,4
То же, на 100 руб. капиталовложений	14	13	12	23	19	10
СМР, в % к итогу	13,6	11,9	14,7	7,3	9,5	7,9
Потери, в тыс. руб.	2992,2	2498,8	2857,8	2822,5	2704,4	1300,0
То же, в %	14,6	13,9	13,0	25,7	18,9	11,0
То же, на 100 руб. СМР	15	14	13	26	19	11

предприятий были весьма незначительными, а потому уровень народно-хозяйственных потерь от замораживания капитальных вложений сохранялся высоким.

Народнохозяйственные потери от замораживания капитальных вложений (также, как и эффект от сокращения сроков строительства) не отражается ни на показателях производственно-хозяйственной деятельности строительных организация, ни на показателях деятельности потребителей ее продукции. Вместе с тем, организации строительства, существенное сокращение средней продолжительности строительства всех сооружаемых предприятий и объектов (а не отдельных, изолированных, взятых и рассматриваемых вне связи со всем полигоном включенных в план строительства) не могло быть осуществлено без дополнительного наращивания производственных мощностей строительных организаций. Но дальнейшее наращивание — повышение фондооснащенности строительных организаций, повы-

шение фондовооруженности и механовооруженности труда строителей (и на этой основе естественно) сокращение сроков строительства, требовало привлечения дополнительных ресурсов, что не могло не сказаться на показателях эффективности строительства.

По УКПО, как мы видим, имело место некоторое сокращение средней фактической продолжительности строительства нефтехимических предприятий и некоторое приближение их к нормативным срокам. Но это сокращение средних сроков строительства достигалось почти исключительно за счет повышения фондовооруженности и механовооруженности труда строителей темпами, намного опережающими рост их производительности, что обусловило в определенной мере повышение фондоёмкости производства и вызвало соответствующие потери.

По УКПО соответствие потерь в строительстве от повышения фондоёмкости производства и народнохозяйственного эффекта от со-

кращения средней фактической продолжительности строительства против 1961 года сложилось следующим образом (в руб. на 100 руб. сметной стоимости СМР) (табл. 7).

Из приведенных данных видно, что повышение фондоемкости СМР в подрядных организациях УКПО, как правило, сопровождалось увеличением потерь в строительстве. Так, если в 1962 году потери от повышения фондоемкости в строительстве определились в 3 руб. на 100 руб. сметной стоимости СМР, то в 1965 году они составили 9 руб., а в 1970 году — 15 руб. С другой стороны, при существующем уровне фондооснащенности строительных организаций, значительной доле ручного труда в строительстве, систематическое повышение фондовооруженности и механовооруженности труда даже темпами, обгоняющими рост его производительности, не могло не повлиять на сокращение средних фактических сроков строительства и приближения их к нормативам, что, естественно, вызвало сокращение потерь от замораживания капитальных вложений в незавершенном строительстве. Так, если в 1962 году народнохозяйственный эффект от сокращения средних фактических сроков строительства против 1961 года составили 2 руб. на 100 руб. сметной стоимости СМР, то в 1965 — 13 руб., а в 1979 — 17 руб. При этом не трудно заметить, что народнохозяйственный эффект от сокращения средних фактических сроков строительства почти во все рассматриваемые годы (кроме 1962 и 1968 гг.) значительно выше потерь от повышения фондоемкости производства. Среднегодовой темп роста эффекта от сокращения фактических сроков строительства и объектов незавершенного строительства

в рассматриваемый период составил 30,7 %, против среднегодовых темпов роста потерь от повышения фондоемкости строительства производства в 22,3 %.

В Научно-исследовательском институте организации и управления в строительстве при МИСИ имени В.В. Куйбышева были проведены расчеты сравнительной эффективности нескольких вариантов развития строительства на 20 лет, различающихся уровнем фондооснащенности и текущих издержек строительного производства, а также величиной средне продолжительности создания фондов в отраслях народного хозяйства [6].

По первому из этих вариантов прогнозируемая величина основных производственно-строительных фондов на 1 млн руб. СМР должна была составлять 0,38 млн руб. по сравнению с 0,30 млн руб. в 1970 году, т. е. возрасти на 25 %, а их рентабельность — на 50 %. Было подсчитано, что при таком уровне фондооснащенности строительных организаций, среднюю продолжительность строительства возможно сократить только на 30–40 %, тогда как разрыв между фактическими и нормативными (плановыми) сроками сохранялся значительным. Поэтому был рассмотрен другой вариант, в котором предусмотрено резкое (на 80 %) повышение фондооснащенности строительных организаций. При этом варианте обеспечивается двукратное сокращение цикла строительства, одновременно с этим фондоемкость строительного производства повышается на 42 %, себестоимость СМР оказывается почти на 3 % выше, чем в первом варианте.

Подобный путь развития строительства (особенно при строительстве крупных объ-

Таблица 7 — Потери в строительстве от повышения фондоемкости производства и народнохозяйственного эффекта от сокращения средней фактической продолжительности строительства

	Годы					
	1962	1964	1965	1966	1968	1970
Потери от повышения фондоемкости СМР	3	7	9	7	9	15
Народно-хозяйственный эффект от сокращения сроков строительства*	2	13	13	14	2	17

* Народнохозяйственный эффект от сокращения сроков строительства принят нами как разность потерь от замораживания капитальных вложений базового и отчетного периодов.

ектов) мог оказаться более эффективным и менее капиталоемким, поскольку при этом создавались реальные предпосылки для сокращения продолжительности строительства, величины задела и объемов незавершенных капитальных вложений. Иначе говоря, повышение фондоемкости в строительстве в отдельные периоды допустимо, если платой за это является рост эффективности общественного производства.

1971–1975 годы в строительстве были по своему характеру переходными от преимущественно экстенсивных к преимущественно интенсивным факторам экономического роста. Успешному переходу могли способствовать быстрее внедрение и углубление хозяйственной реформы, совершенствование методов экономического стимулирования вообще и технического прогресса в особенности.

Действенным рычагом в деле сокращения сроков строительства и народнохозяйственных потерь от замораживания капитальных вложений могло стать включение незавершенного строительства в оборотные средства строительных организаций, что представляется нам единственно правильным, поскольку это создало бы у строителей дополнительный стимул к сокращению продолжительности строительства (через плату за производственные фонды).

Вместе с тем реализация принципа «что хорошо для народного хозяйства в целом, должно быть хорошо и для отдельного предприятия» требовала изменения общепринятых методов (подхода) и к оплате за законченную строительную продукцию.

Оплата за законченный строительством объект не учитывала фактор времени, то есть

степень соблюдения заданных сроков строительства и ввода объектов в эксплуатацию и соответствие фактической продолжительности строительства нормативной. Между тем, сокращение сроков строительства против нормативного должно, по нашему мнению, компенсироваться выплатой строителям дополнительных ассигнований (наценки за выполнение работы), пропорционально фактическому сокращению сроков строительства в сравнении с нормами. И наоборот, удлинение сроков строительства по сравнению с нормами должно приводить к потерям строительных организаций, за счет недополучения части сметной стоимости пропорционально затягиванию срока ввода объектов в эксплуатацию. В случае же, если сроки завершения строительства и ввода объектов в эксплуатацию затягиваются не по вине строительных организаций, убытки, в том числе и потери, возникающие у строительных организаций должны компенсироваться виновными (поставщиками при несвоевременной отгрузке оборудования, заказчиками при задержке выдачи проектно-сметной документации и т. д.).

В Чехословакии, например, на основе произведенных расчетов влияния различных циклов строительства на отдельные статьи себестоимости СМР была разработана и предложена следующая шкала доплат за сокращение продолжительности строительства по сравнению с нормативной (к сметной стоимости работ) (табл. 8) [9].

При этом предполагалось, что эти доплаты за сокращение продолжительности строительства не есть денежная часть полученной заказчиками прибыли, а экономически обоснован-

Таблица 8 — Шкала доплат за сокращение продолжительности строительства

Размеры сокращения продолжительности строительства по сравнению с нормами (в %)	Доплата по смете (в %)
до 5,0	2,0
5,01 до 10	4,0
10,01 до 20	6,0
20,01 до 30	8,0
30,01 до 50	9,0
более 50	10,0

ное возмещение строительным организациям (фирмам) тех дополнительных затрат, которые они несут в связи с необходимостью привлечения дополнительных ресурсов для сокращения сроков строительства одних объектов без увеличения продолжительности других.

Существовавший порядок планирования капитального строительства не способствовал сосредоточения средств и ресурсов, понижению фондоемкости работ и завершению строительства объектов в короткие сроки. Изобилие плановых показателей сковывало и ограничивало инициативу строительных организаций и не ориентировало их на завершение строительства производственных мощностей в короткие сроки. В погоне за «валом» строительные организации, по существу, разгоняли рабочую силу и технику по многочисленным объектам, что повышало фондоемкость работ и в конечном итоге приводило к срыву установленных сроков ввода объектов в эксплуатацию и росту объемов незавершенного строительства. Действующая система расчетов между подрядными организациями и заказчиками за выполнение СМР также была ориентирована, главным образом, на незавершенное строительство. Система расчетов предусматривала оплату за отдельные части конструктивных элементов и видов работ (1 м³ земли, бетона, железобетона, 1 м² штукатурки, 1 т металлоконструкций) на основании прейскурантных цен и единичных расценок.

Принятое в мае 1969 г. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства» [7] положило начало проведению широкой хозяйственной реформы в строительстве. В нем были заложены основы улучшения планирования и повышения эффективности капитальных вложений, четко определены пути дальнейшего строительного дела. Согласно Постановлению основной формой государственного плана капитального строительства стал пятилетний план, разработанный и утвержденный в установленном порядке по каждому министерству и ведомству СССР и Союзной республике по годам. В этих планах, начиная с плана на 1971–1975 гг., должны были

устанавливаться для каждой стройки задания по вводу в действие мощностей и основных фондов, а также объема капитальных вложений и СМР на весь срок строительства, в том числе и по стройкам, сроки завершения которых выходят за пределы пятилетки. На основании пятилетних планов капитальных вложений и заданий по вводу в действие мощностей и основных фондов, Госпланом СССР с участием Министерств и ведомств СССР и Советов Министров Союзных республик должны были разрабатываться и утверждаться планы для каждой стройки и строительного-монтажной организации.

Это должно было привести к подлинно хозяйственным взаимоотношениям в строительстве, повышению ответственности и заинтересованности строительных организаций, всемирного сокращения сроков строительства и повышения эффективности общественного производства.

Исследование вопросов, рассмотренных в данной работе, позволяет сделать следующие выводы:

1. Повышение фондоемкости строительства, тесно связанное с ростом себестоимости СМР и дополнительными капитальными затратами, оказывает неблагоприятное влияние на эффективность самого строительства.

2. Фондоемкость строительства оказывает большое влияние на народнохозяйственную эффективность. На современной стадии развития строительного производства рост фондоемкости строительных организаций, обуславливаемый повышением фондооснащенности, преимущественно техников действующего уровня, сопровождается повышением производительности труда, сокращением сроков строительства и ввода производственных мощностей, нормализацией заделов, что ведет к повышению народнохозяйственной эффективности. При этом народнохозяйственный эффект за этот счет немного превышает потери строительства от повышений фондоемкости.

3. Повышение фондоемкости строительства в отдельные периоды допустимо, если платой за это является рост эффективности общественного производства. В условиях, когда доля ручного труда в строительстве занимает значительный удельный вес, необходимо

более ускоренными темпами идти на повышение фондооснащенности строительных организаций, несмотря на то, что это может вызвать дальнейший рост фондоемкости.

4. Этот путь развития имеет свои границы, поэтому одновременно с этим необходимо привести в действие все факторы, противодействующие повышению фондоемкости.

Литература

- [1] Гатауллин В.З. Повышение эффективности общественного производства и тенденции изменения показателя «фондоемкость» // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2017. — № 1 (34). — С. 73–80.
- [2] Зухавицкий С.И., Радчак И.Д. Математические методы сетевого планирования. — М.: Наука, 1965. — 296 с.
- [3] Малышев Ю., Бматов В. Фондоемкость продукции и норма социалистического накопления // Нефть и газ. — 1964. — № 6.
- [4] Канюка Н.С., Кучер Н.Г., Крюков И.М. Комплексная механизация монтажа промышленных сооружений: методическое пособ. по выбору рациональных комплектов машин. — К.: Будівельник, 1965. — 195 с.
- [5] Мальцев В.И., Швецов Р.И., Губенко Ф.И. Вопросы оптимизации сетевых графиков по стоимости // Вычислительная и организационная техника в строительстве и архитектуре. — 1968. — Вып. 1–4.
- [6] Меркин Р.М. Сокращение цикла строительства // Вопросы экономики. — 1972. — № 12. — С. 14, 23.
- [7] Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28.05.1969 № 389 «О совершенствовании планирования капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7719#0>
- [8] Разумно И.М. Выбор системы оперативного планирования. — М.: Знание, 1966. — 87 с.
- [9] Экспресс информация. Серия II. — 1967. — Вып. 2. — С. 66–67.

GATAULLIN Venir Zinurovich,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
At the Department of Finance and Economic Analysis
Ufa State Aviation Technical University
e-mail: Venir8@mail.ru*

CONDITION OF THE CONSTRUCTION COMPLEX OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN 1960–1970s YEARS

Part 2

Problems of shortening the duration of the construction process

Capital construction, called to effectively and quickly implement complex programs for the development of productive forces, has an exceptionally important role in improving the efficiency of social production, so much attention is paid to the organization of capital construction, raising its technical level and shortening the duration of the construction process. The article touches upon the problem of the generally accepted approach to payment for finished construction products. Reduction of the construction time against the normative, in the opinion of the author, should be compensated by the payment to the builders of additional appropriations (mark-ups for the performance of the work), in proportion to the actual reduction in the construction time in comparison with the norms, and, conversely, the lengthening of the construction terms in comparison with the norms should lead to losses of construction organizations due to a shortage of part of the estimated cost, in proportion to the delay in the timing of commissioning of facilities.

Key words: *capital intensity, efficiency, construction and installation works, basic production assets, capital equipment, construction time, production capacity, cost price, construction duration.*

References

- [1] *Gataullin V.Z.* Povyshenie effektivnosti obshhestvennogo proizvodstva i tendencii izmeneniya pokazatelja "fondoemkost" [Increase in the Efficiency of Social Production and the Trend of Changing the Indicator "Capital Intensity"] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2017. — No. 1 (34). — P. 73–80.
- [2] *Zukhavitsky S.I., Radchak I.D.* Matematicheskie metody setevogo planirovanija [Mathematical Methods of Network Planning]. — Moscow: Nauka, 1965. — 296 p.
- [3] *Malyshev Yu., Bmatov V.* Fondoemkost' produkcii i norma socialisticheskogo nakoplenija [The Capital Intensity of Production and the Rate of Socialist Accumulation] // Neft' i gaz [Oil and Gas]. — 1964. — No. 6.
- [4] *Kanyuka N.S., Kucher N.G., Kryukov I.M.* Kompleksnaja mehanizacija montazha promyshlennyh sooruzhenij: metodicheskoe posob. po vyboru racional'nyh komplektov mashin [Integrated Mechanization of Installation of Industrial Structures: manual on the choice of rational sets of machines]. — Kiev: Budivel'nik, 1965. — 195 p.
- [5] *Maltsev V.I., Shvetsov R.I., Gubenko F.I.* Voprosy optimizacii setevykh grafikov po stoimosti [Optimization of Network Graphs for Cost] // Vychislitel'naja i organizacionnaja tehnika v stroitel'stve i arhitekture [Computational and Organizational Techniques in Construction and Architecture]. — 1968. — Issue. 1–4.
- [6] *Merkin R.M.* Sokrashhenie cikla stroitel'stva [Reduction of the Construction Cycle] // Voprosy ekonomiki [Issues of Economics]. — 1972. — No. 12. — Pp. 14, 23.
- [7] Postanovlenija CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 28.05.1969 № 389 "O sovershenstvovanii planirovanija kapital'nogo stroitel'stva i ob usilenii jekonomicheskogo stimulirovanija stroitel'nogo proizvodstva" [Decisions of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated May 28, 1969 No. 389 "On Improving the Planning of Capital Construction and on Strengthening Economic Incentives for Construction"] [Electronic resource]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7719#0>
- [8] *Razumno I.M.* Vybor sistemy operativnogo planirovanija [Selection of the Operational Planning System]. — Moscow: Znanie, 1966. — 87 p.
- [9] Express information. Series II. — 1967. — Issue. 2. — Pp. 66–67.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 342.33

ОСМАНОВ Роман Азерович,

аспирант ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации»

e-mail: Shomik1@ya.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье автор делает попытку непредвзято оценить уровень и состояние конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации. В работе раскрывается понятие и необходимость реализации принципа разделения властей не только на уровне всего государства, но и в его регионах. Поскольку помимо мировых судей только конституционные (уставные) суды являются судами субъектов Российской Федерации, их отсутствие в большинстве регионов говорит и об отсутствии принципа разделения властей, необходимого в любом демократическом государстве. Помимо этого, конституционные (уставные) суды являются существенным элементом защиты прав и свобод граждан, в том числе позволяя последним оспаривать конституционность того или иного закона субъекта. В этой связи приводится авторская позиция о причинах, по которым не все субъекты Российской Федерации организовали такие суды, а некоторые их даже упразднили.

Ключевые слова: субъекты Российской Федерации, конституция, конституционные (уставные) суды, судебная власть, устав, суд, принцип разделения властей, законотворчество, нормативные акты.

Реорганизация судебной системы на основе принципов демократии является важнейшей задачей современного правового государства. В Российской Федерации данный процесс сопровождался основанием конституционной юстиции не только на федеративном уровне как государства в целом, но и на уровне его субъектов.

Началом конституционного правосудия в России стала организация Конституционного суда Российской Федерации. Создание в ряде субъектов органов конституционного контроля также является действенной формой защиты Основного закона страны и законодательства субъектов Федерации.

Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации реализуют консти-

туционное судопроизводство на территории того субъекта Российской Федерации, в котором они учреждены и расположены. Данные суды занимают особенное место в системе органов государственной власти субъектов, как и Конституционный Суд Российской Федерации, имеют уникальные задачи, выполняют особые функции.

Указанные суды позволяют органам местного самоуправления решать многие задачи, в том числе в области защиты прав и свобод человека. Анализ их работы показывает, что и на уровне субъектов Российской Федерации значительная часть решений конституционных (уставных) судов связана как раз с их право-защитной функцией. Данные суды составляют в стране тот действенный рычаг, при помощи

которого законодательная и исполнительная власти субъектов могут результативно исполнять свои полномочия.

Уникальность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации состоит также в том, что любой из них самостоятелен в реализации своих полномочий, а его решения не могут отменяться либо изменяться ни Конституционным Судом Российской Федерации, ни каким-либо другим судом. Данный факт обусловлен тем, что каждый из конституционных (уставных) судов субъектов при осуществлении своих полномочий руководствуется конституцией (уставом) определенного субъекта Российской Федерации и строит свои выводы непосредственно на ее нормах и положениях.

Кроме того, при организации конституционного (уставного) суда субъект Российской Федерации заканчивает формирование собственной третьей ветви государственной власти — судебной.

Вообще в Российской Федерации принцип разделения властей изначально закреплялся в Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г., а затем нашел свое отражение в Конституции РСФСР. Конституция Российской Федерации 1993 года устанавливает данный принцип как одну из основ конституционного строя государства. В ней сказано, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Суть данного принципа, являющегося базовым в государственном механизме правовых государств, состоит в том, что демократический режим может быть организован лишь в том государстве, где функции государственной власти разделены между самостоятельными государственными органами. Это обусловлено тем, что концентрация законодательных, исполнительных, судебных функций в деятельности одного органа государственной власти влечет за собой чрезмерную концентрацию власти у данного органа.

В большинстве современных государств данный принцип одновременно служит как

функциональной основой, которая обеспечивает эффективную деятельность государственного механизма, так и способствует оптимальному развитию отношений в обществе и государстве [11].

Учитывая вышеизложенное, общей закономерностью создания органов власти и управления в субъектах федераций является копирование формы и принципов, положенных в основу организации центральных органов власти, среди которых одним из основополагающих является сохранение концепции разделения властей на уровне региона.

Так, согласно ст. 5 Конституции Республики Башкортостан, государственная власть в Республике Башкортостан осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Статья 105 Конституции гласит, что к судам Республики Башкортостан относятся Конституционный Суд Республики Башкортостан и мировые судьи [5].

Аналогичные положения содержатся в ст. 9 Конституции Республики Татарстан [6].

Наличие собственной судебной власти в субъекте дает возможность помимо применения мер уголовного принуждения разрешать правовые споры между конкретными лицами, между органами государственной власти и местного самоуправления, а также решать вопросы соответствия регионального и муниципального законодательства его конституции либо уставу.

Нельзя не согласиться с утверждением профессора С.В. Нарутто, по мнению которого нормативные правовые акты органов местного самоуправления составляют в системе правовых актов наибольший удельный вес, прежде всего в силу большого количества субъектов нормотворчества — свыше 24 тыс. муниципальных образований. Как раз такие нормативные акты, зачастую, имеют значительные дефекты и чаще оспариваются в судах ввиду нарушения прав и свобод граждан, нарушений процедуры принятия и опубликования акта и т.д. [8]. Учитывая изложенное, важность проведения проверки муниципальных актов именно в конституционном (уставном) судопроизводстве субъектов России тяжело переоценить.

Поскольку мировые судьи, относящиеся к судам субъектов, не наделены данными полномо-

чиями (они не осуществляют проверки конституционности нормативных правовых актов органа государственной власти субъекта, органа местного самоуправления), можно сказать, что в отсутствие конституционного (уставного) суда в субъекте Российской Федерации не имеется и полноценной судебной власти.

Следует отметить, что даже передача судам общей юрисдикции указанных полномочий не решила, а лишь усугубила бы проблему, поскольку при наделении одинаковой компетенцией различных по своему предназначению судов привело бы к запутанности законодательной системы государства, принятию противоречивых решений, одновременному появлению вступивших в силу решений различных судов по одному и тому же вопросу.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации в 2003 году оставил за собой исключительное право на рассмотрение подобного рода вопросов, запретив судам общей юрисдикции рассматривать их.

В своем решении от 16 июня 1998 г. о толковании отдельных положений ст.ст. 125–127 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации определил, что лишь на основании федеральных конституционных законов право судов общей юрисдикции на проверки соответствия нормативных правовых актов федеральным законам может быть установлено только федеральным конституционным законом.

В этой связи парадоксальным выглядит тот факт, что до настоящего времени конституционные (уставные) суды созданы лишь в 17 субъектах, а функционируют и вовсе 16. Причем в некоторых субъектах законодательство хоть и прямо предусматривает создание таких судов, фактически они не организованы.

В качестве примера можно привести Устав Ямало-Ненецкого автономного округа от 28.12.1998 № 56-ЗАО. Статья 47 данного нормативного акта предусматривает создание на территории округа уставного суда [14]. В последний раз законопроект об уставном суде был внесен в Законодательное Собрание ЯНАО в 2014 году депутатом Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от партии «Справедливая Россия» В.И. Степанченко.

В пояснительной записке к законопроекту авторы указывали, что «нормативные акты местного самоуправления часто противоречат конституционным требованиям, но при этом их рассмотрение к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации не относится... такой суд будет способствовать, с одной стороны, укреплению законности, а с другой — совершенству правовой системе автономного округа, разрешая юридические коллизии и конфликты» [12].

Несмотря на это, Постановлением Законодательного Собрания ЯНАО от 16.04.2014 № 2032 данный законопроект был отклонен. По информации разработчиков, размещенной на официальном сайте регионального отделения партии в ЯНАО, за принятие закона проголосовали 3 депутата, 3 воздержались и 11 были против.

Согласно заключениям о законопроекте, в его принятии нет необходимости ввиду отсутствия средств в бюджете автономного округа, а также возможности разрешения основных вопросов, входящих в компетенцию уставного суда, федеральными судебными органами [9].

Чуть дальше в данном вопросе продвинулись в столице Российской Федерации. Согласно ч. 5 ст. 5 Устава г. Москвы органами судебной власти города Москвы являются Уставный суд города Москвы и мировые судьи [13].

13 февраля 2002 г. был издан Закон г. Москвы № 10, определяющий порядок формирования и деятельности Уставного суда города [2].

При этом суд существует лишь на бумаге и в действительности также не организован. Особенно удивительным выглядит тот факт, что в вышеуказанный Закон периодически вносятся изменения.

В частности, 4 апреля 2012 г. в него внесено изменение, касающееся ограничений и запретов, устанавливаемых для судей Уставного суда города Москвы.

Возникает достаточно логичный вопрос о причинах такой неоднозначной позиции субъектов Федерации при подходе к созданию конституционных (уставных) судов.

Наиболее комплексной выглядит точка зрения таких ученых-правоведов как Е.В. Миряшева, С.Г. Павликова, В.Е. Сафонова. По их

мнению, отсутствие рассматриваемых судов в большинстве субъектов России предопределено совокупностью правовых, кадровых, финансовых и других факторов, отсутствием должной поддержки со стороны государства, нежеланием руководителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации организовывать суды, которые могут отменить фактически их же неконституционные акты и т. д. [7].

На наш взгляд, не последнюю роль в вопросе организации данных судов также играет вопрос финансирования, поскольку создание в субъекте подобного органа судебной власти требует денежных затрат, что должно быть учтено при формировании бюджета.

Так, с 1 марта 2014 г. был упразднен Уставный суд Челябинской области. Соответствующие поправки были внесены в Устав Челябинской области и законы. При этом данный суд являлся самым молодым из действовавших на тот момент. Он был учрежден Законом Челябинской области от 27.10.2011 № 220-30 «Об Уставном суде Челябинской области» и начал свою работу только в 2012 году [3]. Как сообщил в интервью «Российской газете» заместитель председателя Законодательного Собрания Челябинской области Семен Аркадьевич Мительман, финансовые затраты на надлежащее функционирование деятельности суда составляли от 30 до 30 млн руб. ежегодно и были неоправданы [11].

Впрочем, как отмечают профессор А.Т. Карасев и советник судьи Уставного суда Челябинской области А.В. Савоськин, в 2013 году на содержание Уставного суда (в том числе на заработную плату судей и аппарата) был потрачен 21 млн руб., тогда как бюджет всей судебной системы Челябинской области составил 437 миллионов. Между тем, на организацию Законодательного Собрания Челябинской области было потрачено 239 млн руб., из которых более 100 млн — на содержание депутатского корпуса и 5,5 млн — на председателя Собрания. Учитывая изложенное, можно было достичь той же экономии, сократив затраты на содержание Законодательного Собрания меньше чем на 10%, при этом не упраздняя такой значимый элемент защиты прав граждан, как Уставной суд Челябинской области [4, с. 36–40].

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что правовая охрана основ конституционного строя в российском государстве включает в себя охрану не только Конституции Российской Федерации, но и основных законов субъектов Российской Федерации.

Возникшая ситуация по отсутствию изучаемых судов в ряде субъектов Федерации говорит о фактическом отсутствии в них принципа разделения властей и ведет к появлению правовых коллизий, негативно отражается на организованности действий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления.

Более того, изначально допускается, что в данных субъектах Российской Федерации могут действовать неконституционные законы. Кроме того, в случаях, когда основной закон субъекта Российской Федерации предусматривает учреждение конституционного (уставного) суда, однако такой суд в течение продолжительного времени не образован, можно говорить о нарушении законодательными и исполнительными органами государственной власти такого субъекта Российской Федерации своей собственной Конституции либо устава.

Помимо этого, многие граждане Российской Федерации также не могут реализовать свое право на обращение в суды указанной категории с вопросом о конституционности принятых в субъекте либо в муниципальном образовании правовых актов, что также не соотносится с принципами правового государства.

Представляется верным предложение профессора В.Б. Евдокимова о внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», предусматривающих обязательное образование конституционных (уставных) судов в тех субъектах Российской Федерации, основной закон которых предусматривает данную процедуру в не зависимости от финансирования либо «нежелания» региональной власти иметь над собой контролера. Такое предложение не будет противоречить принципу самостоятельности субъектов Российской Федерации в установлении собственной системы орга-

нов государственной власти, который предусматривает ч. 1 ст. 77 Конституции Российской Федерации. Кроме того, оно соотносится с принципом разделения властей на законо-

дательную, исполнительную и судебную, который действует на федеральном и региональном уровне государственной власти в России [1].

Литература

[1] *Евдокимов В.Б.* Конституционные (уставные) суды в системе разделения властей в Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2013. — № 5 (37). — С. 63–68.

[2] Закон г. Москвы от 13.02.2002 № 10 «Об Уставном суде города Москвы» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=36206#0>

[3] Закон Челябинской области от 27.10.2011 № 220-30 «Об Уставном суде Челябинской области» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW169;n=74375#0>

[4] *Карасев А.Т., Савоськин А.В.* К вопросу об упразднении Уставного суда Челябинской области // Проблемы права. — 2014. — № 2. — С. 36–40.

[5] Конституция Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW140&n=191#0>

[6] Конституция Республики Татарстан [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW363&n=98>

[7] *Миряшева Е.В., Павликов С.Г., Сафонов В.Е.* Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность. — М.: Российский гос. ун-т правосудия, 2015. — С. 122.

[8] *Нарутто С.В.* Оспаривание муниципальных нормативных правовых актов в конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации: теория и практика // Журнал конституционного правосудия. — 2010. — № 2. — С. 17–25.

[9] Правящее большинство в Заксобрании на Ямале не желает признавать реальность // Сайт Регионального отделения партии «Справедливая Россия» в Ямало-Ненецком автономном округе [Электронный ресурс]. — URL: <http://yamal.spravedlivo.ru/005105382.html> (дата обращения: 07.11.2016).

[10] Роскошь правосудия // Российская газета. — 2014. — 27 февр. — № 6318. — С. 8–9.

[11] *Рудаков Н.С., Никонова Л.И.* Реализация принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации // Актуальные вопросы юриспруденции: мат-лы Междунар. заочной науч.-практич. конф. — Новосибирск: СибАК, 2013. — С. 122–123.

[12] Совет Законодательного собрания сформировал повестку дня // Сайт Регионального отделения партии «Справедливая Россия» в Ямало-Ненецком автономном округе [Электронный ресурс]. — URL: <http://yamal.spravedlivo.ru/005104867.html> (дата обращения: 07.11.2016).

[13] Устав г. Москвы (утв. Московской городской Думой 28 июня 1995 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/998898/#ixzz4tODBF9eu>

[14] Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28.12.1998 № 56-3АО (принят Государственной Думой Ямало-Ненецкого автономного округа 27.12.1998) из информационного банка «Ямало-Ненецкий автономный округ» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW906&n=108#0>

OSMANOV Roman Azerovich,
Postgraduate
Academy of the General Prosecutor's Office
Russian Federation
e-mail: Shomik1@ya.ru

PROBLEMS OF CREATION AND FUNCTIONING OF CONSTITUTIONAL (AUTHORIZED) VESSELS SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article the author makes an attempt to estimate the level and state of constitutional justice in the subjects of the Russian Federation without bias. The work reveals the notion and necessity of implementing the principle of separation of powers not only at the level of the entire state, but also in its regions. In addition to just judges of the peace, only constitutional (statutory) courts are courts of the subjects of the Russian Federation, their absence in most regions speaks about the absence of the principle of separation of powers necessary in any democratic state. In addition, constitutional (statutory) courts are an essential element of the protection of citizens' rights and freedoms, including allowing the latter to challenge the constitutionality of a particular law of the subject. In this regard, the author's position is given on the reasons why not all constituent entities of the Russian Federation have organized such courts, and some have even abolished them.

Key words: subjects of the Russian Federation, constitution, constitutional (statutory) courts, judicial power, charter, court, principle of separation of powers, lawmaking, normative acts.

References

- [1] *Evdokimov V.V.* Konstitucionnye (ustavnye) sudy v sisteme razdelenija vlastej v Rossijskoj Federacii [Constitutional (Statutory) Courts in the System of Separation of Powers in the Russian Federation] // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation]. — 2013. — No. 5 (37). — P. 63–68.
- [2] Zakon g. Moskvy ot 13.02.2002 № 10 «Ob Ustavnom sude goroda Moskvy» [Law of Moscow dated February 13, 2002 No. 10 "On the Statutory Court of the City of Moscow"] [Electronic resource]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=36206#0>
- [3] Zakon Cheljabinskoy oblasti ot 27.10.2011 № 220-ZO «Ob Ustavnom sude Cheljabinskoy oblasti» [The Law of the Chelyabinsk Region dated October 27, 2011 No. 220-ZO "On the Statutory Court of the Chelyabinsk Region"] [Electronic resource]. — URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW169;n=74375#0>
- [4] *Karasev A.T., Savos'kin A.V.* K voprosu ob uprazhdenii Ustavnogo suda Cheljabinskoy oblasti [On the Issue of the Abolition of the Statutory Court of the Chelyabinsk Region] // Problemy prava [Problems of Law]. — 2014. — No. 2. — P. 36–40.
- [5] Konstitucija Respubliki Bashkortostan [The Constitution of the Republic of Bashkortostan] [Electronic resource]. — URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW140&n=191#0>
- [6] Konstitucija Respubliki Tatarstan [The Constitution of the Republic of Tatarstan] [Electronic resource]. — URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW363&n=98>
- [7] *Miryasheva E.V., Pavlikov S.G., Safonov V.E.* Sudebnyj konstitucionnyj kontrol' v Rossii i zarubezhnyh stranah: istorija i sovremennost' [Judicial Constitutional Control in Russia and Foreign Countries: History and Modernity]. — Moscow: Russian State University of Justice, 2015. — C. 122.
- [8] *Narutto S.V.* Osparivanie municipal'nyh normativnyh pravovyh aktov v konstitucionnyh (ustavnyh) sudah sub#ektov Rossijskoj Federacii: teorija i praktika [Challenging of Municipal Regulatory Legal Acts in Constitutional (Statutory) Courts of the Subjects of the Russian Federation: Theory and Practice] // Zhurnal konstitucionnogo pravosudija [Journal of Constitutional Justice]. — 2010. — No. 2. — Pp. 17–25.
- [9] Pravjashhee bol'shinstvo v Zaksobranii na Jamale ne zhelaet, priznavat' real'nost' [The Ruling Majority in the Legislative Assembly on Yamal Does Not Want to Recognize the Reality] // Sajt Regional'nogo otdelenija partii «Spravedlivaja Rossija» v Jamalo-Neneckom avtonomnom okruge [The site of the Regional Branch of the Just Russia Party in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug] [Electronic resource]. — URL: <http://yamal.spravedlivo.ru/005105382.html>
- [10] Roskosh' pravosudija [The Luxury of justice] // Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. — 2014. — Feb. 27. — No. 6318. — Pp. 8–9.

[11] *Rudakov N.S., Nikonova L.I.* Realizacija principa razdelenija vlastej v sub#ektah Rossijskoj Federacii [Realization of the Principle of Separation of Powers in the Subjects of the Russian Federation] // Aktual'nye voprosy jurisprudencii: mat-ly Mezhdunar. zaochnoj nauch.-praktich. konf. [Actual Questions of Jurisprudence: materials of the International. correspondence scientific-practical. conf.]. — Novosibirsk: SibAK, 2013. — Pp. 122–123.

[12] Sovet Zakonodatel'nogo sobranija sformiroval povestku dnja [The Council of the Legislative Assembly Formed the Agenda] // Sajt Regional'nogo otdelenija partii «Spravedlivaja Rossija» v Jamalo-Neneckom avtonomnom okruge [The site of the Regional branch of the Just Russia Party in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug] [Electronic resource]. — URL: <http://yamal.spravedlivo.com/005104867.html>

[13] Ustav g. Moskvy (utv. Moskovskoj gorodskoj Dumoj 28 ijunja 1995 g.) (s izmenenijami i dopolnenijami) [Charter of Moscow (approved by the Moscow City Duma on June 28, 1995) (with amendments and additions)] [Electronic resource]. — URL: <http://base.garant.ru/998898/#ixzz4t0DBF9eu>

[14] Ustav (Osnovnoj zakon) Jamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga ot 28.12.1998 № 56-ZAO (prinjat Gosudarstvennoj Dumoj Jamalo-Neeckogo avtonomnogo okruga 27.12.1998) iz informacionnogo banka "Jamalo-Neneckij avtonomnyj okrug" [Charter (Basic Law) of the Yamalo-Nenets Autonomous District No. 56-ZAO dated December 28, 1998 (adopted by the State Duma of the Yamal-Neetsky Autonomous Okrug on December 27, 1998) from the information bank "Yamal-Nenets Autonomous District"] [Electronic resource]. — URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW906&n=108#0>

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Научный журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 08.00.00 — экономические науки; 23.00.00 — политология; 12.00.00 — юридические науки.

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 февраля, до 1 мая, до 1 августа, до 1 ноября.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

Порядок направления статей размещен на сайте журнала www.vestnik-bist.ru.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

8. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

9. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках**:

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала с указанием предмета и объекта исследования; целей и задач исследования; кратких выводов.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).
- Список используемой литературы.

10. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

11. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

12. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

13. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

14. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Регионалистика и этнополитика». 2017. № 3 (36)

Компьютерная верстка *А.Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т.Е. Бочарова*

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 11.09.2017. Подписано в печать 28.09.2017.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 13,16.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 52.
Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции, издателя:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВО «АТиСО»;
тел. +7 (347) 241-42-59
www.vestnik-bist.ru
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21
www.proprint02.ru